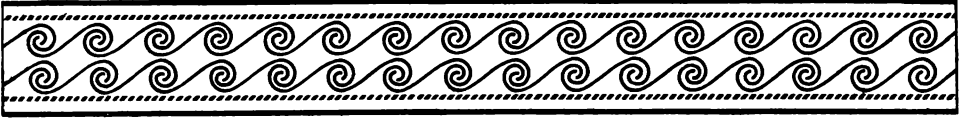

ПРИЛОЖЕНИЕ

Г. А. МЕЛИКИШВИЛИ

УРАРТСКИЕ
КЛИНООБРАЗНЫЕ
НАДПИСИ

УРАРТСКИЕ КЛИНООБРАЗНЫЕ НАДПИСИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Урартские клинообразные надписи заслуживают внимания прежде всего потому, что вместе с ассирийскими надписями они являются важнейшим источником по истории Урарту, древнейшего государственного образования на территории Советского Союза и соседних с Урартским государством стран. Урарту — одно из могущественных древневосточных государств, оказавшее влияние на развитие соседних народов Кавказа, Малой Азии, Ирана и Месопотамии. Без изучения его истории невозможно правильное понимание ряда исторических процессов и, в частности, процесса формирования современных народов Закавказья и их государственности. Не менее ценны урартские эпиграфические памятники и в языковом отношении: они дают основной материал для изучения урартского языка и используются при изучении хурритского языка, ввиду обнаруживающегося близкого родства этих двух языков. Изучение урартского языка помимо практического применения для чтения источников, приобретает определенное значение в свете задач, поставленных перед советской наукой И. В. Сталиным в его гениальном труде «Марксизм и вопросы языкознания», для решения общих теоретических вопросов науки о языке. В развитии изучения урартского языка работы И. В. Сталина по вопросам языкознания сыграли огромную роль. Они помогли специалистам-урартоведам разоблачить антинаучные марровские теории в области урартоведения и дали прочную теоретическую базу для конкретного изучения грамматических и лексических явлений урартского языка. Так как интерес к истории государства Урарту непрерывно возрастает, а урартский язык все еще недостаточно изучен, издание и изучение урартских эпиграфических памятников является крайне необходимым.

Урартские эпиграфические памятники уже давно привлекают внимание исследователей¹. В 1828—1829 гг. Ф. Шульд в Ванском районе обнаружил и скопировал более сорока урартских клинообразных надписей, в том числе и текст знаменитой «Хорхорской летописи» Аргишти I. В продолжении ближайших десятилетий копии или эстампажи отдельных урартских надписей снимались неоднократно. После того как в середине прошлого века была прочитана ассиро-вавилонская клинопись, началась также расшифровка и урартских клинообразных надписей. Первые попытки были неудачными. Лишь работа Сэйса «The cuneiform inscriptions of Van» (JRSAS, 1882 г.) положила начало успешной расшифровке урартских надписей. Сэйс дал таблицу урартских клинообразных знаков, грамматический очерк, опубликовал все известные

¹ Подробнее об истории изучения урартских эпиграфических памятников, урартского языка, истории и культуры Урарту см. в работах: И. И. Мещанинов, Язык Ванской клинописи, Л., 1935, стр. 3—44; Б. Б. Piotrovskiy, История и культура Урарту, Ереван, 1944, стр. 1—22. В этих же работах даются ссылки на соответствующую литературу. Критический разбор этих работ см. ниже.

тогда урартские надписи в транскрипции и переводах. Опираясь на идеограммы, употребляемые в урартских текстах в том же значении, в каком они употребляются в ассиро-вавилонской клинописи, Сэйс смог дать в основном правильный по смыслу перевод урартских текстов. В настоящее время работа Сэйса сильно устарела, но она представляет некоторый интерес в отношении издания тех надписей, для которых Сэйс пользовался неопубликованным ни до, ни после него материалом.

Интерес к урартским клинообразным надписям в России наметился очень рано. Важнейшую роль в изучении урартских эпиграфических памятников и урартского языка сыграли работы знаменитого русского ассириолога М. В. Никольского. Вместе с археологом А. А. Ивановским он совершил в 1893 г. обследование урартских надписей и других урартских древностей на территории тех районов Закавказья, которые когда-то входили в состав государства Урарту. Результатом этой экспедиции и многолетней работы М. В. Никольского над урартскими памятниками явился его капитальный труд «Клинообразные надписи Закавказья» (МАК, V), изданный в 1896 г. Эта работа, образцовая в отношении публикации всех известных тогда урартских надписей Закавказья, значительно продвинула вперед изучение урартского языка в смысле уточнения значения ряда грамматических форм и слов этого языка. Наряду с М. В. Никольским, из русских ассириологов, работавших над урартскими эпиграфическими памятниками, можно назвать В. С. Голенищева, обработавшего важную Звартноцскую надпись.

В 1898—1899 гг. немецкие ученые К. Ф. Леманн-Гаупт и В. Бельк обследовали всю территорию бывшего Урартского государства и произвели раскопки в г. Ване, на месте древней столицы Урарту. Результатом работы Леманн-Гаупта и Белька над эпиграфическими памятниками явилось предпринятое Леманн-Гауптом издание полного сборника урартских надписей — *Corpus Inscriptionum Chaldicarum*, не доведенное, однако, им до конца. Вышли два выпуска сборника в 1928 и в 1935 гг., в них опубликованы 110 надписей Сардури I, Ишпуини и Менуа, причем дана лишь транскрипция этих надписей с примечаниями. Переводами и разбором снабжены лишь некоторые надписи. В транскрипции надписей немало ошибок и серьезных неточностей. Более ценным является опубликование фотоснимков оригиналов или эстампажей целого ряда надписей, некоторых из них впервые. Но в целом издание не стоит на уровне успехов урартоведческой науки своего времени, так как Леманн-Гаупт упорно отказывался принять ряд правильных выводов новых исследователей урартского языка.

В деле выявления новых эпиграфических памятников больших успехов добилась экспедиция Русского Археологического общества под руководством И. А. Орбели. Раскопками в Ване в 1916 г. был открыт текст пространной летописи Сардури II, обогативший новым ценным материалом исследователей урартского языка.

Из новейших исследований буржуазных ученых по урартской эпиграфике и языку следует отметить работы И. Фридриха¹ и А. Гётце², в которых дано правильное определение ряда важных грамматических категорий. Работы М. Церетели³ в области урартской эпиграфики, в том числе грамматический очерк урартского языка, ничего существенного не внесли. Они отличаются слабостью аргументации в объяснении явлений грамматической структуры языка, произвольностью в переводах и определении грамматических форм. Для М. Церетели характерен поверхностный, неисторический

¹ См. OLZ, 1929, стб. 266—270; «Caucasica», VII, VIII; ZA, N.F., VI, H.3/4; Arch. Or., III, № 2, IV, № 1; J. F r i e d r i c h, Einführung ins Urartäische, 1933; OLZ 1935, стб. 425—433; «Acta Jutlandica», IX, 1937; AfO, XIII (1940), H.4/5.

² См. ZA, N.F., V (1929), H. 1/3; JAOS, 55, (1935), № 3; RHA, fasc. 22, 24, 1936.

³ См. его «Die neuen haldischen Inschriften König Sardurs von Urartu», «Sitzungsberichte der Heidelb. Akad. der Wissenschaften», Philos.-hist. Klasse, 5 Abhandlung, Heidelberg, 1928; а также в RA, XXX (1933), № 1; XXXII (1935), № 1, 2; XXXIII (1936), № 2, 3; XLIV (1950), № 4; XLV (1951), № 1, 4.

подход к изучению грамматического строя урартского языка, что проявилось, например, в отрицании им родственных связей между урартским и грузинским языками.¹

Интерес к изучению языка, истории и культуры Урарту, проявлявшийся еще в дореволюционной России, особенно возрос в советское время. На той территории бывшего Урартского государства, которая входит в состав Советского Союза, уже давно развернулась большая работа по изучению урартских древностей: изучались сооружения урартской эпохи, производились раскопки, были открыты новые урартские надписи, опубликовывался материал археологической экспедиции 1916 г. и новых раскопок.

В 1922 г. Н. Я. Марром был издан текст летописи Сардури II, им же были опубликованы и другие вновь открытые надписи. Но издания Н. Я. Марра пестрят ошибками в транскрипции и отличаются произвольностью переводов надписей. Это объясняется тем, что Н. Я. Марр к изучению урартского языка подошел с неправильными, ненаучными методологическими установками. Не выявив конкретных показателей родства урартского языка с грузинским, Н. Я. Марр стал на путь огульного объяснения урартского материала данными грузинского языка.

Мы вправе сравнивать ту или иную урартскую грамматическую форму или то или иное урартское слово с формой или со словом какого-нибудь другого языка лишь тогда, когда на основании самого урартского материала известно хотя бы приблизительное значение данной формы или данного слова. С другой стороны, к сравнению могут быть привлечены лишь те формы или слова, которые действительно выявляют сходство по своему звуковому составу. Н. Я. Марр мало внимания обращал на то,

¹ М. Церетели неправильно понимает такое важное явление грамматического строя урартского языка, как так называемая эргативная конструкция. Урартский язык при переходном глаголе, по всей вероятности, знал лишь одну конструкцию, которая ставит субъект в эргативном падеже. Но для современного грузинского литературного языка характерна вовсе не одна лишь эргативная конструкция, но, наряду с ней, также номинативная, дательная и индефинитная. Субъект переходного глагола в грузинском ставится в эргативном падеже лишь во второй группе времен. Именно это и дает возможность М. Церетели говорить о различии структуры урартского глагола со структурой грузинского глагола и, в конечном счете, отрицать само существование эргативной (по его номенклатуре «пассивной») структуры урартского переходного глагола (РА, XXXIII (1936), стр. 129—132). Но сравнивать то или иное явление грамматической структуры урартского языка с одним лишь современным грузинским, взятым изолированно, конечно, недостаточно. Грузинский (картский) язык, как известно, является одним из представителей картвельской семьи языков, в которую входят кроме него также мегрело-чанский и сванский. Со своей стороны, картвельская семья языков является одной из составных частей кавказской семьи языков, в которую кроме нее входят многие горские кавказские языки. Языки кавказской группы не стоят так близко друг к другу, как, например, языки индоевропейские или семитические. Поэтому недостаточно сравнивать урартский язык с одним лишь грузинским, как это делалось обыкновенно до сих пор, а нужно его сравнивать с разными представителями кавказской семьи языков, что, несомненно, откроет совсем другие перспективы в определении родства урартского языка с кавказским языковым миром. Та самая эргативная конструкция, ограниченное употребление которой в современном грузинском так смущает М. Церетели, в одном из картвельских языков — в чанском — и ныне является единственной конструкцией переходного глагола (взятого в третьем лице). С другой стороны, историческое изучение самого грузинского языка показывает, что наличие названных четырех разных конструкций грузинского переходного глагола вовсе не является изначальным явлением, что в древности эргативная конструкция была единственной конструкцией переходного глагола в грузинском языке, а номинативная конструкция при переходных глаголах — лишь позднейшее образование (А. Ч и к о б а в а, Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках, I, 1948, стр. 147).

что нам говорит сам урартский материал по вопросу о значении той или иной урартской грамматической формы или отдельных слов. Взяв какое-нибудь урартское слово, он его произвольно связывал с каким-либо грузинским словом, иногда весьма мало похожим по своему звуковому составу. Таким образом, «устанавливались», с одной стороны, значения урартских слов и форм, а с другой — с изумительной легкостью получались урартско-грузинские лексические и морфологические параллели. Посредством никем не установленных и никем не засвидетельствованных фонетических соответствий и фонетических изменений он объявлял совершенно не похожие друг на друга слова общими урартско-грузинскими словами. К этому присоединялись еще магические упражнения мистическими «четырьмя элементами». Следовательно, если не считать положительный сам по себе факт ознакомления научной общественности с новыми надписями, работы Н. Я. Марра по урартскому языку и урартской эпиграфике ничего положительного не дали.

С 20-х годов начали публиковаться работы акад. И. И. Мещанинова, посвященные изданию урартских надписей, а также отдельным вопросам урартского языка и истории Урарту. Эти работы, в частности его книга «Халдоведение», вышедшая в 1926 г., сыграли определенную положительную роль в развитии исследовательского интереса к урартским древностям. Но, ведя исследование в основном порочными, ненаучными методами Н. Я. Марра, И. И. Мещанинов не мог сколько-нибудь значительно продвинуть вперед изучение урартского языка¹.

Развитие советского урартоведения особенно быстро продвинулось вперед с конца 30-х годов, когда начались раскопки на холме Кармир-блур (близ Еревана) древнеурартской крепости Тейшебаани. Эти раскопки, ведущиеся и поныне под руководством Б. Б. Пиотровского, дали исключительно ценный материал для истории и культуры Урарту. Немаловажными были также открытые здесь урартские эпиграфические памятники. Первые результаты Кармир-блурских раскопок были подытожены Б. Б. Пиотровским в его сводной работе «История и культура Урарту», вышедшей в 1944 г. и удостоенной Сталинской премии. Кроме того, Б. Б. Пиотровский опубликовал ряд новых надписей.

Много поработал над изучением урартского языка Г. А. Капанцян. Им посвящено немало работ публикации урартских надписей, исследованию отдельных вопросов языка, истории и культуры Урарту.

Ряд интересных работ, посвященных публикации некоторых урартских надписей и отдельным вопросам урартской эпиграфики, языка и истории Урарту принадлежит И. М. Дьяконову. Ценный вклад в советское урартоведение внес И. М. Дьяконов, опубликовав на страницах «Вестника древней истории» в 1951 г. (№ 2, 3, 4) сборник «Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту».

Можно отметить также образцовое издание урартских надписей в работе Г. В. Церетели «Урартские памятники Музея Грузии» (Тбилиси, 1939), а также работы М. А. Израелян², Н. В. Арутюнян³ и др. Смело можно сказать, что в настоящее время советские ученые занимают первое место в мире в деле разработки вопросов языка, истории и культуры Урарту.

*

В издании сборника урартских клинообразных надписей чувствуется неотложная необходимость. Число урартских надписей в настоящее время приближается

¹ Лишь работа «Язык Ванской клинописи» (часть II), вышедшая в 1935 г., выгодно отличается от других его работ, в основном правильно излагая вопросы грамматической структуры урартского языка.

² Обработала все Армавирские надписи в своей кандидатской диссертации «Исторический Армавир по урартским надписям» (на арм. яз., 1948), а также опубликовала ряд других урартских надписей.

³ Обработал «Хорхорскую летопись» Аргинши I в своей кандидатской диссертации «Хорхорская летопись Аргинши I, царя Урарту» (1951 г.)

к 400. Но публикации этих надписей разбросаны по десяткам труднодоступных изданий с разнообразной системой транскрипции; подавляющее большинство этих изданий сильно устарело, изобилует грубыми ошибками в чтении текстов, не говоря уже о переводах. Отдельные важные надписи изданы без транскрипции и переводов, опубликованы лишь их фотоснимки.

Настоящая работа ставит своей целью, по мере возможности, исправить это положение и сделать урартский эпиграфический материал доступным для широкого круга специалистов, интересующихся историей стран древнего Востока, древнейшей историей народов СССР, а также проблемами грамматической структуры урартского и родственных ему языков. Она основана на изучении клинообразного текста издаваемых памятников. Материалом для этого служили: 1) опубликованные в разных изданиях фотоснимки и автографы урартских клинообразных надписей; 2) урартские клинообразные надписи, хранящиеся в музеях Грузии и Армении; 3) наскальные урартские надписи, находящиеся на территории Арм. ССР, которые изучались нами во время командировок в Арм. ССР в 1949—1951 гг.; 4) наконец, впервые использована богатая коллекция эстампажей и гипсовых слепков урартских надписей (более 50 экз.), хранящаяся в Отделе археологии Музея Грузии им. С. Н. Джанашиа (в Тбилиси)¹.

В нашей работе урартские клинообразные надписи даются единой, наиболее распространенной ныне в ассириологии системой транскрипции. Чтения подавляющего большинства публикуемых надписей даются непосредственно по клинообразному тексту оригиналов. В урартских надписях еще много неясного как в понимании отдельных грамматических форм, так и лексики. Мы стремились как можно меньше обременять работу сомнительными предположениями, высказанными в научной литературе о значении отдельных урартских слов или грамматических форм. Так же и в отношении транскрипции мы не сочли нужным указывать на все ошибочные чтения других исследователей, особенно если их ошибочность не вызывает сомнения. Все же при настоящем уровне наших знаний урартской эпиграфики и урартского языка мы не могли избежать включения в работу ряда малообоснованных и спорных предположений. Примечания к транскрипции и к переводу служат, главным образом, обоснованием принятых автором чтений и понимания отдельных мест надписи. О значении отдельных урартских слов речь идет в конце сборника, в указателе урартских слов.

Указания на местонахождение упоминаемых в урартских надписях пунктов, сведения исторического характера о лицах, упоминаемых в урартских текстах, включены в соответствующие указатели собственных имен и географических названий. При каждой надписи даются сведения о ее местонахождении, о материале, на котором она высечена, и изданиях с указанием, что конкретно содержит то или иное издание: фотоснимок (сокращенно: Ф), автографию (А), транскрипцию (Т) или перевод (П) издаваемой надписи. Из изданий, вышедших до работ Сэйса (1882), отмечаются лишь те, которые содержат автографы надписей. В конце сборника даются указатели: 1) урартских слов, 2) идеограмм и детерминативов и 3) собственных имен и географических названий.

В заключение нельзя с благодарностью не отметить помощь, оказанную нам проф. Б. Б. Пиотровским, благодаря любезности которого мы имели возможность задолго до их публикации знакомиться с его работами о найденных урартских эпиграфических памятниках и таким образом всегда быть в курсе новых открытий в области урартской эпиграфики. С благодарностью должны отметить также всевозможную поддержку и помощь, оказанную нашей работе руководителем Института истории им. И. А. Джавахишвили АН Груз. ССР акад. Н. А. Бердзенишвили.

¹ Фотоснимки их, выполненные зав. фотолaborаторией ИИ АН Груз. ССР Ю. Д. Пахомовым, прилагаются к настоящей работе.

ПИСЬМО И ЯЗЫК УРАРТСКИХ КЛИНООБРАЗНЫХ НАДПИСЕЙ

Урартский язык — язык создателей государства Урарту. Племена, говорившие на урартском языке, во II—I тысячелетиях до н. э. были широко распространены на огромной территории вокруг Ванского озера. Мы их находим на восточном побережье Ванского озера, в районе нынешнего города Вана (здесь была столица Урартского государства — Тушпа). К юго-востоку от Ванского озера, в районе нынешнего города Ревандуз находился религиозный центр Урарту — город Мусасир, население которого говорило на одном из урартских говоров¹. Район Мусасира являлся, по-видимому, южной границей распространения урартского языка — он непосредственно примыкал к территории распространения ассирийского языка. Население находящейся на северном побережье Ванского озера страны Зиукуни, по всей вероятности, также было урартским². Судя по ономастическому материалу, урартские племена были распространены еще севернее, до южных районов Закавказья, вплоть до Араратской долины и района Севанского озера включительно³.

Основным материалом для изучения урартского языка являются урартские надписи. Дополнительные сведения можно извлечь из ассирийских источников, где засвидетельствовано немало собственных имен, относящихся к Урарту. Определенную помощь оказывают нам данные хурритского языка, в близком родстве с которым находится урартский язык. Картвельские (картский, т. е. грузинский, мегрело-чанский и сванский) и вообще кавказские языки также оказывают помощь в правильном понимании ряда явлений грамматического строя урартского языка и в изучении его лексического состава.

Древнейшими надписями урартских царей являются надписи из города Вана урартского царя Сардури, сына Лутипри (тридцатые годы IX в. до н. э.), составленные на ассирийском языке. Первые надписи, составленные на урартском языке, мы имеем лишь от преемника этого царя — Ишпуини. Начиная с этого момента (последняя четверть IX в.), надписи в Урарту составлялись в основном на урартском языке (имеются лишь два случая составления надписей на двух языках — на урартском и ассирийском, и то обе эти стелы с двуязычными надписями (№№ 19 и 264) поставлены на территории Мусасира, близ Ассирии). Самыми поздними из урартских надписей являются надписи последнего (?) царя Урарту Руса III, сына Эримена (начало VI в. до н. э.).

УРАРТСКОЕ КЛИНООБРАЗНОЕ ПИСЬМО

Для составления урартских надписей употреблялась главным образом клинообразная система письма. Наряду с этим в Урарту существовало местное иероглифическое письмо, на котором имеется одна надпись на глиняной табличке⁴, а также часто даются обозначения емкости на многих больших сосудах, происходящих из Урарту⁵.

Клинообразное письмо, на котором составлено огромное большинство урартских надписей, урартийцами заимствовано от ассирийцев. Клинообразные знаки в урарт-

¹ См. Г. А. М е л и к и ш в и л и, Мусасир и вопрос о древнейшем очаге урартских племен, ВДИ, 1948, № 2, стр. 41—48, а также ниже главу «Следы мусасирского говора урартского языка».

² На это указывает, например, наличие в нантеоне урартских божеств бога, носящего такое же имя: Zi(u)ḫuni, в лице которого перед нами, очевидно, главный местный бог, покровитель страны Зиукуни — см. Г. А. М е л и к и ш в и л и, Клинообразная надпись урартского царя Русы II из Адильджеваза, «Сообщения АН Груз. ССР», XI (1950), № 10, стр. 689 сл. Об урартском характере населения Зиукуни говорит также сходство названия этой страны с названием одной из стран Уруатри в надписях Салманасара I — Зингун (ср. И. М. Д ь я к о н о в, ВДИ, 1951, № 2, стр. 267).

³ См. Г. А. М е л и к и ш в и л и, Диаухи, ВДИ, 1950, № 4, стр. 30—34.

⁴ С. F. L e h m a n n - H a u r t, Materialien, стр. 108.

⁵ Б. Б. П и о т р о в с к и й, История и культура Урарту, стр. 285.

ском письме имеют приблизительно такое же очертание, какое имеют соответствующие знаки в ново-ассирийской клинописи. Это обстоятельство говорит о том, что IX век до н. э., когда появляются первые урартские надписи, в то же время является временем заимствования урартийцами клинописи от ассирийцев¹.

Надписи в Урарту главным образом делались на камне: вырезывались на строительных камнях, на каменных стелах, на базах колонн, на скалах. Но имеются надписи и на других материалах: на глиняных табличках, предметах из бронзы, кости и т. д.

В то время как урартское письмо на глиняных табличках графически очень близко стоит к ассирийскому, в надписях на камне клинообразные знаки приобрели отличную от ассирийских знаков форму, определяющуюся характером материала для письма. В отличие от ассирийских знаков, имеющих треугольную головку и стержень в виде линии (рис. 1, табл. I), урартские знаки представляют собою равномерно суживающиеся клинья, наподобие сильно вытянутых треугольников (рис. 2). Урартская клинопись также своеобразна тем, что иногда превращает наклонные группы клиньев в горизонтальные и наоборот (см., например, знаки для *mi*, *te*, *la*); кроме того, для нее характерно рассечение пересекаемых клиньев на два клина (см. рис. 3—10; то же явление наблюдается в знаках для *ḥar*, *ir*, *ni*, *ra*, *sa*, *ṣu*, *uṣ*, и т. д.—см. табл. урартских клинообразных знаков). Своеобразно и написание знака для *li* (рис. 11 и 12)

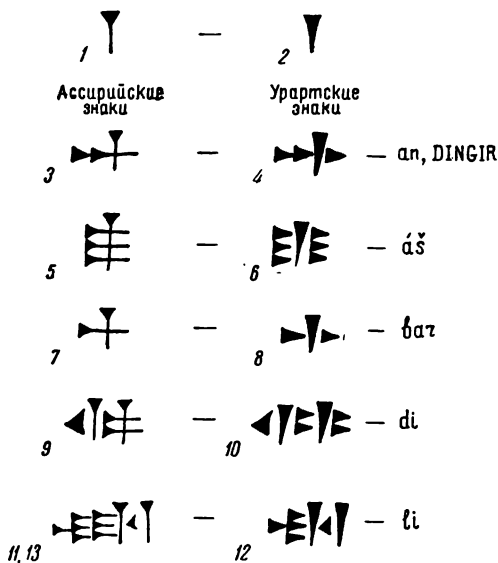

Таблица I. Рис. 1—13

Нужно отметить, что эти характерные палеографические черты урартской клинописи хотя и редко, но все же встречаются и в ассирийской клинописи². С другой стороны, своеобразная форма знаков выдерживается не во всех урартских текстах. Нередки случаи, когда клинья имеют ассирийскую форму и горизонтальные клинья пересекают вертикальные так же, как в ассирийской клинописи (в таких случаях и *li* обыкновенно имеет ассирийскую форму—рис. 13—см., например, в надписях №№ 266, 276, 280, 281. Но это правило не всегда соблюдается, иногда в одной и той же надписи встречается вышеуказанное двойное написание *li*—см., например, надпись № 99). Таким образом, можно говорить о двух видах урартского

¹ Ср. И. И. Мещанинов, Халдоведение, стр. 64 сл.; Б. Б. Митропольский, ук. соч., стр. 285 сл.; И. М. Дьяконов, Фрагменты клинописных табличек из раскопок 1946 г. на Кармир-блуре, ЭВ, II (1948), стр. 88; он же, Заметки по урартской эпиграфике, ЭВ, IV (1951), стр. 103.

² И. М. Дьяконов, Заметки по урартской эпиграфике, ЭВ, IV (1951), стр. 104.

клинообразного письма: об «ассирийском» и о специфическом урартском. Как правило, в той или иной надписи последовательно употреблен или «ассирийский», или же урартский вид письма. Древнейшие надписи — надписи Сардури, сына Лутипри, составлены «ассирийским» видом клинописи (№№ 1, 2, 3); в надписях его сына Ишпуни впервые появляется «урартский» вид письма (см. надписи №№ 4—10, 13). В надписях, составленных от имени Ишпуни и Менуа, доминирует «ассирийский» вид письма (см. №№ 19, 20, 21, 22, 24, 25, 26, 27), и лишь в одной надписи (№ 23¹) встречаются «урартские» формы знаков. В надписях царя Менуа употреблен уже преимущественно «урартский» вид письма (см., например, №№ 28—72, 79, 81—92, 100, 101, 104—108, 110, 111, 118, 119, 120). «Урартский» вид письма достигает полного господства во время правления преемника Менуа, царя Аргишти I и его сына Сардури II, почти во всех надписях которых, за редким исключением², знаки имеют «урартскую» форму. После Сардури II начинается обратный процесс: в царствование его преемника, Руса I, появляются надписи, употребляющие одни «урартский» (№№ 265, 267), другие же «ассирийский» вид письма (№№ 264, 266, 268). Во всех дошедших до нас надписях VII (—VI?) в. до н. э. клинообразные знаки имеют «ассирийскую» форму.

Основные принципы урартской письменности такие же, как и ассирийской или какой-нибудь другой клинописи. Здесь имеются знаки для гласных, слоговые знаки, идеограммы, т. е. знаки, обозначающие понятия (например, «земля», «вода», «страна», «бог» и т. п.)³, и, наконец, детерминативы, т. е. знаки, определяющие характер тех слов, в связи с которыми (обыкновенно перед которыми) они стоят (так, например, перед именами богов ставится специальный детерминатив, перед названиями стран — детерминатив страны и т. д.). Урартийцы переняли не все знаки ассирийского клинообразного письма, а лишь часть их. Кроме того, тот или иной клинообразный знак заимствован ими не во всех тех значениях, которые имеет этот знак в ассирийской клинописи. В то время как знаки в ассирийской клинописи имеют обыкновенно несколько (часто более одного десятка) значений, в урартской письменности клинообразные знаки имеют обыкновенно одно или, редко, два-три значения. Таким образом урартское клинообразное письмо много проще ассирийской клинописи.

В приводимой ниже таблице урартских клинообразных знаков указывается, какие знаки имеются в урартской клинописи и в каких значениях⁴. Таблица отражает лишь тот материал, с которым мы знакомы сейчас. Возможно, что в дальнейшем откроются тексты, в которых окажутся использованными еще другие клинообразные знаки или встречавшиеся уже в урартских надписях знаки, но с другими, до сих пор не засвидетельствованными значениями. Теоретически возможно употребление в урартской клинописи всех знаков ассирийской клинописи во всех значениях, имеющих у этих знаков в ассирийском письме. Поэтому при изучении урартских клинообразных надписей необходимо опираться на сборники ассирио-вавилонских клинообразных знаков⁵.

¹ О принадлежности этой надписи Ишпуни и Менуа, а не одному Менуа (как это указывается в СICh, а также в других изданиях), см. Г. А. М е л и к и ш в и л и, Диакхи, ВДИ, 1950, № 4, стр. 37, прим. 2.

² Такие случаи встречаются, например, в надписях на чашах из Кармир-блур.

³ Идеографическое написание слов в урартской клинописи встречается реже, чем в ассирийских надписях.

⁴ В таблице не отражена форма знаков курсивного письма (употребляется в надписях на глиняных табличках); в остальном в ней отражен материал, приводимый в транскрипции в нашем сборнике (указаны основные варианты в написании знаков). Таблицы урартских клинообразных знаков, нуждающиеся в настоящее время в поправках и дополнениях, см. у С э й с а в JRAS, XIV (1882), и И. И. М е щ а н и н о в а в работах «Халдоведение» и «Язык ванских клинописных надписей», ТИЯМ, I, 1932.

⁵ При транскрипции знаков урартской клинописи следуем системе Тьюро-Данже-на и Деймеля.

ТАБЛИЦА II. ТРАНСКРИПЦИОННЫЕ ЗНАКИ*

a		† duk	
á		dur ₆	
ab		e	
† ak		el	
† ol		ga	
am		gi	
an		giš	
† ana		gu	
ap		gur	
ar		ha	
ár		hal	
aš		† hap	
áš		har	
at/t,d		hé	
ba		hi	
bal		† hi ₂ r	
bar		hu	
† bat		† hur	
be		i	
bi		† i	
† bit		ia	
bu		iš	
bur		id	
da		† ik	
† dan		il	
dè		† in	
di		ip	
dí		† iq	
din		ir	
diš		is	
du		iš	

* Знаком + отмечены знаки, встречающиеся лишь в ассирийских текстах урартских царей.

it		pu	
ka		puṛ	
†kan		qa	
kaṛ		qaṛ	
ké		qi	
ki		qu	
ku		qu	
†kul		qu	
kuṛ		quḷ	
la		ra	
†lat		ri	
li		ru	
†liḅ		sa	
†lik		†sak	
†liq		sal	
lu		saṛ	
ma		saṛs	
man		si	
maṛ		su	
†mas		so	
†maš		si	
maṭ		†siṛ	
me		su	
†mi		šá	
mu		†šak	
na		še	
†nap		ši	
ne		šu	
ni		šú	
†nin		†šum	
†niš		šur	
nu		ta	
pa		†tab	
†pal		tàk	
pi			

ta ₂		u	
te		ú	
ti		ul	
tu		†um	
tú		†un	
tum(?)	(см N276, лиц стор. 36)	u ₂	
tè		uš	
tí		†ut	
tu		za	
†tup		zi	
tuš		zu	
†u			

Детерминативы

I	детерминатив мужских имен и племенных названий	KUR, асс mātu детерминатив названий стран, областей.
âlu	см. URU	LÚ, асс amêlu детерминатив названий профессий, групп, категорий людей, а также слова «народ»
amêlu	см. LÚ	mātu см KUR
ANŠU	детерминатив слов «мул», «пошада» («кони»), «верблюд»	NA ₄ детерминатив названий камней и каменных вещей.
^D	детерминатив божеских имен	ŠAL детерминатив женских имен, а также слова «женщина»
GIŠ	детерминатив названий деревьев, растений и деревянных вещей	UDU детерминатив названий разных видов мелкого рогатого скота
GUD	детерминатив названий разных видов крупного рогатого скота	URU, асс âlu детерминатив названий городов, населенных пунктов.
ÍD	детерминатив названий рек	
KI	детерминатив названий населенных пунктов и стран (ставится позади названия, к которому он относится)	

Угеограммы

A		вода
(GUG) AB	()	корова
lú AD		отец
lú AD:AD		дед, предок
^D adad	см ^D IM	
†alâku		приходить, итти
alpu	см. GUD	

álu	см URU	
amātu	см INIM	
AM·SI	𐎠 𐎠	слон
† ana	𐎠	аккадский предлог
AN·BAR	𐎠 𐎠	железо, железный
ANŠU·A·AB·BA	𐎠 𐎠 𐎠 𐎠, 𐎠 𐎠	
	𐎠 𐎠 𐎠 𐎠	верблюд
ANŠU·GIR·NUN·NA	𐎠 𐎠 𐎠 𐎠 𐎠	мул
ANŠU·KUR·RA	𐎠 𐎠 𐎠 𐎠, 𐎠 𐎠 𐎠 𐎠	лошадь, конь
† arlu	𐎠 𐎠	сын
ardu	см ERUM	
† arku	𐎠 𐎠 𐎠	поздний, позднейший, будущий
LU A·SI	𐎠 (𐎠, 𐎠) 𐎠 𐎠	воин
baḅu	см KÁ	
† balātu	𐎠 𐎠 𐎠	жизнь
† bašū	𐎠 𐎠 𐎠	быть, существовать
BE·LI	𐎠 𐎠 𐎠, 𐎠 𐎠 𐎠	оружие
amēl bēl pa ḥāti	см LU EN·NAM	
bēlu	см EN	
BI·BU	𐎠 𐎠	скот (?)
bitu	см É	
damqu	см KURUN	
DAN·NU	𐎠 𐎠 𐎠, 𐎠 𐎠 𐎠	могущественный, могучий
DINGIR, acc. ilu	𐎠 𐎠 𐎠	бог
DÙ	𐎠	делать, совершать, строение
DUB, acc. ṭuppu	𐎠 𐎠, 𐎠 𐎠, 𐎠 𐎠, 𐎠 𐎠 𐎠, 𐎠 𐎠 𐎠, 𐎠 𐎠 𐎠	надпись
LU DUMU	𐎠 𐎠 𐎠	сын (сын города, гражданин)
† dūnu	𐎠 𐎠	стена
É	𐎠 𐎠	дом
É·BÁR	𐎠 𐎠 𐎠 𐎠 𐎠	храм
É BĀR ŠĀ·DI	𐎠 𐎠 𐎠 𐎠 𐎠 𐎠 𐎠 𐎠	храм (букв. горный храм)
É GAL	𐎠 𐎠 𐎠 𐎠	дворец, крепость, цитадель
† ekichna	𐎠 𐎠 𐎠 𐎠	храм
† eli	𐎠 𐎠 𐎠	аккадский предлог

EN, acc. <i>bēlu</i>		господим, владика
ÉN		закливание
^{lú} EN·NAM, acc.		правитель области
^{amēl} <i>bēl paḥāti</i>		
^t <i>erēšu</i>		делать, совершать
<i>erû</i>	см URUDU	
ERUM, acc. <i>arḫu</i>		раб, слуга
^{lú} ERUM		раб, слуга
^{giš} GAG ^{TI}		стрела
GAL		большой, великий
GÁN		поле
GEŠTIN		вино, виноградник
^{aiš} GEŠTIN		вино, виноградник
GIBIL		новый
GIBÍL		сжигать
^{aiš} GIGIR		колесница
GIŠ		дерево
GÛB		левый
GUD, acc. <i>alpu</i>		бык, крупный рогатый скот
GUŠKIN		золото
^{aiš} GU·ZA		трон
HÁ		много, множество, суффикс множественного числа
^t <i>ḥadûtu</i>		радость
^t <i>ḥarrânu</i>		зорога
<i>ḥarrânu</i>	см KASKAL	
IÀ		масло
ÍD		река
<i>ilu</i>	см DINGIR	
^o IM, acc. ^o <i>adad</i>		бог Теишеба
<i>immeru</i>	см UDU·NITÁ	
^t <i>ina</i>		аккадский предлог
INIM, acc. <i>amâtu</i>		вещь, предмет
^t <i>išinnu</i>		праздник
^t <i>ištu</i>		аккадский предлог
^t <i>išû</i>		иметь

ITU		месяц
KÁ, acc. bávu		ворота
+ kálu		все, в целом, совокупность
KASKAL, acc. ḫamānu		поход, дорога
KI, acc. qaqqātu		земля
KI ^{ТМ}		земля
KIŠIB		печать
+ kiššatu		вселенная, мир
KÚ		есть
KÙ·BABBAR		серебро
KÜR, acc. mātu		страна
KÚR, acc. niḫiḫtu		вражеский
KURUN		счастливы, прекрасны, отлич-
is kissû	 см. GÍŠ GU·ZA	чный
1 KÚŠ		1 лань (мера длины)
+ lā		аккадская отрицательная частица
LÚ		человек, мужчина
LUGAL		царь
LUGAL		царь
MAḪ		высокий
+ maḫar		перед
mātu		сын
MÁŠ·TUR		козленок
mātu	см. KUR	
MÈ		бой, боевой
MESŠ		знак множественного числа
MU, acc. šattu		год
+ miḫḫu		в составном предлоге ino miḫḫu .no
NA ₄		камень
nadānu	см. ŠUM	
NAPḪARU		итога, целиком
is naḫkabtu	см. GÍŠ GIGIR	
+ nošû		приносит
NÍG	 (сокращенное написание идеограммы NÍG GA ?)	собственность, принадлеж- ность
NÍG·BA		дарить, преподнести
NÍG·GA		собственность, принадлежность

[†] niqû amêlu niqû nišû	 с.м. SISKUR с.м. UKÙ	жертва, пожертвование
nikurtu	с.м. KÚR	
NUMUN, acc. zêru aiš NU·SAR	 	семья, потомство
PA ₅ aiš PAN	 	сад канал
[†] rânu		лук
PIT·HAL·LU		в составном предлоге на râp (i) «перед» всадник, верховая лошадь
qaqâru [†] qâtu ¹¹	с.м. KI 	рука
rabû amêlu rê·û	с.м. GAL с.м. SIPAD	
ŠILIM ŠIN	 	здоровье
šû SIPAD, acc. rê·û	 	бог луны (Шеларди)
šû SISKUR	 	пастырь жертво, жертвенное животное
šulu		дорога
šum, acc. nadânu	 	давать
[†] šobâtu amêlu šâbu	 с.м. ZAB	брат
šadu		гора
[†] šakânu		(по)ставить, установить...
[†] šaknu (šarînu)		правитель
šamaš	с.м. UTU	
šarû	с.м. LUGAL	
šattu	с.м. MU	
šam ³ SE	 	хлеб (в поле)
aiš šam ³ SE	 	хлеб (в поле)
šê·PAD	 	ячмень
šî·šî	 	поражение, разгром
šû		
šûm, acc. šumu		ахкадский местоименный суффикс 3 ^{го} л. ед. ч. («его») имя

šumu	см. ŠUM	
TAG		жертвовать, пожертвование
tâ ḥâzu	см. MÊ	
TI		живой
TI·LA		живой
† tiqâzu		(медный) сосуд
^{aiš} TIR		лес
TÚG		платье, одежда
^{aiš} TUKUL, acc. tukultu		помощь, вспомогательный
† tukultu		мощь
^{iš} tukultu	см. ^{aiš} TUKUL	
ṭappu	см. DUB	
TUR		малый, маленький
UD ^(M)		день
UDU		овца, мелкий рогатый скот
UDU·MÁŠ, acc. uṛišu		козел
UDU·MÁŠ·TUR		
		козленок
UDU·NITÁ, acc. immeru		баран
UKKIN		все, все в целом, совоку
UKÙ		плотность
^ú UKÙ, acc. ^{amēlu} nîšu		народ
† ummânu		народ
^{amēlu} ummânu	см. ^ú ZAB	войско
† ūtu		день, время
† mātu		страна Урарту
uṛišu	см. UDU·MÁŠ	
URU, acc. âlu		город
URUDU, acc. eṛû		медь, медный
^o UTU, acc. šamaš		бог солнца (Шивини)
^o UTU ^{šI}		бог солнца (Шивини)
UZU		мясо
^ú ZAB, acc. ṣâbu, ^{amēlu} ummânu		
		воин, войско
^ú ZAB·GÌR ^{II}		пеший воин

† zakâtu		говорить
zêtu	см NUMUN	
"	◀	разделительный знак

Числительные

½	◀	½	LX	◀◀◀	60
I	▼	1		
II	◀	2	LXX	◀	70
III	◀	3		
IV	▼	4	LXXX	◀	80
V	◀	5		
VI	◀	6	XC	◀	90
VII	▼	7		
VIII	◀	8	ME	◀	100
IX	▼	9		
X	◀	10	II ME	◀	200
XI	◀	11		
.....			LIM	◀	1000
XX	◀	20		
xxx	◀	30	II LIM	◀	2000
.....				
XL	◀	40	X LIM	◀	10000
.....				
L	◀	50	XII LIM	◀	12000

Из вышеприведенного списка урартских клинообразных знаков видно, что в урартской клинописи имеются знаки для гласных а, е, і, u, для дифтонга ia и для отдельных слогов — в большинстве случаев это знаки, обозначающие открытый слог, но (хотя и более редко) встречаются также знаки для закрытых слогов (например, знаки для: bal, bar, bur, din, dur, giš, gur, ḫal, ḫar, kar, kur, man, mar, mat, pur, qar, qul, sal, sar, šur, tak, tar, tum (?), tuš).

Имеются случаи, когда клинописный знак имеет несколько значений, например, один и тот же знак употребляется для обозначения: dè, ne и tèt; ḫi, tí и dí; giš и is; kur и mat; bur и pur; gu и qù; ri и sar₅.

Встречаются и обратные случаи, когда для обозначения одного и того же слога или гласного мы имеем разные знаки: например, для «у» имеем u и ú; для «ди» — dī и dî; для «ар» — ar и ár; для «аш» — aš и áš; для «ку» — qu и qù; для «сар» — sar и sar₅; для «т(-д) у» — tu и tú. Иногда знак, обозначающий гласный звук или слог, употребляется и как идеограмма (например: знак 14 табл. III означает «а» и «вода»; знак 15 табл. III означает kur, mat и «страна» и т. д.).

Некоторые знаки в урартской клинописи появляются в значениях, не засвидетельствованных в ассирийской клинописи, например, знак 16 табл. III, появляется в значении *saḡ* (обозначается как *saḡ₅*)¹, знак 17-й табл. III в значении *tum* (?) (276, лиц. стор., стк. 36) или знак 18-й табл. III в значении *dè*². Своеобразием урартского письма является также употребление для цифры «9» знака 19-го табл. III.

Определенное своеобразие наблюдается в урартской письменности также при употреблении двух детерминативов ассирийской клинописи: детерминатива, обозначающего профессию, группу, категорию людей и племенные названия (рис. 20 и 21 табл. III), и детерминатива лица мужского пола (рис. 22).

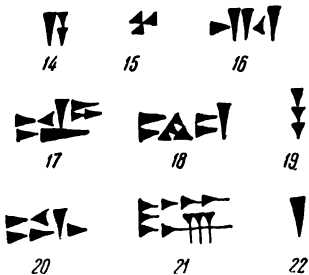

Таблица III. Рис. 14—22

Первый из них в урартской клинописи употребляется лишь как детерминатив профессий, категорий людей и никогда как детерминатив племенных названий; второй же, наряду с детерминативом мужских личных имен, употребляется также как детерминатив племенных названий (см. ВДИ, 1947, № 4, стр. 26, прим. 1).

В урартской клинописи, так же как и во всякой другой клинописи, текст читается слева направо. Обыкновенно урартийцы писали в графленных строках. В письме слова ничем не отделялись друг от друга. Но выделение отдельных слов облегчается тем, что перенос не допускался, строго соблюдалось правило, по которому слово должно кончаться в той же строке, в которой оно началось. Этим нужно объяснить часто встречающееся явление, когда отдельные клинообразные знаки или стоят весьма близко друг к другу, или же находятся на

большом расстоянии друг от друга. Повидимому, на этом же основании встречается написание лишних гласных — так, например, написания вроде *ṭme-nu-ú-a-še* и *ṭme-nu-a-še* вовсе не говорят за то, что гласная «и» здесь является долгой³.

Характерной для урартских текстов особенностью (выступающей, правда, довольно редко) является сокращенное написание слов. Так, например, встречается сокращенное написание слова *Lútaršuanī* — «человек» — в виде *Lúta* или *Lúta ú* (155, В₃₀, D₃₂)⁴.

О НЕКОТОРЫХ ФОНЕТИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЯХ УРАРТСКОГО ЯЗЫКА

Нужно помнить, что урартские клинописные знаки транскрибируются, передаются, по тому значению, которое имели эти знаки в ассирийской клинописи. Вполне вероятно, что ассирийская клинопись, использованная для передачи языка совсем другой, несемитической системы, не могла точно передать все звуки урартского языка. В ряде случаев тот или иной клинообразный знак, несомненно, был использован для передачи тех звуков или звуковых комплексов, которых не было в ассирийском языке. Если урартский язык действительно близко стоит к кавказской группе языков, то можно предположить, что в нем имелись разные чуждые для семитических языков аффрикаты, которыми так богаты кавказские языки. Но, к сожалению, пока что мы не в состоянии установить истинное произношение урартских знаков и вынуждены прида-

¹ См. J. Friedrich, Einführung, стр. 1.

² В шумерской клинописи, как указал нам акад. В. В. Струве, этот знак встречается в таком же значении. См. A. Deimel, Sumerisch-Akkadisches Glossar, 1934, стр. 72 b.

³ И. И. Мещанинов, Халдоведение, стр. 70; J. Friedrich, Einführung, стр. 1.

⁴ Ср. RA, XXXII (1935), стр. 32.

вать им то же звуковое значение, которое они имели в ассирийском. Несомненно, в ряде случаев это наше произношение лишь приблизительно передает соответствующие урартские звуки, а иногда, возможно, основательно отличается от него. Наряду с согласными, то же самое можно сказать и по отношению гласных. Клинопись передает лишь четыре гласных: а, е, і, u. Естественно допустить, что в урартском языке имелся также гласный «о», но вследствие того, что клинопись не была в состоянии передать этот гласный звук, в написании он остался неотраженным — для его передачи использовались знаки, содержащие u (так, например, в урартских надписях упоминается страна *quḥa*, название которой справедливо связывают с названием «Колхида»; это указывает на то, что в произношении слово *quḥa* звучало, по видимому, как «колха» и гласный «о» здесь передан именно через u).

Из согласных звуков в урартской клинописи отражены:

b «б»	m «м»	š «ц» ¹
d «д»	n «н»	š «ш»
g «г»	p «п», как оно произносится	t «т»
ḫ «х»		
k «к», как оно произно-	в греческом φ «пс»	t «т» (греческое θ)
сится в греческом	q «к»	z «з»
ξ «кс»	g «р»	' придыхание
l «л»	s «с»	

Это произношение урартских звуков, как было уже указано выше, весьма условно. Следует особенно оговорить произношение звуков s и š. В ту эпоху, когда была заимствована урартийцами клинопись у ассирийцев, у этих последних š (ш) произносился уже как «с»; поэтому естественнее предположить, что знаки, содержащие š, урартийцами переняты в значении «с»; в отличие от них знаки, содержащие s, по видимому, были употреблены для обозначения какого-нибудь родственного звука, скорее всего «ш».

Одним из интересных явлений урартской фонетики является возникновение между гласными (в отдельных случаях засвидетельствовано также между сонорным согласным г и гласным), очевидно, во избежание зияния (hiatus)¹, согласного g как противозияния. Это был, очевидно, какой-то слабый согласный звук, и в письме он обозначался не всегда. Например, мы имеем: *šidaguri* (от *šidauri*), *kuiguni* (от *kuiuni*), *tuagi* (от *tuai*), *teragi* (от *terai*), *taragi* (от *tarai*), *ebanigidi* (форма направительного падежа: *ebani* + *i/e*di), *KURišteuanigidi* (от *KURišteuani* + *i/e*di), *KURuelikunigidi* (от *KURuelikuni* + *i/e*di), *EN-ge* [(в написании *EN-gi-e* = *eurige* «владыке»; от *eurie*), *URU TUR-gi* (родительный падеж с формативом *-i*, присоединяющимся к основе с каким-то гласным исходом), *GIŠšurginikaini* (от *GIŠšurinikaini*), *KURdirguni* (ср. название страны *dirr(i)a* в ассирийских надписях). При этом иногда происходит выпадение одного из гласных, например: *targini* (от *taragini* < *taraini*) или *kuguni* (от *kuiguni* < *kuiuni*).

Другим характерным явлением урартской фонетики является чередование гласных і и «е». Так, например, в совершенно одинаковых грамматических формах мы имеем: *nunabi* и рядом с ним *nunabe*, *kuṭubi* и *kuṭube*, *niribi* и *niribe*, *zilbi* и *zilbe*, *Iargištiḫinili* и *Iargišteḫinili* и много других. Такое же явление наблюдается и при чередовании і и іе, так как последний в этих случаях, несомненно, произносился как «е». Так, например, мы имеем в совершенно одинаковых грамма-

¹ М. Tseretheli, *NHI*, стр. 31; иначе у Фридриха, см. *Einführung*, стр. 2.

гических форм: arĭi и arĭje (arĕ), badusi и badusie (baduse), zari и zarie (zare), agubi и agubie (agube), alsuini и alsuinie (alsuine), pili и pilie (pile), uldi и uldie (ulde), inanili и inanieli (inaneli) или inanilie (inanile), ^Dĥaldiedi (^Dĥaldedi) и ^Dĥaldiedie (^Dĥaldede), kulituni и kuletuni (kuletuni) и много других.

В урартских текстах имеет место и чередование в написании *i* и комплекса *iei* (этот последний произносился, повидимому, как «е»)¹. Написание *i-e-i* мы часто получаем при образовании родительного падежа слов, имеющих основу с гласным исходом *-i*; например, родительный падеж: ^Dĥaldiei (^Dĥalde), наряду с этим ^Dĥaldi (^Dĥaldi-i).

В некоторых других случаях встреча двух *i* (гласного исхода основы *i* и стоящего в начале суффикса *i*) в произношении также, повидимому, давала звук «е», который в написании часто принимал вид *ei*. Так, например, мы имеем *kuĕitu* и рядом с ним *kuĕetu* (от *kuĕiu-itu* > *kuĕi-itu* > *kuĕetu*, *kuĕeitu*) или *kuĕeadi* и *kuĕeadi* (от *kuĕi-ia-di* > *kuĕeadi*, *kuĕeadi*).

Все эти факты чередования в написании *i* и «е» (*e*, *iei*, *ei*) указывают, скорее всего, на близость гласных *i* и «е» в самом их произношении. По мнению Фридриха, урартское «е», по всей вероятности, сильно закрытый звук, как и в малоазиатских языках².

Встречается чередование гласных «а» и *i/e*. Так, например, мы имеем: *raĭini* и *raĭani*; *tarmanali* (мн. ч.) и *tarmanili*, *tarmaneli* (мн. ч.). Засвидетельствовано также чередование *ua* и «а», так, например: ^Duarubani чередуется с ^Darubani. Имеется случай чередования «а» и *ia*: встречается *e'a* и *eia*.

В урартских словах наблюдается выпадение гласного между двумя согласными (чаще всего это происходит тогда, когда основа, имеющая гласный исход, присоединяет какой-нибудь суффикс, начинающийся согласным). Так, например, происходит выпадение гласного *i*: *ĥaĥialme* (от *ĥaĥiali-me*); ^{ID}sardurĥiniše (от ^{ID}sarduri-ĥiniše); *ĥerdule* (в написании: *ĥeirdulie*; вариант: *ĥeridulie*, *ĥeiridulie*); *ĥerli* (в написании: *ĥeirli*; от *ĥerili*); или же гласного «е»: *aluĥme* (от *aluĥe-me*); ^Dĥaldiĥme (от ^Dĥaldiĥe-me); *aluĥni* (от *aluĥe-ni*).

В урартском наблюдается засвидетельствованное и в других языках фонетическое явление, состоящее в возникновении гласного звука между двумя согласными, первый из которых плавный звук. Так, например, мы имеем: *nirbi* и рядом с ним *niribi*; *arni* и *arani*; *zilbi* и *zilibi*; *tarmanali* (мн. ч.) и *taramana*; *alsui-* и *alasui-*³; то же самое можно отметить и в отношении комплекса *ĥz*. Мы имеем: *aĥzie* и рядом с ним *aĥazie*. Возможно, явление такого же порядка и в случае чередования многократно засвидетельствованного в текстах *ĥidiĥtuni* («он построил») с *ĥidiĥituni* некоторых урартских надписей (№№ 17, 58, 78, 91, 121, 122).

В урартском языке весьма часто наблюдается упрощение гласных комплексов. При встрече двух одинаковых гласных чаще всего происходит слияние их в один такой же гласный, например: при присоединении суффикса принадлежности *-ini*: ^Dĥaldi-*ini* > ^Dĥaldini; или при присоединении суффикса *-alĥi/e*: ^{URU}melitealĥe (<^{URU}melitea-alĥe), ^{KUR}qumaĥalĥe (<^{KUR}qumaĥa-alĥe). Такое же слияние происходит при встречах окончания дательного и местного падежей «-а» с основой, оканчивающейся на «-а», окончания род.-дат. падежа мн. числа *-aue* с основой на «-а» и т. д.

При встрече двух разных гласных происходит выпадение одного из них.

1. Выпадает первый из двух гласных:

ai > *i*. Это явление наблюдается при образовании формы повелительного наклонения 2-го лица ед. числа непереходных глаголов: *uli* («иди!») от *ula-i*.

au > *u*: *ĥaule* (от *ĥaiule*) > *ĥule*; **tiaule* > *tiule*; **tiaubi* > *tiubi*.

¹ J. Friedrich, Finführung, стр. 12.

² Там же, стр. 3.

³ Там же, стр. 4 сл.

ia > a. В склонении урартских имен при наращении суффиксов разных падежей во множественном числе: -aše (эргативный падеж), -aue (родит.-дат. падеж), -ani (творит. падеж), -a(i)di, -ašte (направит. падеж), происходит выпадение гласного окончания слова «i» перед гласными «-a» этих суффиксов; так, например, от KUR^bbiaini (именительный падеж ед. ч.) мы имеем формы множественного числа: KUR^bbiainaše, KUR^bbiainaue, KUR^bbiaina(i)di, KUR^bbiainašte; от haušini (имен. падеж ед. числа от hauše «слово», «приказ», «вещь», «предмет») мы в творительном падеже множественного числа имеем haušinani и т. д. При присоединении суффикса местного падежа «-a» в формах мн. числа происходит выпадение гласного окончания основы i/e. Например: ^Dhaldina (<^Dhaldini-a), ebana (<ebani-a), ^Iargištiḫina (<^Iargištiḫini-a), esa (<esi-a), gunuša (<gunuše-a). Но в формах единственного числа гласное окончание основы при указанной суффиксации сохраняется, например: esia, KUR^eetiunia, ṣunia и т. д.

iu > u. Это происходит при образовании имен прилагательных посредством суффикса -usi(ni). Например, мы имеем erelinusi (LUGAL-nusi) «царский» (от ereli «царь»), полученный из erelini-usi, или urišḫusi «оружейный» от urišḫi-usi (urišḫi «оружие»).

u/e > i/e. Это явление наблюдается, как [правило, при присоединении к основе переходного глагола (оканчивающейся на u) суффикса 3-го лица мн. числа прошедшего времени -itu, так, например: atitu (<atu-itu); atqanaditu (<atqanadu-itu); ḫarḫaršitu (<ḫarḫaršu-itu); ḫaitu (<ḫau-itu) и т. д. Такое же явление налицо и при образовании форм единственного числа повелительного наклонения действительного залога: окончания глагольных форм -i/e (2 лицо) и -inini (3 лицо) вызывают выпадение окончания основы переходных глаголов u, например: turi/e (от turu-i/e) «уничтожь!»; turinini (от turu-inini) «пусть (он) уничтожит!».

2. Выпадает в второй из двух гласных: ai/e > a. Случай такого выпадения особенно многочисленны: так, например, послелог (употребляющийся иногда и как предлог) -kai в некоторых случаях выступает перед нами в форме -ka (в соединении с -uki «мой» мы имеем, например, kaiuki и kauki); встречаются варианты ainiei и aniei «кто-нибудь», aišei и ašei «когда-нибудь»; часто встречающаяся глагольная основа ḫau- (см. ḫaubi, ḫaule и т. д.) получена, по всей вероятности, из ḫaiu. Немало примеров можно привести и из области склонения имен; так, мы имеем: KUR^bbiainaue и рядом с ним KUR^bbianae; KUR^bbiainaidi и рядом с ним KUR^bbianaidi или KUR^bbiainadi; URU^utušrae patari и URU^utušra patari; это же явление наблюдается при встрече начального i суффикса принадлежности -ini с гласным исходом основы «-a»; так, например: babani (от baba-ini) «горный»; возможно, такое же выпадение в слове ^Imenuani некоторых надписей (от ^Imenua-ini?)¹.

au > a. Засвидетельствованы, например, KUR^bbiainaue и KUR^bbiainae, или же, наряду с ^Dhaldinaue, также ^Dhaldinae. Кроме того, глагольная форма tiani «он сказал», по всей вероятности, образована из tiau-ni.

i/e a > i/e. Такое явление наблюдается при образовании формы род.-дат. падежа мн. числа: KUR^lliqie (<KUR^lliqi-aue), KUR^urmeue (<KUR^urme-aue), KUR^zzabaḫaeue (<KUR^zzabaḫae-aue).

iu > i. Например, вариантом qirani «земля» мы имеем qirani, или же в направительном падеже: qiraedi. Наряду с arniušinili имеется arnišinili, или наряду с ebaniuki «моя страна» в форме направительного падежа: ebanikidi.

ua > u. При присоединении суффикса -alḫi (<ḫali?) к основе, оканчивающейся на u, происходит потеря гласного «a» суффикса -alḫi, например: ^Ibaltulḫe (от ^Ibaltu-alḫe, см. № 36_{2a}), или: URU^haldiriulḫi (от URU^haldiriul-alḫi, см. № 36_{2a}).

ui/e > u. В текстах засвидетельствованы: alsuini и alsuni, alsuišini и alsušini,

¹ См. в надписях из раскопок на Кармир-блуре (№№ 144, 148): ^Imenuani (от ^Imenua-ini, вариант формы ^Imenua-ḫini?), если только здесь мы не имеем случайного пропуска -ḫi: ^Imenua(ḫi)ni.

alsuiše и alsuše, ¹išpuini и ¹išpuni, ¹uṭeruḥi и ¹uṭeruḥi, ¹diaueḥi и ¹diauḥi и т. д. Это явление встречается иногда и при образовании формы 3-го лица множественного числа прошедшего времени переходных глаголов: *suidutu* (от *suidu-itu*).

В урартском языке наблюдаются случаи диссимиляционной потери звука или целого слога (аплогия) как прогрессивного, так и регрессивного характера. Например, прогрессивная диссимиляционная потеря слога налицо, повидимому, в глагольной основе *kuū-*, полученной от *kuguū*. При присоединении окончания будущего времени *-le* к основе, оканчивающейся на *l* или *g* (т. е. если эти звуки стоят непосредственно впереди знака переходных глаголов *-u*), происходит регрессивная диссимиляционная потеря слога, причем теряется исходный слог основы (*lu, gu*). Например: *tule* (от *туру-le*); *šepuale* (от *šepuiagu-le*); *kule* (от *кулу-le*); *teli* (от *тегу-ли/e*). Исключения составляют глаголы *igu-* и *igu-*, образующие будущее время в виде: *igule* и *igule*; очевидно, диссимиляционная потеря слога (аплогия) в данных случаях не имеет места потому, что основа слова односложна (*ig-, ug-*).

Диссимиляционная потеря слога имеет место также при присоединении показателя косвенного объекта 1-го лица ед. числа *-me* к форме 3-го лица ед. числа прош. времени переходных глаголов (например, *aguni-me > agime*). Такое же явление наблюдается и в формах 1-го лица ед. числа прошедшего времени переходных глаголов с окончанием *-li* (показатель множества объектов). Так, например, мы имеем *kuli* (от *кулу-ли*). Возможно, диссимиляционная потеря звука в *ulgušiani* (от *улгушинани*) или же в *šuniani* (от *шунинани*).

В урартском языке засвидетельствованы также случаи ассимиляции и диссимиляции. На основании ассимиляции или диссимиляции наблюдается, например, чередование звуков *n* и *l*; так, мы имеем случай регрессивной диссимиляции в *burgalani* (от *бурганани*), или же регрессивной же ассимиляции: *burgalali* (множ. число) от *бургана-ли*.

Возможно, в урартском языке существовала назализация гласных, на что указывает чередование *andani* и *adani*; но можно дать другое объяснение данного случая: возможно, здесь звук *n* появляется перед *d*, что вообще бывает нередко и в других языках.

Наблюдается также явление метатезы; так, например, от *ea* мы имеем *ea*; суффикс *-ḥali* предстает также в форме *-alḥi/e* (^{KUR}*qumaḥalḥi* и рядом с ним ^{KUR}*qumaḥalḥi* и т. д.).

О некоторых других, не отмеченных выше фонетических изменениях у нас речь идет при разборе той или иной морфологической категории.

МОРФОЛОГИЯ

Имя

Словообразование. Основа урартских имен (существительных и прилагательных) оканчивается, как правило, на гласный звук. Чаще всего мы имеем в окончании *i* (например: *pili* «канал», *ḥiradi* «воин», *euri* «господин»)¹. Редко встречаются основы, оканчивающиеся на другие гласные: «е»² (например: *'aše* «мужчина», а также в со-

¹ Благодаря характерному для урартской фонетики колебанию между гласными *i* и «е» (см. выше) наблюдается большое колебание и при передаче гласного исхода основы *i*. Часто он передается в виде «е» или *ie* (в произношении также, очевидно, «е»), например: *zilbi* и *zilbe*, *niribi* и *niribe*, *zari* и *zarie*, *susi* и *susie* и много других.

² К этой категории мы причисляем лишь те слова, в конце основы которых всегда пишется «е» и нет характерного колебания в написании (и в произношении?) между *i* и «е». Скорее всего в этом случае гласный «е» является каким-нибудь специфическим звуком, отличным от того «е», который так часто чередуется с *i*.

бирательном значении «мужчины»; аše «щит»), «а» (например: qīuga «земля») или u (например: SALlutu «женщина», а также в собирательном значении «женщины»).

В урартских словах можно выделить особые словообразовательные суффиксы. Так, например, суффикс -še образует абстрактные имена: ušmaše «могущество», ulguše «жизнь», rišušē «радость», ardiše «сила», «власть» (а также: «повеление», «приказ»). Суффикс -še может присоединяться к глагольной основе, например, aru- «давать», отсюда: aruše «милость», «благоденствие»; izidu «повелевать» (?), iziduše «повеление»; возможно, такое же явление мы имеем и в zaduše (ср. zadu «строить») или в tapanuše (ср. tapanu «быть», «существовать»); или: из išruiu «осчастливить» (?) мы имеем išruišē (от išruiu -še ?) «счастье» (?)¹. Наряду с этим суффикс -še присоединяется и к именной основе, так, например, alsui «великий», отсюда: alsuiše «вельчие». Нужно отметить, что многие слова, оканчивающиеся на -še, имеют вполне конкретное значение; так, например: šušē «мелкий рогатый скот», meše «дань», LUtašmuše «пленник» (?), arše «отрок», «дитя», gunuše «битва», «бой», «война». Во многих случаях трудно определить, имеем мы дело с суффиксом -še, или этот слог является органической составной частью основы.

В урартском языке имеется еще один суффикс, образующий абстрактные слова -tuhi. Например: LUGÁL -tuhi (=ereli-tuhi) «царство» (от ereli «царь»), taršuatuhi «мужество» (от taršua «мужчина») и т. д.

Суффикс hi/e(ni) является суффиксом принадлежности. Так, например: menua-hini «принадлежащий Менуа» (в названии: I menuahinili); I argištihini «принадлежащий Аргишти»; I rusa-hini «принадлежащий Руса»; SAL taririahini «принадлежащий Таририа». Этот суффикс образует также патронимику: ID sardurihi(ni) «сын Сардури», I išruinihi(ni) «сын Ишпуини», I menuahi(ni) «сын Менуа». Кроме того, он часто встречается в роли окончания племенных названий, осмысляемых, по всей вероятности, как «сын такого-то (эпонима, бога)». На это указывает также то, что перед такими названиями часто ставится детерминатив мужских личных имен в качестве детерминатива племенных названий (см. ВДИ, 1947, № 4, стр. 26, прим. 2). Так, например, встречаются в качестве племенных названий: I abilliani/ehi, I diau(e)-hi(ni), I eriahi(ni), I erikua-hi, I iganehi, I iuehuhi/e(ni), I qabiluhi, I u(i)te/iruhi(ni) и т. д.

Вариантом суффикса -hi/e является, по всей вероятности, суффикс -uhi. Так, например, название страны KURurme встречается также в форме KURurmeuhi(ni). Такое же явление, вероятно, и в прилагательном tagaiuhi, которое можно сопоставить с tagai «могучий», «могущественный»². Суффикс -hi/e имеется и в именах существительных, например, šuhi/e «устройство» (?), kamnahe, panithe, qarmehi «празднество» (?), urišhi «оружие».

Суффикс принадлежности -hini с наращением окончания множественного числа -li(-hinili) употребляется при образовании названий разных пунктов (городов, крепостей, поместий и т. д.), производимых от имени того или иного лица. Например, можно привести названия городов, построенных царями Менуа, Аргишти, Руса — I menuahinili, I argištihinili, I rusa-hinili, название виноградника, принадлежащего дочери Менуа Таририа — SALtaririahinili.

В названиях стран и городов выступает также суффикс -hali, который в ряде случаев вследствие метатезы (см. выше) превращается в -alhi. Этот суффикс -hali (> -alhi), возможно, содержит хурри-урартский суффикс принадлежности (в дальнейшем — широко распространенное окончание племенных названий и названий стран) hi/ha с наращением суффикса множественного числа -li. Таким образом, -hali, по своим составным частям, почти полностью идентично с вышеназванным суффиксом -hinili.

¹ Ср. также царское имя I išruini «счастливей» (?).

² Ср. засвидетельствованное в хурритском языке превращение гласного исхода основы i в u перед суффиксом -hi (J. Friedrich, Kleine Beiträge zur Churritischen Grammatik, стр. 51).

По своему значению к суффиксу $-hi(ni)$ весьма близко стоит суффикс $-ini$, являющийся также суффиксом принадлежности, например: ${}^I menua-ini$ $hubi$ «долина (?) Менау», «долина (?), принадлежащая Менау», или: ${}^I rusa-ini$ $hubi$ «долина (?), принадлежащая Руса»: ${}^D haldinili$ ($\langle {}^D haldi-ini-li$) $K\check{A}-li$ (вариант: ${}^D \check{s}estili$) «ворота бога Халди», «ворота, принадлежащие богу Халди»; ${}^D haldini$ ($\langle {}^D haldi-ini$) $GIS \check{s}uri/e$ «оружие (?) бога Халди»; $LUG\check{A}L-lili$ $KUR\text{etiuhinili}$ ($\langle {}^KUR\text{etiuhi-ini-li}$) «цари страны Этиухи»; ${}^ID sardurinili$ ($\langle {}^I Dsarduri-ini-li$) $kurili$ «ноги Сардури»; $KUR\text{biaini}\check{s}e$ ($\langle {}^KUR\text{bia-ini-}\check{s}e$) «биаец» («человек, принадлежащий к стране Биа»); $KUR\text{luluini}\check{s}e$ ($\langle {}^KUR\text{lulu-ini-}\check{s}e$) «лулуец» («человек, принадлежащий к стране Лулу» — в переносном смысле «враг») и т. д. Слова, образованные этим суффиксом, следует рассматривать как прилагательные. Кроме того, этот суффикс, подобно суффиксу $hi(e)(ni)$, употребляется при образовании названий стран, также часто с наращением суффикса множественного числа $-li$, например: $KUR\text{biainili}$ ($\langle {}^KUR\text{bia-ini-li}$), $KUR\text{luluinili}$ ($\langle {}^KUR\text{lulu-ini-li}$).

Из суффиксов, специально употребляющихся для образования имен прилагательных, в первую очередь нужно назвать суффикс $-usi$; например, можно назвать: $badusi/e$ «величественный» (?), $LUG\check{A}L-nusi$ или $LUG\check{A}L-si$ «царский», $uri\check{s}husi(ni)$ «оружейный», $inusi$ «такой»; см. также $a\check{s}ihuse$, значение которого неизвестно, и т. д.

Склонение. Урартский язык имеет два числа — единственное и множественное, но не знает различия по грамматическим родам.

Как в спряжении, так и в склонении в урартском языке весьма значительную роль играет так называемая эргативная конструкция, делающая резкое различие между переходными и непереходными глаголами. В связи с этим различно оформляются падежи субъекта при переходных и непереходных глаголах, а прямой объект ставится в именительном падеже. Эргативная конструкция — одна из главных особенностей кавказских языков, в частности грузинского языка. В этом проявляется близость по грамматическому строю урартского и родственного ему хурритского языка, для которого также характерна эргативная конструкция, с современными картвельскими и другими кавказскими языками.

Система урартского склонения имен имеет аглютинативный характер и обнаруживает исключительную близость к картвельским языкам¹. Падежные окончания присоединяются к основе в виде суффиксов. В урартском мы различаем 8 падежей: неоформленный², именительный, эргативный³, родительный, дательный, творительный, направительный и местный.

Неоформленный падеж представляет собой чистую основу слова, например: $pulusi$ «стела», $pili$ «канал», ${}^D haldi$ «бог Халди», $qiga$ «земля», $a\check{s}e$ «щит», $KUR\text{bu}\check{s}tu$ «страна Бушту». Форма множественного числа неоформленного падежа образуется присоединением к основе признака множественного числа $-li$, например: $erelili$ ($LUG\check{A}L-lili$) «цари» (от $ereli$ «царь»), $burgalali$ ($burganali$) «крепости» (?).

По своей функции неоформленный падеж весьма близко стоит к именительному падежу (см. ниже): а) в неоформленном падеже ставится (хотя и сравнительно редко) субъект непереходных глаголов; так, например: iu ${}^D haldikai$ $URU\text{ardinidi}$ $nunali$ ${}^I \check{s}ruinini$ ${}^I Dsardure\check{h}e$ ${}^I menua$ ${}^I \check{s}ruini\check{h}e$ «Когда перед богом Халди в город Ардини пришли Ишпуини, сын Сардури, (и) Менау, сын Ишпуини» (19₂₅₋₂₇); $burgalali$ $LUG\check{A}L$ $ME\check{s}$ $KUR\text{etiuhineli}$ $arnu\check{a}li$ «Подкрепления (?) царей страны Этиухи пришли (им) на помощь» (20, лиц. стор., стк. 14—16, обор. стор., стк. 3—4); ${}^D haldi$ $kuruni$ «Бог Халди (есть) могучий» (39₄); б) в неоформленном падеже ставится объект переходных глаголов (эти случаи более многочисленны), так, например: ${}^I menua\check{s}e$

¹ Г. В. Церетели, Урартские памятники Музея Грузии, стр. 19.

² Соответствует «неоформленному» падежу древнегрузинского языка.

³ Соответствует «повествовательному» падежу грузинского языка.

¹išpuiniḫiniše ini pili aguni «Менуа, сын Ишпуини, этот канал провел» (49₂₋₃ и др.); ¹menuaše ale... terubi ini pulusi «Менуа говорит: я эту стелу поставил» (37₂₋₄); ¹menuaše ¹išpuiniḫiniše ^Dḫalde eure ini suse šidištuni «Менуа, сын Ишпуини, богу Халди, владыке, это suse построил» (71, лиц. стор., стк. 2—4); ¹argištiše ¹menuaḫiniše ini 'ari šuni «Аргишти, сын Менуа, это зернохранилище устроил» (135₃₋₅); URU meišta ḫauni «(он) завоевал город Меишта» (29₄); šatuali kureli «(он) обхватил (мои) ноги» (36₁₄).

Именительный падеж в единственном числе имеет окончание *ni*¹, которое присоединяется в виде суффикса к основе слова; во множественном числе к этому *-ni* присоединяется показатель множественного числа *-li* и получаем характерное для именительного падежа множественного числа окончание *-nili*².

Таким образом, форма именительного падежа фактически является распространенной посредством суффикса-детерминатива (*i*)*ni* основой слова; этим и нужно объяснить, что, наряду с чистой основой (т. е. неоформленным падежом), она также часто выступает исходной формой при образовании других падежей как в единственном, так и, в особенности, во множественном числе. Так, например, в творительном падеже ед. числа, наряду с *esini* (*esi-ni*: чистая основа *esi* + показатель творительного падежа *-ni*), засвидетельствовано также *esinini*, в котором показатель творительного падежа ед. числа *-ni* присоединяется уже не к чистой основе, а к форме именительного падежа.

Именительный падеж употребляется для наименования субъекта непереходных глаголов, так, например: uštabi ¹argištiḫini «Аргишти выступил (в поход)» (127, I₂₀); uluštaibi ^Dḫaldini «Бог Халди шел впереди» (21₁₅); nunabi ^{KUR}manani «Пришла страна Мана» (127, IV₈₀); ḡiurani quldini manu «Земля была пустынной (?)» (127, II₈₄); ¹menuani LUGĀL DAN·NU... «Менуа (есть) царь могущественный» (29₁₄); или для указания объекта переходных глаголов, так, например: karuni ^{Iaššurnirarini} ^Iadadinirareḫi LUGĀL ^{KUR}aššurni ^{KUR}-ne «Победил он (бог Халди) Ашшурнирари, сына Ададинирари, царя страны Ашшур» (156, DI + D II₃₋₁₀); karuni ^{KUR}manani ^{KUR}buštuni «Победил он страну Мана (и) страну Бушту» (127, III₄₇); ¹argištiše ale ḫaubi ^{KUR}etiunini «Аргишти говорит: завоевал я страну Этиуни» (127, I₂₁); ḫaitu URU meištani URU quani URU šarituni URU nigibini «Завоевали (они) города: Меишта, Куа, Шариту, Нигиби» (24, лиц. стор., стк. 18—19); ragubi ^{SAL}lutuni «Угнал я женщин» (262₃)³; во множественном числе: ^{LÚ}ḫuradineli uelidubi «Воинов я собрал» (127, III₁); ^{LÚ}ḫuradinili kedanuli «Воинов я отправил (в поход)» (28, лиц. стор., стк. 4); ^Dḫaldia ištine inanili arniušinili I MU zadubi «Для бога Халди я эти подвиги за один год совершил» (127, I₁₆).

Таким образом, функционально падежи неоформленный и именительный весьма близко стоят друг к другу: в обоих из них может стоять или субъект непереходных глаголов или же объект переходных глаголов, хотя явно наблюдается преобладание оформления объекта непереходных глаголов в именительном падеже.

¹ Окончание именительного падежа *-ni*, возможно, ведет свое происхождение от указательного местоимения *ini* «этот». Таково происхождение показателя именительного падежа во многих языках, в том числе и в грузинском.

² На *-ni* может оканчиваться и основа, так что не все слова, имеющие окончание *-ni*, стоят в именительном падеже, они могут представлять форму неоформленного падежа, например: *iaḡani* «часовня» (?), *ebani* «страна» и т. д. Часто, особенно в случае географических названий на *-ni*, трудно решить, является ли оканчивающее их *-ni* формативом именительного падежа или принадлежит к основе.

³ ^{SAL}lutuni — форма единств. числа, употребляющаяся в собирательном значении «женщины».

Эргативный падеж является специально падежом субъекта переходных глаголов. Окончание этого падежа *še* присоединяется в единственном числе непосредственно к основе, а во множественном числе — посредством характерного для косвенных падежей множественного числа гласного «а», например: ^Iišpuiniše ^{ID}šardu-rehīniše ini É-e žaduni «Ишпуини, сын Сардури, этот [дом построил]» (№ 4—10); ^Imenuaše ^Iišpuinihīniše ini pili aguni «Менуа, сын Ишпуини, этот канал провел» (44₁₋₃); aluše uliše tiule ^{URU}luhīunini haubi «Кто другой скажет: я завоевал город Лухиуни» (30₁₃₋₁₉). Во множественном числе: ali ^{LÚ}A.SI ^{MEŠ}-še partu šeri partu «Что войны угнали, угнали они отдельно» (155, A₁₁₋₁₂); ^{KUR}biainaše (268₇₋₃).

Иногда суффикс эргативного падежа *-še* выступает в форме одного лишь *-š*. В большинстве случаев это является последствием фонетического изменения: гласное «е» выпадает в тех случаях, когда к этому суффиксу присоединяется еще какой-нибудь другой суффикс, например, местоименный суффикс прямого объекта 3-го лица ед. числа *-ni* «его», или суффикс косвенного объекта 1-го лица ед. числа *-me* («мне»), так, например: alušni (<aluše-ni) tule «кто его уничтожит» (99, обор. стор., стк. 6), ^Dhaldišme (<^Dhaldiše-me) ušhanuni «Бог Халди даровал (?) мне» (278₃ и др.).

Наблюдается также потеря гласного «е», когда рядом друг с другом стоит несколько имен в эргативном падеже; в таком случае у первого из этих имен окончание *-še* превращается в *-š*, так, например: ^Iišpuiniš ^{ID}sardurhīniše burganani šidišituni «Ишпуини, сын Сардури, крепость (?) построил» (17_{1,2}); ^Iišpuiniš ^{ID}sardurhīniše É ini šidišituni «Ишпуини, сын Сардури, этот дом построил» (17₁₋₂); mei ^Dhaldiš ^{DIM}-še ^{DUTU}-še ^{DINGIR} ^{MEŠ}-še ^{URU}ardinini zilbi qiraedi kilituni «Пусть боги Халди, Тейшеба, Шивини, (все) боги города Ардини не оставят на земле (его) семья» (19₄₀₋₄₁).

Но это явление, повидимому, характерно лишь для южного, Мусасирского говора урартского языка.

Родительный падеж. Формативом родительного падежа единственного числа является *-i*, присоединяющееся к основе, например: ^Imenuai pili «Канал (царя) Менуа» (43₃ и др.); ^Irusai šue «Озеро (царя) Руса» (268₄); ^{KUR}niribai hūbi «Долина (?) страны Нириба» (127, II₁₃); ^{KUR}baršuai KUR-ni «Страна Баршуа» (24, лиц. стор., стк. 20); ^{URU}šašilui KUR-ni «Страна города Шашилу» (128, В₁₁₁); ^Ikamniui KUR-ebani «Страна Камнив» (155, F₂₃) и т. д.

Если основа оканчивается на *-i*, то иногда окончание родительного падежа *-i* в написании полностью сливается с конечным *i* основы и отдельно не отмечается, так, например: ^Iú-tu-ru-ur-ši-ni ^{LUGÁL} ^Idi-i-a-ú-e-ḫi «Утуруршини, царь (племени) Дваухеи (36₁₂₋₁₃); или: ^Ime-nu-a-še a-li-e ha-ú-bi ^Idi-a-ú-e-ḫi ^{KUR}-ni-i-e «Менуа говорит: завоевал я страну Дваухеи» (36₆₋₇). Но чаще и при основах на *-i* окончание родительного падежа *-i* в написании отмечается постановкой после основы специального знака для *-i*, например: ^Dhal-di-i i-a-ra-ni «Часовня (?) бога Халди» (39₁₃); ^Dhal-di-i ra-a-ta-ri «Город бога Халди» (65₁₀); ^Iar-gi-iš-ti-i ú-ri-iš-ḫi «Оружие Аргшти» (150) и т. д.

В окончании родительного падежа единственного числа весьма резко проявляется характерное для урартского языка колебание между гласными *i* и «е». Так, в ряде случаев вместо *i* окончанием родительного падежа выступает «е»; особенно это часто встречается, когда основа оканчивается на «е», например: ^{VI} ^{LIM} ^{VI} ^{ME} ^{LÚ} ^{MEŠ} gunušini eršidubi ištini ^{KUR} hate (^{KUR} ha-te-e) ^{KUR} šupani (^{KUR} šu-ú-pa-a-ni) «6600 воинов страны Хате (и) страны Цупани я там поселил» (128, A₂₁₋₂₂); haubi ^{KUR} urme (^{KUR} ur-me-e) ^{KUR}-ne «Я завоевал страну Урме» (128, A₄₂₄₋₂₅). Но и в других случаях «е» выступает в качестве окончания родительного падежа, напри-

мер: $I_{\text{menuan}} I_{\text{išpuine}}$ е... aluse $URU_{\text{tušpa}}$ e URU «Менуа, сын Ишпуини (есть)..... правитель города Тушпа» (39₁₈₋₂₁). Если основа оканчивается на *i*, то вместе с окончанием родительного падежа «е» в конце слова в написании мы получаем комплекс *ie*, произносящийся, по всей вероятности, просто как «е», например: $NIG_{\text{ID sar}}du\text{-ri-e}$ (ID_{sar} -du-ri-e) (вариант: $NIG_{\text{ID sar}}$ -du-ri-i) «Собственность (царя) Сардури» (193—259); $KUR_{\text{aš-qa-la-ši}}$ -e (= $KUR_{\text{ašqalaše}}$) KUR «страна Ашкалаши».

Во множественном числе родительный падеж имеет окончание *ui/ue*, перед которым ставится еще показатель множественного числа «-а». Хотя имеются случаи когда суффикс *-aue* непосредственно присоединяется к основе (см., например, $LUGAL_{\text{erilaue}}$), но чаще он присоединяется к слову, стоящему в именительном падеже, например: $KUR_{\text{ebaninaue}}$ (< $KUR_{\text{ebanini-aue}}$) DINGIR «Богу стран» (27_{18, 63}); $šADU_{\text{algalinaue}}$ DINGIR «Богу гор (?)» (27_{18, 63}); $D_{\text{šuninaue}}$ DINGIR «Богу озер» (27_{19, 64}).

Дательный падеж. Характерным для дательного падежа единственного числа окончанием при основах с исходом *i*, «е», *u* является «е», присоединяющееся непосредственно к основе: $D_{\text{hal-di-e}}$ e-ú-ri-e (D_{halde} eue) «Богу Халди, владыке»; D_{haldini} ušmašie (ušmaše) «Могуществу бога Халди», $D_{\text{šebitue}}$ «Богу Шебиту». Слова, имеющие основу с исходом на «а», в дательном падеже единственного числа имеют окончание «а», которое в произношении, несомненно, сливалось в один звук с находящимся в конце основы «а». В письме второе «а» (падежное окончание) отражается не всегда; так, встречается: $D_{\text{qu-e-ra}}$ «Богу Куера» (106₁₃); $I_{\text{me-nu-a}}$ «(царю) Менуа» (93₆); $I_{\text{i-nu-uš-pu-ú-a}}$ (93₆) и т. д., и $D_{\text{a-na-ar-šá-a}}$ «Богу Анапша» (27₇); $D_{\text{qu-ú-e-ra-a}}$, $D_{\text{a-da-ru-ta-a}}$, $D_{\text{e-ri-na-a}}$, $D_{\text{ú-ni-na-a}}$, $D_{\text{ja-a-ra-a}}$, $D_{\text{a-ra-za-a}}$, $D_{\text{ú-ra-a}}$, $D_{\text{sú-ba-a}}$, $D_{\text{e-li-a'-a}}$ (все примеры из № 27). И в окончании дательного падежа единственного числа встречается колебание в передаче гласных *i* и *e*: так, иногда слово, стоящее в дательном падеже ед. числа, имеет окончание *i* вместо «е», например: $D_{\text{di-du-a-i-ni}}$ «Богу Дидуаини» (27₇); при повторении текста, в той же надписи № 27 (стр. 40) мы уже имеем: $D_{\text{di-e-du-a-i-ni-e}}$; $D_{\text{ip-ja-ri}}$ «Богу Ипхари» (27₂₂); $ma-ni-ni$ ul-gu-še $I_{\text{iš-pu-ú-i-ni}}$ $I_{\text{D sar}}$ -du-ri- $hi-ni$ $I_{\text{me-nu-a}}$ $I_{\text{iš-pu-ú-i-ni-e- \bar{h} i-ni}}$ «Да будет жизнь Ишпуини, сыну Сардури, (и) Менуа, сыну Ишпуини» (27_{24, 76-78}). Множественное число дательного падежа по своему окончанию *-aue/-aui* не отличается от родительного падежа множественного числа. Как и в родительном падеже, окончание *-aue* дательного падежа множ. числа имеет тенденцию присоединяться не к чистой основе, а к слову, стоящему в форме именительного падежа ед. числа, т. е. к *ni*-форме основы ($LÚ_{\text{huradi}}$ «воин», имен. падеж ед. числа: $LÚ_{\text{huradini}}$, отсюда дат. падеж мн. числа: $LÚ_{\text{huradinaue}}$ < $LÚ_{\text{huradini-aue}}$). Кроме своих обычных функций, дательный падеж в урартском языке, по всей вероятности, применяется для обозначения времени, так же как это имеет место в грузинском языке; например: $ikukani$ šale «в том же году»; $šusine$ šale «в один год» («в продолжении одного года»). Так же как в древнегрузинском языке, в урартском дательный падеж играл роль и местного падежа, например: $terubi$ manini $esini$ $LUGAL_{\text{-tuḥini}}$ «Поставил я его на царственное место» (264₂₀₋₂₁) или: GUD II $UDU_{\text{D IM KÁ URU}}$ irdia «Быка и двух овец воротам бога Тейшеба в городе Ирдиа» (27₅₉) и GUD II $UDU_{\text{D UTU KÁ URU}}$ uišini «Быка и двух овец — воротам бога Шивини в город Уишини». Или же: $eršidubi$ KUR_{ebaniuke} «Поселил я (их) в моей стране» (155, С₄₋₅); $DUB_{\text{-te URU}}$ anaše nunabe ištini «Список (?) пришел оттуда в город Анаше» (20, лиц. стор. 33—34). Возможно, такое же явление перед нами в выражении, многократно засвидетельствованном в победных текстах: D_{haldini} uštabi masine $GİŠ_{\text{šure}}$ «Бог Халди выступил (в поход) в своем оружии (?)» (т. е. «со своим оружием (?)»), или, например: uštadi $LÚ_{\text{ueli}}$ šusine «выступил я (в поход) в одном отряде (?)» (т. е. «одним отрядом») (155, F₁₆).

Творительный падеж. Так же, как, например, в древнегрузинском, этот падеж отвечает на вопрос «кем?», «чем?» (Ablativus instrumenti) и на вопрос «откуда?». Характерным для этого падежа окончанием является -ni, присоединяющееся в единственном числе непосредственно к основе, во множественном же числе — посредством признака косвенных падежей мн. числа -а, так, например, в единственном числе: *Dḥaldinini ušmašini* «мощью бога Халди»; *Dḥaldinini baušini* «велеением бога Халди»; *Dḥaldinini alsušini* «величием бога Халди»; *šusine uštipini* «одним походом»; *ÍDmunani IV PA₅^{MEŠ} agubi* «Из реки (?) я четыре канала провел» (137₈); *Dḥaldini bedini* «со стороны бога Халди» (27₂₄); *inukani esi(ni)ni* «с этого места» (63₅; 110, лиц. стор. 5-6; 127, VIII₁₂). Во множественном числе: *inani arniušinani* (варианты: *inani INIM^{MEŠ}-ni*, *inani baušinani*; именительный падеж мн. числа будет: *inili arniušinili*, *inili baušinili*); *KURluluinani KUR-nini* «Из вражеской страны» (278₂),¹ или же с послелогом -edini: *LÚipriuanedini* (<*LÚipriuni-ani-edini*) (128, A 4₇), *KURbiaianedini* (<*KURbiaini-ani-edini*) (128, A 4₈), *KURšuranedini*, *LÚA-SI^{MEŠ}-nanedini LÚururdanedini* (из надписи 155G). Слова с основой, оканчивающейся на -še, перед получением суффикса творительного падежа ед. числа -ni превращают гласный исход «е» в i: *alsuše* → *alsušini*, *ušmaše* → *ušmašini*, *bauše* → *baušini* и т. д. Но имеются случаи сохранения «е», например, от *ulguše* «жизнь» форма творительного падежа ед. числа (с послелогом -edini) — *ulgušenedini* «ради (из-за) жизни» (295).

Суффикс творительного падежа мн. числа (-ani), так же как и суффиксы других косвенных падежей мн. числа, обыкновенно присоединяются не к чистой основе, а к ni-форме основы, т. е. к форме именительного падежа данного слова, хотя в виде исключения имеются случаи присоединения суффикса -ani к самой основе (например: *KURšuranedini* <*KURšuri-ani-edini*).

В некоторых случаях в творительном падеже то или иное слово выступает со своеобразным окончанием, например, от *ulguše* мы имеем: *ulgušiani* (в соединении с послелогом -edini: *ulgušianedini* «ради жизни»). То, что здесь перед нами форма творительного падежа, следует из того, что послелог *edini* всегда требует постановки слова именно в творительном падеже (см., например, цитированные выше: *KURbiaianedini*, *LÚipriuanedini* и т. д.). Возможно, *ulgušiani* получено вследствие диссимилиационной потери звука от *ulgušinani* (творительный падеж множественного числа) или же здесь мы имеем своеобразное образование формы творительного падежа единственного числа в результате дифтонгизации i>ia (по значению здесь более подходит именно единственное число).

С таким же явлением мы имеем дело и в слове *šuiniani*, например: *inani artini šuiniani* «С этой стороны озера» (266₆) и *išani artini šuiniani* «С той стороны озера» (266₁₂). По всей вероятности, аналогична приведенным примерам форма *masini/eani*, дважды встречающаяся в трудно понимаемом контексте (36₂₃; 128, B 1₂₈).

Направительный падеж отвечает на вопрос «куда?»². В единственном числе характерным для направительного падежа окончанием является -edi или -idi, присоединяющееся к основе, например: *uš-ta-di KURur-me-e-di* «Выступил я (в поход) на страну Урме» (127, VI₆). Если основа имеет гласный исход -i или -e, то начальный гласный суффикса направительного падежа «i/e» сливается с этим гласным исходом основы и иногда даже в написании мы имеем лишь один гласный, например: *i-ú Dḥal-di-ka-a-i URUar-di-ni-di nu-na-a-li Íš-pu-ú-i-ni-ni IDsar₅-dur₆-e-hé I₁me-pu-a I₁š-pu-ú-i-ni-ni-hé* «Когда перед богом Халди в город Ардини явились Ишпуини, сын Сардури, (и) Менуа, сын Ишпуини» (19₂₅₋₂₇); *KURur-me-ú-hi-di* «На страну

¹ В выражении *KURluluinani KUR-nini* первое слово стоит в творительном падеже мн. числа (названия стран часто имеют флексию множ. числа), а второе (*KUR-nini* — *ebanini*) — в творит. падеже ед. числа.

² Этот падеж употребляется, иногда также для обозначения цели (directivus finalis), например: *KUR KUR paraḥiaidi* «для усмирения (?) вражеской страны» (265₇).

Урмеухи (40, А₃); ^Idi-a-ú-ḫi-ni-di «На Диаухи» (128, В 1₂₃). Часто в написании при присоединении суффикса -edi к основе на i возникает комплекс -iedi, произносящийся, по всей вероятности, как -edi, например: ^Dḫal-di-e-di (^Dḫaldedi) (127, III_{2a}), ^Ilu-šá-i-ni-e-di (^Ilušainedi) (20, обор. стор. 6); ^Idi-a-ú-e-ḫi-ni-e-di (^Idiaueḫinedi) (36₂), ^{KUR}ar-ḫi-i-e-di (^{KUR}arḫedi) (41, С₁). Иногда сам суффикс -edi пишется в форме -iedi (в произношении: edi), например: ^{KUR}ur-me-i-e-di (^{KUR}urmedi) (41, С₅; 128, А 4₂₄). Но иногда между гласным исходом основы и суффиксом направительного падежа появляется в написании «g» (о таких случаях, засвидетельствованных и в других формах, см. выше, в отделе фонетики), например: uš-ta-a-di ^{KUR}ba-bi-lu-ni-e ^{KUR}e-ba-ni-gi-di «Выступил я (в поход) на страну Вавилу» (155, А₄₋₅).

Если основа оканчивается на «а» или u, то обыкновенно суффикс -edi (-idi) присоединяется к основе без всяких изменений, например: qiuḫaedi (вариант: qiuḫa-idi, qiraedi), ^{URU}meištaedi, ^{KUR}manaidi, paraḫiaidi, ^{KUR}baršuaedi, ^{KUR}qulḫaidi, ^{KUR}buštaedi, ^{KUR}erinuidi, ^{KUR}taraiuedi и т. д.; иногда в таких случаях суффикс -edi пишется в форме -iedi (в произношении -edi), например: qí-ú-ra-i-e-di (qiuḫaedi) (20, обор. стор. 33).

Но иногда комплекс ai/ae, полученный при встрече гласного «а» основы с начальным гласным суффикса -i/e, превращается в «а», например: ^{URU}sudaladi (<^{URU}sudala-e/idi); zainuadi (<zainua-e/idi); ^{LÚ}purunurdadi.

Во множественном числе мы имеем двойное образование формы направительного падежа: 1) посредством суффикса -aidi (-aedi) (т. е. показатель мн. числа косвенных падежей «а» и окончание направительного падежа -i/edi), присоединяющегося преимущественно к форме именительного падежа единственного числа (при этом гласное окончание основы выпадает), например: ^{KUR}biainaidi (<^{KUR}biaini-aidi); ^Irusaḫinaidi (^Irusaḫini-aidi). Иногда в окончании направительного падежа мн. числа -aidi (-aedi), в дифтонге ai/ae происходит выпадение второго члена данного дифтонга i/e и падежное окончание принимает форму -adi, например: ^{KUR}etiḫinadi (<^{KUR}etiḫini-aidi); ^Imenuaḫinadi (<^Imenuaḫini-aidi); ^{KUR}biainadi (<^{KUR}biaini-aidi); ^Irusaḫinadi (^Irusaḫini-aidi); 2) или же множественное число направительного падежа образуется посредством суффикса -ašte, перед которым также теряется гласный исход основы: ^{LÚ}A-SI^{MES}-ašte; ^{DINGIR}MES^Š-ašte ^{KUR}biainašte (<^{KUR}biaini-ašte).

Местный падеж (locativus). Характерным для этого падежа окончанием как в единственном, так и во множественном числе является «а», которое присоединяется в единственном числе, как правило, к чистой основе, во множественном числе — в большинстве случаев к форме именительного падежа ед. числа. Во множественном числе окончание -а является продуктом слияния показателя множественного числа косвенных падежей «а» и окончания местного падежа -а. В единственном числе при присоединении падежного окончания гласный исход основы i/e (во всяком случае, в письме) сохраняется, например: ^Dḫaldia, ^{KUR}etiunia, šuinia, esia, babania. Если основа оканчивается на -а, то окончание местного падежа сливается с гласным исходом основы, и мы здесь имеем форму чистой основы, например: ^{URU}šebeteria ^Dḫaldi iarani šidištuni «В городе Шебетерия он построил часовню (?) бога Халди» (39₁₃); ^{DUB}-te ^{URU}ildamuša terubi «В городе Илдамуса я надпись установил» (155, D₁₁₋₁₂).

Во множественном числе при присоединении падежного окончания происходит выпадение гласного исхода основы i/e, например: ^Irusaḫinakai (^Irusaḫini-a-kai); ^Iargištiḫina (<^Iargištiḫini-a); ^{LÚ}A-SI^{MES}-na (^{LÚ}ḫuradina<^{LÚ}ḫuradini-a); ^Dḫaldina (<^Dḫaldini-a) KĀ-kai; gunuša (<gunuše-a), queraina (<queraini-a); taramana (<taramani-a); esa (<esi-); ebana (<ebani-a); ^{LUGAL}-tuḫinina (<^{LUGAL}-tuḫini-ini-a).

Для большей наглядности приведем примеры склонения отдельных урартских слов.

Основы на -i. ^Dḫaldi «бог Халди»; ^Dḫaldini «халдовский»; ^{KUR}biainili «страна Биинили»; esi «место»; ^Idiau(e)ḫi «племя (страна) Диау(е)хи»; ^Irusaḫinili «(город) Русахинили».

Единственное число

Неоформ. п.	D _h aldi	D _h aldini	esi	I ₁ diaue _h i
Имен. п.	D _h aldini		esini	I ₁ diaue _h ini
Эргат. п.	D _h aldiše	D _h aldiniše		I ₁ diaue _h iniše
Родит. п.	D _h aldi/e	D _h aldine	esine	I ₁ diau _h ine
Дат. п.	D _h alde	D _h aldine		I ₁ diau _h ine
Твор. п.		D _h aldinini	esi(ni)ni	
Напр. п.	D _h aldedi			I ₁ diau _h inidi
Местн. п.	D _h aldia		esia	

Множественное число

Неоформ. п.		D _h aldinili	KUR ₁ biainili	I ₁ rusa _h inili
Имен. п.			KUR ₁ biainaše	
Эргат. п.			KUR ₁ biainaue	I ₁ rusa _h inaue
Род.-Дат. п.		D _h aldinaue	KUR ₁ biainani	
Твор. п.		D _h aldinani		
Напр. п.			KUR ₁ biainana(i)di	I ₁ rusa _h ina(i)di
Местн. п.		D _h aldina	KUR ₁ biainašte	I ₁ rusa _h ina

Основы на -e: bauše «слово», «приказ», «предмет», «вещь»; alsuiše «величие»; gunuše «битва»; šue «озеро»; ulguše «жизнь»; ħare «дорога».

Единственное число

Неоформ. п.	Bauše	a ₁ suiše	gunuše	šue	ulguše	ħare
Имен. п.				šuni		
Эргат. п.						
Родит. п.						
Дат. п.		alsuiše				
Твор. п.	baušini	alsuišini	gunušini	šuniani (мн. ч ²)	ulgušiani (мн. ч ²)	
Направ. п.						ħaredt
Местн. п.						

Множественное число

Неоформ. п.	
Имен. п.	baušinili
Эргат. п.	
Род.-Дат. п.	
Твор. п.	baušinani
Направ. п.	
Местн. п.	

gunuša

Основы на -a. I₁menua «Менуа»; URU₁tušpa «город Тушпа», I₁D₁ildarunia «Река Илдаруниа»; burgana «крепость (?)»; baba «гора»; qiura «земля».

Единственное число

Неоформ. п.	I ₁ menua	URU ₁ tušpa	I ₁ D ₁ ildarunia	burgana	baba	qiura
Имен. п.	I ₁ menuani	URU ₁ tušpani		burganani	babani	qiurani
Эргат. п.	I ₁ menuaše					
Родит. п.	I ₁ menuai	URU ₁ tušpai/e				
Дат. п.	I ₁ menua					
Творит. п.			I ₁ D ₁ ildaruniani			
Напр. п.						qiura(i)di
Местн. п.					babania	

Множественное число

Неоформ. п.		burganali	
Имен. п.			
Эргат. п.			
Род.-Дат. п.	URUtušpanaue		babanaue
Твор. п.			giurani (ед. ч. ?)
Напр. п.			
Местн. п.			

Основы на -и. KUR¹buštu «страна Бушту»; URU¹tuliḫu «город Тулиху»; URU¹šašilu «город Шашилу»; D¹šebitu «бог Шебиту».

Единственное число

Неоформ. п.	KUR ¹ buštu	URU ¹ tuliḫu	URU ¹ šašilu	D ¹ šebitu
Имен. п.	KUR ¹ buštuni	URU ¹ tuliḫuni	URU ¹ šašiluni	
Эрг. п.				
Родит. п.	KUR ¹ buštue	URU ¹ tuliḫui	URU ¹ šašilui	
Дат. п.				D ¹ šebitue
Твор. п.				
Направ. п.	KUR ¹ buštuedi			
Местн. п.				

Местоимения

Личные местоимения. Из личных местоимений в урартских текстах засвидетельствованы лишь некоторые формы первого и третьего лица единственного числа.

Личное местоимение 1-го лица единственного числа «я» засвидетельствовано в форме эргативного падежа: ieše «я»; например: ieše inī pili agubi «Я этот канал провел» (57₁₇₋₁₈), а также в форме косвенных падежей: -me «мне», «меня», которое энклитически присоединяется как к именам существительным, так и к местоимениям и глагольным формам, например: D¹ḫaldiš-me aguni «Бог ḫалди дал мне»; agi-me «он дал мне»; artu-me «они дали мне»; aluš-me «кто мне» и т. д. При присоединении местоименной частицы -me вследствие диссимиляционной потери происходит выпадение глагольного окончания 3-го лица единственного числа прошедшего времени переходных глаголов -ni, например: agume (от aguni-me «он дал мне»), а в некоторых других глагольных формах, а также в именах существительных и местоимениях, стоящих в эргативном падеже, происходит потеря гласного исхода слова, например: D¹ḫaldišme (от ḫaldiše-me) «бог Халди мне»; alušme (от aluše-me) «который мне», ḫašialme (от ḫašiali-me) «прислушались они ко мне» и т. д.

Личное местоимение 3-го лица единственного числа в неоформленном падеже имеет форму mani, например: turinini D¹ḫaldiše DIM-še D¹UTU-še DINGIR MEŠ-še mani «пусть уничтожат боги Халди, Тейшеба, Шивини, (все) боги его». В именительном падеже ед. числа это местоимение предстает перед нами в форме manini, например: terubi manini esini LUGÁL-tuḫini «Поставил я его на царственное место» (264₂₀₋₂₁)¹. Формой косвенных падежей личного местоимения 3-го лица ед. числа является -ni, подобно -me, энклитически присоединяющееся к слову, вызывая выпадение гласного окончания этого последнего, например: alušni (<aluše-ni)

¹ Это обстоятельство заставляет нас признать, что основой личного местоимения 3-го лица ед. числа является mani, а не ma-, как это думает Фридрих, см. Einführung, стр. 17.

tule «Кто ее (надпись) уничтожит» (99, обор. стор. 6); meini ^Dhaldiše ^{DIM} ^{DUTU} kulituni mei tini mei zilibi qiuḡaedi «Пусть боги Халди, Тейшеба, Шивини не оставят на земле ни его (самого), ни (его) имя, ни (его) семья» (20, обор. стор. 30–33).

Притяжательные местоимения. Притяжательным местоимением 1-го лица единственного числа является -uki «мой», энклитически присоединяющееся к слову, к которому оно относится, например: ^{KUR}ebaniuki «моя страна». Падежные окончания в таких случаях присоединяются в конце такой формы, вслед за суффиксом -uki: ^Iuṭupuršini... nunabi kaiuke (дат. п.) «Утупуршини явился передо мной» (36_{12–13}); ^{KUR}-ni ^{KUR}ebaniukidi (направ. п.) abilidubi «(Завоеванную) страну я к моей стране присоединил» (155, E₁₃); eḡsidubi ^{KUR}ebaniuke (дат. п.) «Поселил я (их) в моей стране (155, C_{4–6}). Иногда при этом наблюдается выпадение начального гласного и суффикса -uki, например: abilidubi ^{KUR}ebanikidi (158₂₇), иногда же, напротив, происходит выпадение гласного окончания слова, к которому присоединяется суффикс -uki, например: nunabi ^Iḡilaguadani kauke (<kai-uke) «Явился Хиларуадани передо мной» (158_{22–23}).

Притяжательным местоимением 3-го лица ед. числа является māsi/e «свой»: aluše tinini tule mase tini teli «Кто (мое) имя уничтожит (и) свое имя поставит» (281_{39–40}).

Указательные местоимения. Наиболее часто встречающееся в текстах указательное местоимение — ini, указывающее на близкий предмет: «этот, эта, это». Ini является чистой основой; в текстах засвидетельствована форма неоформленного падежа мн. числа этого местоимения inili, а также форма творительного падежа мн. числа inani: ^Iḡmenuaše ^Iḡšpuiniḡiniše ini pili aguni «Менуа, сын Ишпуини, этот канал провел»; inili ebanili «эти страны»; inani arniušinani «из этих вещей (предметов, созданий)». Возможно, формой именительного падежа ед. числа этого самого местоимения является встречающееся в некоторых урартских текстах inini.

Повидимому, с этим ini находится в связи слово ina (из надписи № 99), являющееся, по всей вероятности, формой местного падежа от ini и имеющее значение: «в этой», «в это», а также «тут», «здесь». От ina мы имеем дальнейшие образования: 1) с наращением частицы -ni «из» (форматив творительного падежа): inani «с этой» (стороны и т. д.), «отсюда», например: inani artini šuiniani «с этой стороны озера»; 2) с присоединением суффиксов принадлежности -ini и -ḡini: ina-ini inani или ina-ḡini «таковой», «такой», «этот»; например, inani burganani «эта крепость (?)»; засвидетельствована форма множественного числа inani — inanili, например, inanili arniušinili «эти деяния». Что касается параллельной формы — inaḡini, то в текстах эта последняя встречается лишь в форме род.-дат. падежа множественного числа: inaḡinaue, например: inaḡinaue URU^{MES} ini PA₅ ḡurišḡi manini «Да будет этот канал оросителем (?) этим городам» (276, обор. стор. 7–8).

Как правило, вышеназванные указательные местоимения в предложении стоят впереди тех слов, к которым они относятся, но имеются исключения из этих правил.

Указательное местоимение ini присоединяет суффикс -uki, являющийся, как мы видели, притяжательным местоимением 1-го лица ед. числа («мой»). Но в данном случае этот суффикс, повидимому, вносит какой-то утвердительный характер в значение местоимения ini. При присоединении суффикса -uki происходит потеря гласного исхода i, таким образом, мы получаем inuki (<ini-uki), имеющее, повидимому, значение «этот самый» (а также: «такой», «таковой»). В отношении местоимения inuki мы наблюдаем те же явления, с которыми мы встретились в случае самого ini. И здесь из незасвидетельствованной в текстах формы местного падежа inuka происходит образование: 1) с присоединением частицы -ni («из») формы inukani «с этого (места и т. д.)», «отсюда» (например: inukani esinini «с этого места»), и 2) с присоединением суффиксов принадлежности -ini и -ḡini: inukani (<inuka-ini) и inukaḡini «такой», «таковой», «этот». Первое из них засвидетельствовано лишь вместе с edini

inukani edini «вслед за тем», «потом», inukaḫini встречается в надписи № 281 (стк. 14): inukaḫine Ṭrusaine ḫubi «этой долине (?) (царя) Руса».

Параллельно с этим мы имеем: ikukani (от ikuka-ini) и ikukaḫini «тот» («та», «то»), «тот самый». Они образованы, несомненно, от незасвидетельствованного в текстах местоимения ikuki (от местного падежа последнего: ikuka), «тот самый», которое в свою очередь образовалось от iki-uki (ср. выше ini-uki >inuki). Таким образом, можно предполагать существование в урартском языке наряду с ini другого указательного местоимения iki, указывающего на далеко находящийся предмет: «тот», «та», «то». Вполне вероятно, что встречающееся в одной надписи слово akuki (286₁: akuki MU «akuki год») также является указательным местоимением, образованным от простой основы еще одного указательного местоимения aki с присоединением того же суффикса -uki (aki-uki > akuki). Также, очевидно, с указательным местоимением мы имеем дело в слове iṣani «с той (стороны и т. д.)», «оттуда». Несомненно, оно образовано так же, как inani, и подразумевает существование указательного местоимения iṣi (отсюда местный падеж: iṣa + ni > iṣani).

Часто к указательным местоимениям присоединяется edini: ini edini, inukani edini, ikukani edini, ikukaḫini edini. Эти выражения, по всей вероятности, имеют значение: «потом», «впоследствии», «вслед за тем» (развившееся от понятия: «отсюда»). В билингве Топузавы inukani edini, повидимому, соответствует ассирийскому ina arkāniš (264, ур.₃₂, асс.₃₀).

От указательного местоимения ini мы имеем еще образование посредством суффикса имен прилагательных -usi — inusi(ni) (<ini-usi(ni)). Это последнее, повидимому, имело значение «такой», «таковой».

Из определительных местоимений нам известно uli «другой», склоняющееся обыкновенным образом: aluše uliše (эргат. п.) tiule ieše URUluḫiunini ḫubi «Кто другой скажет: я завоевал город Лухиуни» (30₁₈₋₁₉); aluše ule inili duli «Кто другого заставит совершить эти (дела)» (39₂₄).

Относительные местоимения. Относительным местоимением в урартском является ali «который (-ая, -ое)», «кто», «что», «каковой (-ая, -ое)»: ali 'aše manu arubi LÚḫaradinaue^{MEŠ} «который (из пленных) был мужчиной — я отдал воинам» (28, верхн. стор.₁₅); inani LUGÁL-ø nunābi mei ali LÚA-SI^{MEŠ}-še partu šeri partu «Это досталось царю, но что воины забрали, забрали они отдельно» (155, A₁₁₋₁₂).

В неоформленном падеже мн. числа мы имеем закономерное ali/eli. В эргативном падеже ед. числа это местоимение уже выступает с измененной основой с гласным исходом u и имеет форму aluše: aluše ini DUB-te tule «Кто эту надпись уничтожит» (30₁₅₋₁₆) и т. д.

К основе относительного местоимения ali || alu присоединяются разные частицы: -ki/e, -pi. Например: aliki (alike) «некоторый», обычно в сочетании: aliki...-aliki «некоторые...-некоторые», «одни...-другие», например: aliki zašgubi aliki šeḫeri agubi «(Из захваченных в плен людей) одних я умертвил, других же живыми увел» (127, I₁₄). Повидимому, примерно то же, что значит aliki... aliki, означала и конструкция: ali...-alipi, например: IDsarduriše ale ali LÚUKU^{MEŠ} GIŠšurginikaini kularšibi šatuni ŠADUuškiani ŠADU^{MEŠ}damni badgulubi zašgubi alipi kularšibi DIM-še GIBÍL-ni «Сардури говорит: (тот) народ, который перед (моим) оружием (?) сбежал (?) (и) занял (?) гору (?) Ушкяни (и) гору (?) Бамни, я (их) осадил (?) (и) умертвил, других же, (которые) бежал(и), бог Тейшеба сжег» (155, F₂₆₋₂₈); ср. также в надписи 268₃₁₋₃₃: ali A^{HA} Ṭrusaḫinaue ipšadule absilatini alipi abilue.

С другой стороны, мы имеем форму aluki/e (засвидетельствованное в надписи № 276, лиц. стор.₂₉, слово aluka, повидимому, представляет собой форму местного падежа от этого самого aluki/e), которая, по всей вероятности, образована от ali посредством суффикса -uki (ali-uki > aluki), т. е. так же как от указательного место-

имения *ini* образована форма *inuki*, по своему значению мало отличающаяся от *ini* (см. выше). Если руководствоваться этим последним обстоятельством, то можно сказать, что и *aluki/e*, возможно, по своему значению мало отличалось от *ali*¹.

Неопределенные местоимения: *ainiei* (варианты: *aini*, *aniei*) «кто-то», «кто-либо», «кто-нибудь», «кое-кто», «некто»², например: *aluše ainiei inili duli* «Кто кого-нибудь заставит совершить [эти (дела)]» (43₈₋₉); *URU luḫiunini URU LUGÁL-si ali ue aiše ainiei qabqasulalani aruni Dḫaldiše Iḫenua Iḫspuiniḫine* «Город Лухиуни, царский город, которым никогда никто не овладевал (?), дал бог Халди Менуа, сыну Ишпуни» (30₉₋₁₂); *qirani širabae manu ui aini ištini aiuri* «Земля была необитаемой(?); никто там не находился» (136₄₋₅) и т. д.

giei (варианты: *gie*, [gi] «что-то», «что-нибудь». [Гётце придает *giei* значение «когда-то», «когда-нибудь»³, но скорее всего по контексту можно дать значение «что-то», «что-нибудь»⁴: *ui giei ištini šidauri* «Ничего не было там построено» (27₂₈); *ui giei ištini manuri* «Ничего не было там» (281₈); *aluše giei inukani esinini šiule* «Кто что-нибудь с этого места унесет» (127, VIII₁₁₋₁₂) и т. д.

Числительные

Из количественных числительных нам известны: 1) *šusini* — «один», например: *šusini šale* «в один год», «за один год». В данном случае *šusini*, по всей вероятности, стоит в дательном падеже, который, так же как, например, в грузинском, употребляется для обозначения времени. В текстах засвидетельствована также форма местного падежа этого числительного: *šusina MUMEŠ KURbiainili nulduli KURluluinili zeldubi* (264₂₈₋₃₀). 2) *atibi* «десять тысяч».

Из форм наречий, образованных от порядковых числительных, засвидетельствованы: *tarani* «во второй раз» и *šištini* «в третий раз», хотя такое значение этих слов не является несомненным.

Глагол

В оформлении урартского глагола видное место занимает различие между переходными и непереходными глаголами. Окончанием, характерным для основ переходных глаголов, является *u*, например: *zadu* «создавать», *šidištu* «строить», *teru* «ставить», «устанавливать», *agu* «давать» и т. д.

Часто встречается образование переходных глаголов посредством глагольной основы *du* «делать», например: *uelidu* «собирать» (ср. *ueli* «собрание» (?), «отряд» (?)); *šeridu* «отделять», «выделять» (от *šeri* «отдельно», «отдельный»); *uediadu* «оскоплять (?)» (от *uedia(ni)* «женщина»), *atqanadu* «совершать, жертвоприношение» (от *atqana(ni)* «жертва», «жертвоприношение»), см. также *abilidu*, *terdu*, *ardu* и т. д.

Основа непереходных глаголов оформляется окончанием «а», например: *nuna* «прийти», «приходить» и т. д. Встречаются иногда [одни и те же корни, оформляемые и как переходные глаголы (посредством *-u*) и как непереходные (посредством показателя непереходных глаголов «-а»), например: *šia* «идти», «уходить», «приходить» и *šiu* «приносить» («приводить»), «уносить» («уводить»), *ušta* «направиться», «отправиться» и т. д. и *uštu* «направить», «преподносить» и т. д.

¹ *aluki* можно объяснить и по-другому: возможно, оно образовано от параллельной с *ali* основы *alu* с прибавлением частицы *-ki* (см. *ali-ki*) и является фонетическим вариантом *aliki*.

² Гётце, RHA, 22, стр. 179 сл.

³ Там же, стр. 185.

⁴ ВДИ, 1951, № 4, стр. 29, прим. 9.

Непереходные глаголы. Образование прошедшего времени. К основе непереходных глаголов в прошедшем времени присоединяются следующие окончания:

Единственное число	Множественное число
1-е лицо -di	
3-е лицо -bi/e	3-е лицо -li

Так, например, для глаголов ušta «выступать» (в поход), nupa «приходить», naḥa «приходить», «восходить», šia «идти» засвидетельствованы следующие изменения:

Единственное число	{1-е л. uštadi	nunadi	naḥadi	šiad
	{3-е л. uštabi	nunabi	naḥabi	šiab
Множественное число	3-е л. uštali	nunali		

Формы непереходных глаголов с основой на -ia. Встречаются случаи, когда основа непереходных глаголов образуется не одним лишь гласным *и* исходом «а», как это бывает обычно, а комплексом -ia. К такой основе при спряжении присоединяются обыкновенно личные окончания непереходных глаголов (-di, -bi, -li), и, таким образом, образуются формы, оканчивающиеся в 1-м лице ед. числа на *-iadi*, например: kuṭiadi «я дошел (до)»; ḥutiadi «я взмолился»; bididi «я повернулся»; в 3-м лице ед. числа на *iabi*, например: []derasiabi «(он) боялся (чего-нибудь)». Возможно, такой же формой является неоднократно засвидетельствованное в текстах uluštaibi—uluštabi «(он) шел впереди (кого-нибудь)» (от uluštiabi вследствие метатезы?). 3-е лицо множественного числа оканчивалось на *-iali*, например: arnuiali «они пришли на помощь (кому-нибудь)». Такой же формой является ḥašiali (с суффиксом косвенного объекта 1-го лица ед. числа -me — ḥašialme): ḥašialme DINGIR^{MEŠ} «Прислушались боги ко мне (к моей просьбе)» (127, II₁₀ и др.).

Если обратить внимание на глаголы, основы которых оформляются через -ia, можно заметить, что здесь перед нами во всех случаях глаголы, имеющие или обязательно подразумевающие какой-нибудь объект, т. е. отношение субъекта к кому-нибудь или к чему-нибудь: ḥutiā «взмолиться», «обратиться с молитвою к кому-нибудь»; []derasia «бояться» (чего-нибудь); uluštia (>uluštai, ulušta) «предшествовать», «идти впереди (кого-нибудь)»; arnuia «помочь (кому-нибудь)»; ḥašia «прислушаться (к просьбе) (кого-нибудь)»; kuṭia «доходить», «достигать (чего-нибудь)». Иногда таким объектом может выступать само действующее лицо: bidia «вернуться» (вернуть себя). Это, как нам кажется, объясняет засвидетельствованное в текстах явление, когда данная глагольная форма заменяется обыкновенной формой переходного глагола, образованной от того же корня; например, в урартских текстах полноценными вариантами друг друга выступают: kuṭiadi и kuṭubi, стоящие всегда в связи с предлогом pari («до»). Как kuṭiadi pari, так и kuṭubi pari в победных текстах урартских царей, несомненно, обозначают одно и то же: «я дошел до» («я довел (себя) до»). Таким образом, форма непереходных глаголов с основой на ia обнаруживает близость к переходным глаголам.

Аналогией этой глагольной категории, хотя и неполной, могут служить те грузинские «средние» глаголы, которые, являясь по своему значению непереходными, все же требуют эргативной конструкции предложения. Эта категория «средних глаголов» в грузинском языке или следует нормам спряжения действительного залога, или же следует нормам спряжения, заключающим в себе характерные особенности спряжения действительного и страдательного залогов¹.

¹ Б. Т. Руденко, Грамматика грузинского языка, 1940, стр. 172 сл.

Формы непереходных глаголов с основой на -i. Некоторые непереходные глаголы, в отличие от вышеназванных категорий, имеют основу, оканчивающуюся на -i. При спряжении они принимают обыкновенные личные окончания непереходных глаголов. Так, например, формой 1-го лица единственного числа является, по видимому, *išti/e*di «я выступил», «я отправился», формой 3-го лица ед. числа — засвидетельствованные в текстах: *sulušti*bi «он ниц повергся», *aišti*bi «он прыгнул», *kularšibi* «он убежал». Может быть, здесь перед нами та же глагольная форма, с которой мы встречались выше, в основах на *ia*, и *i* в этих случаях является следствием упрощения комплекса -*ia*.

Переходные глаголы. Из форм настоящего времени переходных глаголов засвидетельствован лишь один единственный случай: *ali/e* (в написании: *ali*, *alie*) «он говорит»¹, например: ^IDsarduriše ^Iargištiḫiniše ale «Сардури, сын Аргишти, говорит». Так как у нас нет материала для сравнения, мы не в состоянии расчленить это слово и сказать что-нибудь определенное о том, что является в этом слове окончанием, характерным для данной глагольной формы, и что — основой.

Прошедшее время. Более ясно обстоит дело в отношении спряжения переходного глагола в прошедшем времени. Засвидетельствованы формы 1-го и 3-го лица единственного и множественного числа. Характерными для этих форм окончаниями являются:

Единственное число	Множественное число
1-е лицо: -bi, -li	-še
3-е лицо: -ni, -me -ali	-itu, -ituni, -ituli, -itume

Эти окончания присоединяются к основе глаголов, оканчивающейся на показатель переходных глаголов -u. В 1-м лице ед. числа окончание -bi ставится в тех случаях, когда объект данного глагола — один, например: *ieše ini pili agubi* «я этот канал провел» (57₁₇₋₁₈); ^Iargištiše ale ḫaubi ^{KUR}etiunini «Аргишти говорит: завоевал я страну Этиуни»; наряду с этим мы имеем употребление этого же суффикса -bi и при множестве объектов, например: *URU^{MEŠ} GIBÍL-bi É·GÁL^{MEŠ} ḫarḫaršubi* «города я сжег, крепости же разрушил» (127, I); ^{LÚ}ḫuradinili uelidubi «воинов я собрал» (127, I₅).

Но в ряде случаев, когда объект стоит во множественном числе, показатель 1-го лица ед. числа -bi заменяется окончанием -li, которое здесь, несомненно, передает множественность объекта; так, например: ^{LÚ}ḫuradinili^{MEŠ} kedanuli «воинов я отправил» (28, лиц. стор. 4, ср. 155, B₂₈₋₂₉); ^{LÚ}A·SI^{MEŠ} ueliduli «воинов я собрал» (127, III₄₉); *ieše ^{LÚ}A·SI^{MEŠ}-ni kuli* «воинов я отпустил» (155, F₁₅); ^{KUR}biainili nulduli «Страной Бианили я правил» (264₂₉); *iaraneli...šidištuli* «Часовни (?) ... я построил» (264₅₋₇); *É·GÁL^{MEŠ} šiduli* «Крепости я построил» (127, III₂₄); *ieše inili ebanili šusine uštiptini ašguli ^{LÚ}bura aštuli* «Я эти страны одним походом захватил (и) поработил» (266₂₋₃); *šidištuli inili É·GÁL^{MEŠ}* «Я построил эти крепости» (266₁₅);

¹ Такое значение этого слова вызывает некоторые сомнения, отдельные исследователи не считают его глагольной формой. Аргументом в пользу признания *alie* глагольной формой со значением «он говорит», как указал акад. В. В. Струве, может служить тот факт, что в древнейших урартских надписях — в ассирийских текстах Сардури, сына Лутипри (см. № 1, 2), — историческое повествование начинается ассирийской глагольной формой *izakar(ma)* «он говорит (следующим образом)»; в исторических надписях ассирийских царей такая вводная формула не встречается. Полную аналогию к урартскому *alie* нам дает, по мнению В. В. Струве, вводная формула древнеперсидских царских надписей *šatiy*.

iu ^I rusaḫinili šiduli «Когда я (город) Русахинили построил» (268₉₋₁₀); DAN·NU^{MEŠ} arniušinili ištini zaduli «Могучие дела я там совершил» (268₁₈₋₂₁) и т. д.

При образовании вышеназванных глагольных форм происходит ряд фонетических изменений, например: если окончание 1-го лица ед. числа прош. времени переходных глаголов при множестве субъектов -li присоединяется к основе, в которой перед показателем переходных глаголов и стоит согласный l, то происходит регрессивная десимиляция потеря слога (например, от: kulu-li мы получаем kuli «я отпустил»). В форме 1-го лица ед. числа прош. времени, так же как и в некоторых других формах, происходит выпадение конечной гласной корня при присоединении показателя переходных глаголов -u, например: tiubi «я сказал» (от tiau-bi).

В 3-м лице ед. числа при одном объекте основа переходного глагола принимает окончание -ni: ^I menuaše ^I špuiniḫiniše ini pili aguni «Менуа, сын Ишпуини, этот канал провел» (43₁₋₃); при множестве объектов — окончание -ali: ^{IV} LUGÁL^{MEŠ} «он победил четырех царей» (155, D₄₇); šatuali kureli «он обнял (мой) ноги» (36₁₄). Если к данной глагольной форме присоединяется еще окончание косвенного объекта 1-го лица ед. числа -me «мне», то перед ним окончание 3-го лица ед. числа -ni выпадает (вследствие той же десимиляционной потери слога), так, например: aguni «он дал», agume «он дал мне», ušḫanuni «он даровал», ušḫanume «он даровал мне».

В одной из надписей (№ 18), по всей вероятности, засвидетельствована форма 1-го лица множественного числа прошедшего времени переходных глаголов. От основы šidištu «строить» с суффиксом -še образована форма šidištuše «мы построили»: ^I špuiniše ale ^I Dsardureḫiniše ieše ^I menuaše ^I špuineḫiniše ^I inušpuaše ^I menuaḫiniše ^D halde suse šidištuše «Ишпуини говорит: Я, сын Сардури, Менуа, сын Ишпуини, (и) Инушпуа, сын Менуа, это suse бога Халди построили (мы)» (18₂₋₆; 18-22; 34-38)¹.

Наконец, засвидетельствованы формы 3-го лица множественного числа, образующиеся посредством суффикса -itu. При присоединении суффикса -itu к основе обычно происходит выпадение показателя переходных глаголов -u, так, например: ḫaitu (ḫau-itu) «они завоевали», atqanaditu (atqanadu-itu) «они пожертвовали», tiaitu (tiau-itu) «они сказали», atitu (atu-itu) «они съели» и т. д. Но иногда, наоборот, выпадает начальное i суффикса -itu, а показатель переходных глаголов u сохраняется, например: suidutu (от suidu-itu) «они отбросили», šeridutu (от šeridu-itu) «они выделили».

Если признак переходных глаголов u перед собой имеет r, то при присоединении суффикса 3-го лица мн. числа прошедшего времени -itu исчезает как признак переходных глаголов «u», так и «i» суффикса -itu: paru-itu > paritu > partu «они угнали», «они увели»; agu-itu > aritu > artu «они дали». Если же признак переходных глаголов «u» впереди себя имеет «t» или «d», то формы 3-го лица мн. числа прошедшего времени образуются правильно, например: atu-→ atitu (< atu-itu) и т. д., но, если такая форма получает еще другой суффикс, то происходит сокращение: «i» исчезает, «tt» (или «dt») дает «t», так, например, šidištu «строить», šidištutu «они построили», но šidištutu-li > šidištutuli (см., например, 26₅, 11) или же: zadu «создавать» «делать», zaditu «они сделали», но zaditu-me > zatume «сделали — они — мне»; или же, мы имеем zatuli «сделали — они — их» (27₃₃) от zaditu-li > zadtuli > zatuli.

Окончание -itu является показателем субъекта 3-го лица множественного числа, объект в этой глагольной форме остается неотраженным. Но засвидетельствованы

¹ И. И. Мещанинов, Язык Ванской клинописи, II, 1935, стр. 80; A. Götze, ZA, NF, V, 1929, H. 1/3, стр. 105.

и такие случаи, когда к окончанию 3-го лица мн. числа *-itu* присоединяются суффиксы, обозначающие объект: *-ni* («его») — показатель объекта 3-го лица ед. числа, *-li* («их») — показатель объекта 3-го лица мн. числа или *-me* («мне») — показатель косвенного объекта 1-го лица ед. числа, например: *kuitu-ni* «они воздвигли ее (стелу)» (22₄); *ḥarḥarṣitu-li* «они разрушили их (= города)»; *artu-me* «они дали мне» (276, лиц. стор. 11). Ниже для большей наглядности приводятся засвидетельствованные в текстах формы 1-го и 3-го лица единственного и множественного числа прошедшего времени переходных глаголов: *agu* «давать», *zadu* «делать», «создавать», «строить», *ṣidiṣtu* «строить», *ragu* «угонять», *kuiu* (<*kuguuiu*) «воздвигать».

Единственное число

1-е лицо:	<i>arubi</i> «я дал его»	<i>ṣidiṣtubi</i> «я построил его» <i>ṣidiṣtuli</i> «я построил их»	<i>zadubi</i> «я сделал его»	<i>parubi</i> «я увел его» <i>paruli</i> «я увел их»
3-е лицо:	<i>aguni</i> «он дал его» <i>aruali</i> «он дал их» <i>agume</i> «он дал мне»	<i>ṣidiṣtuni</i> «он построил его» <i>ṣidiṣtuali</i> «он построил их»	<i>zaduni</i> «он сделал его» <i>zaduali</i> «он сделал их»	<i>kuguni</i> «он воздвиг его»

Множественное число

1-е лицо:	<i>ṣidiṣtuṣe</i> «мы построили»		
3-е лицо:		<i>partu</i> «они угнали (его, их)»	<i>kuitu</i> «они воздвигли (его, их)» <i>kuituni</i> «они воздвигли его»
	<i>ṣidiṣtuli</i> (< <i>ṣidiṣtu-itu-li</i>) «они построили их»	<i>zatuli</i> (< <i>zadu-itu-li</i>) «они сделали их»	
	<i>artume</i> (< <i>aru-itu-me</i>) «они дали мне»	<i>zatumе</i> (< <i>zadu-itu-me</i>) «они сделали мне»	

Формы переходных глаголов с распространенной основой на *-ul*. Засвидетельствованы случаи, когда в основе переходных глаголов непосредственно перед показателем переходности *-u* включается частица *-ul*; так, например, от простой основы переходного глагола *teru* «ставить» и т. д. встречается распространенная основа *terulu*, или от *suidu* «отбрасывать» — распространенная основа *suidulu* и т. д. Трудно судить о функции этой частицы *-ul*, но, как уже отметил Фридрих, формы с такой распространенной основой по своему значению весьма близко стоят к формам с простой основой¹. Глагольная основа переходных глаголов, распространенная частицей *-ul*, спрягается так же, как и обыкновенная основа переходных глаголов. В текстах засвидетельствованы формы 1-го лица единственного числа с окончанием *-bi*, например: *terulubi*, *suidulubi*, *badgulubi*, *gabqarulubi*.

¹ J. Friedrich, Einführung, стр. 5.

Формы переходных глаголов на *-abi*, *-ulabi*, *-ulani*. В урартских текстах встречается своеобразное оформление переходных глаголов, когда к основе присоединяются не обыкновенные личные окончания, а те же окончания, имеющие перед собой гласный «а»: в 1-м лице ед. числа *-abi*, в 3-м лице ед. числа *-ani* и т. д. При получении этих суффиксов признак переходных глаголов *-и* выпадает. Например: *ḥarḥaršabi* (от *ḥarḥaršu-abi*): *ieše KUR¹banni ḥarḥaršabi* «Я страну Бамни разрушал (?)» (127, VI₁₉₋₂₀). Возможно, такая же форма засвидетельствована в той же надписи—*uiabi*: *Iargištiše ale inani MU·MU uiabi* «Аргшти говорит: это я ежегодно.» (127, VI₁₅), или же *eridabi* в надписи 128, A 1 (стк. 18).

Эта же форма образуется и от основ переходных глаголов, распространенных частицей *-ul*, например: 1-е лицо ед. числа *ašulabi* (*ašulu-abi*) и 3-е лицо ед. и множ. числа — *ašulani* (*ašulu-ani*): *inani LUGÁL-e nunabi mei ali LÚA·SI^{MEŠ}-še partu šeri partu iu KUR¹ebani ašulabi* «Это (речь идет о добыче и пленн. — Г. М.) досталось царю, но что войны забрали, забрали они отдельно, когда я (завоеванную) страну покидал (?)» (155, A₁₁₋₁₂); *inani partu Iišpuiniše I^Dsardureḥiniše I¹menuaše I¹išpuniḥiniše mei ali KUR·KUR^{MEŠ}(?)-a šeridutu iu Ḥ·GAL^{MEŠ} ašulani* «Это (речь также идет о добыче и пленн. — Г. М.) забрали Ишпуини, сын Сардури, (и) Менуа, сын Ишпуини, но что они выделили для стран, когда они покидали (завоеванные) крепости. . . .» (24, лиц. стор. 25-28). Возможно, такую же форму, как *ašulani*, представляет собой засвидетельствованное в надписи № 25 (стк. 4) слово *quḍulani*. Судя по контексту, в котором встречаются данные глагольные формы, здесь мы, возможно, имеем дело с формами несовершенного вида прошедшего времени.

Будущее время. Формы будущего времени переходных глаголов засвидетельствованы лишь в 3-м лице единственного числа. Эта глагольная форма образуется присоединением суффикса *-li/e* (в графике: *li*, *li-e*) к основе переходных глаголов, например: *tiu-le* «он скажет». Эти формы в текстах чаще всего встречаются употребленными в значении сослагательного-будущего: *aluše tule* «кто уничтожит»; *aluše tiule* «кто скажет»; *aluše šiule* «кто унесет» и т. д. Иногда данная форма имеет каузативный оттенок, так, например: *aluše [ule inili dule* «Кто (кого-нибудь) другого заставит совершить эти (дела)». Возможно, иногда с таким же оттенком употребляются эти глагольные формы в фразах с *aše* «когда»; так, например: *ikukaḥine I¹tusaine ḥubi gi aše pili nikiduli* «В этой долине (?) Руса (род. п.) когда (кто-нибудь) заставит канал оросить что-нибудь. . . .» (281₁₆₋₁₇). Очевидно, эта же глагольная форма налицо в таких выражениях, как: *aše GIŠ^{MEŠ} ui aldinie guduli* (27₂₉); *aše GIŠ¹uldi tanuli* (27₃₀); *aše GIŠ¹uldi mešuli* (27₃₀) и т. д.

Встречаются формы будущего времени с суффиксом объекта 3-го лица множественного числа *-ali*, присоединяющимся к глагольному окончанию *le/i*. Так, например, мы имеем от глагольных основ *ḥu* (<*ḥau*) и *šiu*-формы: *ḥuliali* (*ḥu-li-ali*) и *šuliali* (*šiu-li-ali*): *aluše paḥanili ištini šuliali aluše ḥuliali auiei* «Кто (жертвенных) быков оттуда уведет (их), кто куда-нибудь их поведет» (63₉₋₆) (RHA, 22, стр. 181).

Глагольные формы на *-ri*. Глагольные формы, оканчивающиеся на *ri*, справедливо признаны рядом исследователей формами 3-го лица ед. числа прошедшего времени среднего или страдательного залога¹. Но в формах на *-ri* ясно различаются друг от друга: 1) формы, образованные посредством суффикса *-uri* от основ переходных глаголов, например: *aūri* (от *aia*-?), *ušturi* (от *ušta*-: *ušta-uri* > *ušturi*), *manuri* (от *manu* «быть», «существовать»), и 2) формы, образованные суффиксом *-auri* от основ переходных глаголов, например: *agauri* (от *agu* «уводить», «проводить»), *šida(g)uri* (от *šidu* «строить», «воздвигать»). Глагольные формы на *-ri* всегда стоят в связи с отрицанием *ui* «не»; они, по всей вероятности, имели такой же оттенок, как так называемые «результативные времена» грузинского языка

¹ J. Friedrich, Einführung, стр. 8; A. Goetze, RHA, 24, стр. 266—269 и т. д.

(«турмеобити»)¹. Так, например, мы встречаем²: *inuki budusini (s)ui giei šida(g)uri* «Такое величественное (?) ничего не было построено» (№ № 16, 17); *ui giei ištini šidauri* «Там ничего не было построено» (78₂); *qiurani quldini manu ui giei šidauri ištini* «Земля была пустынной (?), ничего не было там построено» (127, II 34–35); *qirani šigabae manu qi aini ištini aiuri* «Земля была необитаемой (?); никто там не находился» (136₄₋₅); *Kl^{TIM} quldini manu ui giei absiei GÁN GIŠ ŠAMŠE GIŠ GEŠTIN zari* *ištini manuri ui PA₆ ištini agauri* «Земля была пустынной (?), ничего...., ни поля с посевами, ни виноградника, ни фруктового сада там не существовало, (и) канал не был там проведен» (276, лиц. стор. 38–42); *qarbi šalzi manu ui giei ištini šidauri* «Скала (?) была крутая (?), ничего не было там (раньше) построено (280₄₋₅).

В урартских текстах встречается еще ряд слов, оканчивающихся на -gi, но в тех случаях, когда эти слова стоят вне связи с отрицательной частицей *ui*, трудно определить, к какой грамматической категории они относятся.

Повелительное наклонение. В текстах засвидетельствованы формы повелительного наклонения 2-го и 3-го лица ед. числа и 3-го лица мн. числа действительного залога и формы 3-го лица единственного и множественного числа страдательного залога.

Действительный залог. Форма повелительного наклонения 2-го лица ед. числа как переходных, так и непереходных глаголов образуется суффиксом *-i/e*, который при присоединении к основе глагола вызывает выпадение показателя переходных глаголов *u* и показателя непереходных глаголов «а», например: *turi/e* (в написании: *turi, turie*) (от *turu-i/e*) «уничтожь!», *uli* (от *ula-i*) «иди!». Эти формы многократно встречаются в формуле проклятия урартских надписей: *(aluše) tiule uli turi* «(Кто) скажет: иди! уничтожь (надпись)!» (19₃₉₋₄₀ и др.).

Для 3-го лица ед. числа характерно окончание *-inini*, при присоединении которого к основе также происходит выпадение признака переходных глаголов *u*, например: *turininini* «Пусть он уничтожит!» (от *turu-inini*) или: *manini* «Пусть будет!» (от *manu-inini* > *manininini* > *manini*); *turininini D_haldiše D_{IM}-še D_{UTU}-še D_{INGIR}^{MES}mani D_{UTU}-ni rinini* «Пусть уничтожат³ бог Халди, бог Тейшеба, бог Шивини, (все) боги его под солнцем» (29₁₉₋₂₀); *manini D_haldini bedini I_{menua} I_{išpuinehine} I_{inušrua} I_{menua-hine} ulguše pišušē alsuiše* «Да будет со стороны бога Халди Менуа, сыну Ишпуини, (и) Инушпуа, сыну Менуа, жизнь, радость, величие» (93₄₋₇, и т. д.); по всей вероятности, такая же форма перед нами в надписи № 167 (стк. 8) *SUM-nini=arinini* (от *aru* «давать») «пусть даст!».

Форма 3-го лица ед. числа повелительного наклонения, как мы видим, может употребляться в смысле 3-го лица мн. числа при множестве субъектов, если только ее субъекты стоят не впереди нее, а следуют за ней. Наоборот, когда форма повелительного наклонения следует за субъектом, то требуется постановка глагола в 3-м лице мн. числа. Окончанием повелительного наклонения действительного залога 3-го лица множественного числа является *-tini/e_{ni}* (*t* вносит в данный суффикс элемент множественности), присоединявшееся прямо к основе переходного глагола: *turutineni* (в написании *turutinieni*, от *turu* «уничтожить») «пусть уничтожат!», например: *D_haldiše D_{IM}-še D_{UTU}-še qiuraše D_{INGIR}^{MES}-še turutineni mani e'a zilibi qiurani edini* «Боги Халди, Тейшеба, Шивини, (и) земные боги(?) пусть уничтожат его (самого), а также (его) семья на земле» (99, обор. стор. 8–11)⁴.

¹ О значении этих форм см. Б. Т. Руденко, Грамматика грузинского языка, 1940, стр. 241 сл.

² Относительно перевода ряда фраз, приведенных ниже, см. нашу работу «Некоторые вопросы социально-экономической истории Нагри-Урарту», ВДИ, 1951, № 4, стр. 29 сл.

³ В урартском ед. число.

⁴ Гётце (RHA, 22, стр. 195–198) считает, что засвидетельствованные в текстах *inerihinitini, haitini* и *ašhaštini* являются также формами 3-го лица мн. числа повелительного наклонения действительного залога и формативом этой глагольной

Страдательный залог. Из форм повелительного наклонения страдательного залога засвидетельствованы формы 3-го лица единственного и множественного числа. Формативом 3-го лица ед. числа является суффикс *-ulini*, например: UDU-MÁŠ·TUR D_halde *niṛsidulini* GUD D_halde *urpulini* «Для бога Халди пусть будет зарезан (?) козленок, (а также) бык пусть будет принесен в жертву богу Халди» (25₄₋₅, 9-10). Эта глагольная форма в урартских текстах довольно часто встречается. Для формы 3-го лица мн. числа повелительного наклонения характерно окончание *-uali*, например: *urpuali* «Пусть будут принесены в жертву» (27_{91, 92, 93})¹.

Итак, из положительных форм повелительного наклонения в урартских текстах засвидетельствованы:

Действительный залог	Страдательный залог
Ед. число: 2-е лицо <i>turi/е, uli</i> 3-е лицо <i>turini, manini</i>	Ед. число: 3-е лицо <i>urpulini</i>
Мн. число: 3-е л. <i>turutineni</i>	Мн. число: 3-е лицо <i>urpuali</i>

Запретительные формы повелительного наклонения², находящиеся в связи с отрицательной частицей *mei* («пусть не»), засвидетельствованы в 3-м лице единственного и множественного числа.

В 3-м лице ед. числа глагольная форма характеризуется окончанием *-diani*, при присоединении которого происходит выпадение оканчивающего основу *u*, так, например: *šeruiardiani* (от *šeruiaru-diani*), *kuldiani* (от *kulu-diani*)³, *ḫaidiani* (от *ḫaiu-diani*). Если в основе перед показателем переходных глаголов и имеется *d*, то происходит потеря вместе с показателем переходных глаголов и также обоих (находящегося в конце основы и в начале суффикса) *d*, так, например: *lakuiani* (<*lakudu-diani*).

В 3-м лице мн. числа отрицательная частица требует глагольной формы, идентичной с формой 3-го лица мн. числа прошедшего времени изъявительного наклонения переходных глаголов, например: *kulutuni* (от *kulu* «оставлять», «покидать» и т. д.): D_haldiše D_{IM}-še D_{UTU}-niše D_{INGIR}^{MEŠ}-še *mei tini mei armuzi mei zilbi qi-uraidi kuletuni* «Пусть боги Халди, Тейшеба, Шивини, (все) боги не оставят на земле ни (его) имя, ни (его) семью, ни (его) потомство» (281₄₂₋₄₇).

Сослагательно-желательное будущее (оптатив)⁴. Для определения данной глагольной формы опорным пунктом является одно выражение из надписи 128, В 1 (стк. 24): *ali meše... ⁱdiauḫinidi terubi MU·MU-ni ardilani* («(Вот) каковую дань... я на (страну) Диаухи наложил, чтобы (она) ее давала ежегодно» (следует перечисление объектов дани и их количества). *Ardilani* является формой именно сослагательно-желательного будущего времени (оптатив) 3-го лица ед. числа действительного залога. Эта форма, как мы видим, образуется посредством суффикса *-ilani*, при присоединении которого к основе показатель переходных глаголов *u* выпадает: *ardu-ilani* > *ardilani*. Такие же формы, очевидно: *ḫailani* (от *ḫaiu-ilani* > *ḫai-ilani* > *ḫailani*) (127, IV₇₄), *zirbilani* (от *zirbu-ilani*) (127, V₄₂); вероятно, этой же формой, снабженной в конце объективной частицы 3-го лица ед. числа *-ni*, являются такие формы, как: *terdilanani* (169₁₂), *absilanani* (268₂₅).

⁴¹ формы считает не *-tinini*, а *-tini*, рассматривая в слове *turutineni* последнее *-ni* как объективную частицу 3-го лица ед. числа («его»), что нам кажется маловероятным, так как объект *turutineni* (*mani*) в нашей надписи отдельным словом следует за ним.

¹ А. Гётце: RHA, 24, стр. 269—276.

² А. Гётце: RHA, 22, стр. 188—192.

³ Но в Келяшинской билингве (19₃₀) мы имеем *kuludiani* (явление, характерное для мусасирского говора урартского языка? — см. ниже).

⁴ А. Гётце, RHA, 24, стр. 276—282.

3-е лицо множественного числа этой же формы образуется, повидимому, суффиксом *-ilatini*¹, который при присоединении к основе также устраняет показатель переходных глаголов *u*, например: *uṣdilatini* (89₁₁), *absilatini* (268₃₃). 3-е лицо множественного числа того же сослагательно-желательного будущего, но страдательного залога оканчивалось, повидимому, на *-i'ali* (перед ним также происходит выпадение признака переходных глаголов *u*), например: VI UDU·MAŠ·TUR ^Dḫalde nipsidi'ali «Чтобы были зарезаны шесть козлят для бога Халди (богу Халди)» (27₃).

Сослагательное прошедшего времени? Повидимому, формы 3-го лица мн. числа действительного залога сослагательного прошедшего времени оканчивались на *[-alani*, при присоединении которого к основе признак переходных глаголов *u* выпадал; например, такой формой является, *ḫaialani* (от *ḫaiu-alani*): É murili ali L^UAD-še L^UAD·AD-še zaduali auie kui kulme manidu ui aiṣei LUGAL^{MES}-še *ḫaialani* «Потаенные склады (?), которые создали отец и дед и где богатство (?) было (собрано), чтобы никогда цари (Урарту) его не захватывали» (155, С₂₇₋₂₉). Очевидно, такой же формой является засвидетельствованное в надписи № 32 (стк.5) *paralani* (от *paru-alani*)².

Причастие страдательного залога в урартском языке, по всей вероятности, образуется суффиксом *-ai/-ae*, который присоединяется к основе, лишенной показателей переходных или непереходных глаголов. Так, например, от *teru* «ставить» мы имеем *terai/e* (в написании: *teragi, teraie*; мн. число: *terainili*). В Келяшинской билингве *terainili* «поставленные» соответствует ассирийскому *ṣaknâte*, имеющему такое же значение (19, ур.₂₂, асс.₂₀). Таким же образом от непереходного глагола *durba* «восставать» мы имеем *durbaie* (= *durbae*) «восставший»: NN *durbae manu* «NN был восставший» (= «NN был мятежником», «NN восстал») (128, А 3₂₃). Возможно, таким же причастием является *ardaie* (*ardaie*) из надписи 155, G (стк. 3) от глагола *ardu* «давать», «преподносить». Так же, как нам кажется, причастиями являются формы на *-ue*, например: *ugruie* «пожертвованный», «жертва» или: *ṣedu* «выходящий» (?), «вытекающий» (?) (от *ṣedu* — распространенной посредством *d* основы *ṣiu* «уводить», «уносить» и т. д. Ср. *aru* и *ardu* и т. д.).

Имя действия (масдар)? Основа переходного глагола, лишенная показателя переходных глаголов *u*, иногда принимает окончание *i/e di/e* (*idi, ide, ede*). Это окончание, очевидно, находится в связи с суффиксом направительного падежа *e/i di*. По мнению Фридриха³, здесь перед нами форма неопределенного наклонения; например: *agi/e de* (от *aru* «давать»): *meṣini pi 'aldubi meṣe* ^{I D}*sardure arede* «Пощадил я (его) под условием (выплаты) дани, чтобы давать дань (царю) Сардури» (155, А₁₇₋₁₈; ср. 155, F₂₁: *meṣe* ^{I D}*sardure aride*).

Как нам кажется, форму *agi/e de* можно осмыслить как форму направительного падежа от отглагольного имени *agi* (*agi + i/e di/e*), тогда можно сказать, что одним из способов образования в урартском языке отглагольного имени, точнее, «масдара» (имени действия — ср. аналогичную форму в грузинском) явилось присоединение *-i* к основе переходного глагола, лишенной показателя переходности *u*.

Неправильный глагол тапи «быть» «существовать». В 3-ем лице ед. числа прошедшего времени этого глагола («был») встречаются две разные формы: *manu* и *manigi*; вторая из них употребляется лишь в предложениях с отрицанием *ui* и по своему значению соответствует форме так называемого «результативного» страдательного залога грузинского языка (ср. выше, в разделе о формах на *-ri*). Так,

¹ Ср. в формах повелительного наклонения действительного залога 3-е лицо ед. числа: *turinini* и 3-е лицо мн. ч.: *turutinini*. И здесь *t* выступает как показатель множественности.

² А. Гётце эти формы рассматривает как 3-е лицо мн. числа той же формы, 3-м лицом ед. числа которой являются формы на *-ilani*: *ardilani* и др. (см. выше в формах сослагательно-желательного будущего).

³ J. Friedrich, Einführung, стр. 8.

например: *ue ainiei LÚEN·NAM^{MEŠ} šukuri manuri* «Никто (из) правителей областей не был призван» (155, F₁₆); *ui giei ištini manuri* «Ничего там не было» (281_a).

В 3-м лице мн. числа мы имеем *manuli* («были»), например: ^ID *sarduriše ale ħaubi III É·GAL^{MEŠ} agununili manuli gunuša ħaubi* «Сардури говорит: завоевал я три крепости, (которые) были укреплены, я (их) в бою завоевал» (155, A₆₋₇).

Из других форм глагола *manu* известны: 3-е лицо ед. числа будущего времени *manule* (в надписи № 169); 3-е лицо ед. числа повелительного наклонения: *manini*. Для запретительной формы повелительного наклонения в 3-ем лице ед. числа с отрицанием *me(i)* «пусть не» характерна форма *manuni*: *me kui tini manuni* (280₁₂) или: *mei absi bauše bidī manuni* (268₂₃₋₂₄; ср. 276, обор. стор. 9-10, 16-17). Засвидетельствованное в текстах *manuše*, вероятно, является абстрактным именем, образованным подобно *aguše* (от *agu-* «давать»). О значении других форм глагола *manu*, например, *manidu*, трудно что-нибудь сказать.

Формы на *-lalani*. Окончание *-lalani*, присоединяющееся к основе переходных глаголов, образует, по видимому, 3-е лицо ед. числа формы, соответствующей грузинскому так называемому «результативному» действительного залога, например: Город X, *ali ue aiše ainiei qabqāšulalāni* «Город X, которым никогда никто не овладевал (?)» (30₉₋₁₀). По видимому, такая же форма, примерно с таким же значением — *aḡšulalāni*, встречающаяся в надписи № 34 (стк. 3).

В урартском эпиграфическом материале можно проследить еще некоторые другие глагольные формы, о значении которых трудно сказать что-нибудь определенное. Так, например, прослеживается форма с окончанием *-ilini*: *qabqarilini* (27₂₅ — для выделения окончания в этом слове ср. *qabqarulini*, *qabqarulubi*). Или же форма на *-(u)di*: *ulħudi* (158₂₂). В этом окончании мы, по всей вероятности, имеем показатель переходных глаголов вместе с окончанием 1-го лица ед. числа переходных глаголов.

Прочие грамматические категории

Наречия. В эпиграфическом материале засвидетельствованы наречия образа действия: *šišuħani* «вновь» (?); наречия времени: *iū* «когда»; *aše* «когда»; *a(i)šei* «когда-нибудь»; *mei a(i)šei* «никогда»; *absiei* «прежде» (?); *ini edini*, *ukukani edini*, *inukani edin(i)* «затем», «впоследствии», «потом» (?); наречия места: *auie* «где», *auiei* «где-нибудь», «куда-нибудь»; *ištini* «там»; *ištini* «оттуда»; *edia* «там»; *edini* «оттуда»; наречия меры и количества: *tarani* «во второй раз» (?), *šišini* «в третий раз» (?).

Послелог: *-ši/e* (в написании: *ši*, *šie*) «в». Этот послелог ставит слово в местном падеже, например: *šūħinaše* (25₄), *ebaniaši* (36_{2a}), ^{KUR}*ħatinaše* (127, III₁₅)¹.

-ka(i) — «перед» — присоединяется иногда к неоформленному, иногда же к именительному падежу. Например, мы имеем: ^I*menuakai*, ^D*ħaldikai*, ^I*argištikai*, ^ID *sardurikai* (неоформ. п.), но, рядом с ним: *pulusinikai* (65_{2a}), ^{URU}*umeiškinikai* (158₁₁) (имен. п.). К послелогу *-ka* иногда присоединяется суффикс творительного падежа *-ni* (в значении «из»), и получаем: *-kaini* «спереди», например: ^{GIS}*šurginikaini* (155, F_{2a}), ^{KUR}*artarapšakaini* (276, обор. стор. 6); ^D*UTU-kaini* (20, обор. стор. 2a); ^{URU}*aħiunikaini* (62, обор. стор. 1). *-ka(i)-(ni)* встречается и в роли предлога (см. ниже). Названия стран, городов (населенных пунктов), имеющие флексию множественного числа, при получении суффикса *-ka* ставятся в местном падеже. Например, из ^I*tusaħinili* мы имеем: ^I*tusaħinakai* (268_{1a}). *-ri* — «под», «под условием» (?) — требует неоформленного падежа: ^I*menuari* «под Менуа», или именительного падежа: *'aldubi mešini ri(ei)* «пощадил я (его) под условием (выплаты) дани». Послелог *-ri* также может принять частицу *-ni* «из»:

¹ Фридрих считает формой данного послелога *-aše* (Einführung, стр. 14), но, по нашему мнению, начальное «а» во всех случаях принадлежит к слову, с которым соединяется этот послелог; и является признаком местного падежа.

-pi(e)ni/e означает «из-под», например: turinini ^Dḥaldiše mani ^DUTU-pieini «Пусть уничтожит бог Халди его из-под солнца (т. е. «с лица земли») (89₁₃₋₁₉). Послелог -pi(e)ni требует постановки слова в творительном падеже, например: ši-u-i-ni-ni pi-e-ni «из-под солнца» (158₃₉).

-ištine (ištine) — «к», «для» — требует местного падежа, например: ^Dḥaldia ištine «для бога Халди»; KUR^etiunia ištine «К стране Этюни» (155, F₅).

-edia — «к», «в направлении» (такой-то страны, города) — требует постановки слова в форме род.-дат. падежа множественного числа, например: uštadi KUR^uburdaue (<KUR^uburda-ae) edia «Выступил я (в поход) к стране Убурда» (127, II₄₀); uštadi... KUR^{ar}ḥaue (<KUR^{ar}ḥi-ae) edia «Выступил я (в поход) к стране Архи» (127, III₃₃₋₃₄); -edini — «из», «от», «из-за», «ради» — требует творительного падежа: LUGAL KUR^uelikūhi... KURⁿedini tamḥubi «Царя страны Уеликухи... я из (его) страны удалил» (265₂₋₃), ^Dḥalde EN ŠŪ ini aše ^Irusaše ^Ierimenahiniše uštuni ulgušianedini «Богу Халди, своему владыке, этот щит Руса, сын Эримена, посвятил ради (его) жизни» (292). Соединяясь с указательными местоимениями, ini, inukani, ikukani, edini образует наречия времени (см. выше).

edini и edia употребляются и самостоятельно как наречия места: edia в значении «там» (например: LŪ EN·NAM edia terubi «Правителя области я там поставил»—265₄), edini в значении «оттуда» (например: Iḥaḥani LUGÁL KUR^ḥušalḥi LŪ UKŪ-rani edini tašmubi rarubi eršidubi KUR^ebaniuke «Хахани, царя страны Хушалхи, (вместе с его) народом я оттуда вырвал, увел (и) поселил в моей стране» (155, C₂₋₅).

Предлоги. Наряду с послелогоми в урартском языке имелись также предлоги. Так, например, ka(i) «перед», употребляющийся как послелог, иногда употребляется и как предлог, имеющий такое же значение. В роли предлога ka(i) выступает, например, при соединении с притяжательным местоимением 1-го лица ед. числа -uki («мой»); kaiuki/e или kauki «передо мной». Повидимому, тот же предлог в форме kani (ср. послелог kaini) встречается в надписи № 18 (стк. 8, 24, 40): kani URU^ḫušra «Перед городом Тушпа».

Также [предлогом] является, по всей вероятности, pari/e (в написании: pari, parie) «до». Как правило, pari требует постановки слова в дательном падеже, например: kuṭeadi pari URU^uiḥika KUR^ḫuštue «Дошел я до города Уихика, (до) страны Бушту» (127, V₂₅); kuṭeadi pari KURⁱšqigulue «Дошел я до страны Ишкигулу» (127, V₄₉). Но иногда этот предлог ставит слово в местном падеже: pari alzina (279₃); kuṭeadi pari KUR^ḫaruatania (155, A₆). В некоторых случаях слова, находящиеся в связи с pari, стоят (во всяком случае в письме) в неформленном или в именительном падежах, например: pari KURⁱšqigulu (133₅); kuṭubi pari URUⁱštikuniu (134₄); kuṭubi pari KUR^uurḥini (156₆).

Союзы: e'a (eai, в результате метатезы: eai) «и», «также», «а также», «как». e'a...e'a (eai...eai) «и...и», «или...или», «будь-то...будь-то», «как...так», например: ini É ^Imenušē Išpuiniḥiniše šidištuni baduse e'a É·GAL šidištuni «Этот дом Менуа, сын Ишпуини, построил величественный (?), а также дворец (крепость?) построил» (CICH, 70₂₋₅); turutineni mani e'a zilibi quranedini «Пусть уничтожат (боги) его (самого) и (его) семья на земле» (99, обор. стор. 10-11). eai KUR^ḫaiiniše eai KUR^ḫuluiniše «Будь то бивец (житель страны Бианили) или лулуец (житель вражеской страны)» (284₄₀₋₄₂); (столько-то) LŪ ZAB^{MEŠ} e'a PIT·ḤAL·LU^{MEŠ} -ei e'a LŪ ZAB·GĪR^{II} MEŠ -ei «(Столько-то) воинов, как всадников, так и пеших воинов» (155, G₄₋₅).

šuki «как» (?): šuki ^Dḥaldiše ubarduduni ieše šidištubi «Как (?) бог Халди приказал, (так и) я построил» (280₅₋₈).

mei Отрицательная запретительная частица mei употребляется также в значении союза «но»: inani LUGÁL-e nunabi mei ali LŪ A·SI^{MEŠ} -še irbitu šeri partu iu KURⁿ-ni

¹ И. И. Мещанинов, Язык Ванской клинописи, II, стр. 145 и др.

ašulabi «(Все) это досталось царю, но что войны забрали, отдельно они унесли, когда (завоеванную) страну я оставлял» (155, С₄₅₋₄₆).

Частицы: ui/e (в написании: ui, uie) «не»: ui giei ištini šidauri «Ничего не было там построено» (27₂₃); ui aini ištini aiuri «Никто там не находился» (136₄₋₅); ui PA₅ ištini agauri «Канал там не был проведен» (276, лиц. стор. 33-42); Город X, ali ue (uie) aiše ainiei qabqāšulalani «Город X, которым никогда никто не владел» (30₉₋₁₀). me(i) (в письме: mei, me) — запретительная отрицательная частица «пусть не»: mei ini Ê-GAL kuldiani «Пусть (он) не забросит эту крепость» (169₄).

kui/e усилительная частица — «же», «даже», «также»: me kui D_haldiše zilbe quraedi kuludiani «Пусть бог Халди не оставит на земле даже (его) семя» (19₃₅₋₃₆); I₁špuiniše I_Dsardurihiniše I₁menuaše I₁špuinihiniše GIŠulde šuḫe teruni D_haldekue GIŠzari šuḫe teruni «Ишпуини, сын Сардури, (и) Менуа, сын Ишпуини, повелели устройство (?) виноградника; богу Халди (для бога Халди) также устройство (?) сада они повелели» (27₂₇₋₂₈).

О НЕКОТОРЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЯХ

В урартском языке, как было уже отмечено, огромную роль играет различие между переходными и непереходными глаголами и находящаяся в связи с этим эргативная конструкция. Если сказуемым является переходный глагол, то его субъект, подлежащее, ставится в эргативном падеже, а дополнение — в неоформленном или вменительном падежах. Наоборот, если сказуемое — непереходный глагол, то подлежащее ставится в вменительном или неоформленном падежах.

Как правило, при переходном глаголе ег субъект стоит впереди глагола, подлежащее предшествует сказуемому, притом обыкновенно не непосредственно, а между ними ставится дополнение, например: I₁menuaše ini pili aguni «Менуа этот канал провел». При непереходных глаголах, наоборот, сказуемое предшествует подлежащему: uštabi I₁menuani I₁špuineḫi «Выступил (в поход) Менуа, сын Ишпуини». Но имеются и исключения из этих правил, например, при переходных глаголах встречаются фразы вроде: URUluḫiunini... aruni D_haldiše I₁menua «Город Лухиуни... дал бог Халди Менуа» (30₉₋₁₁); turinini D_haldiše DIM-še DUTU-še DINGIR MES-e māni «Пусть уничтожат боги Халди, Тейшеба, Шивини, (все) боги его» (30₂₀₋₂₁). Или же, при непереходных глаголах: D_haldini uštabi «Бог Халди выступил (в поход)» (30₁).

Обычно определяемое слово в урартском предложении следует за определением: I₁menuai pili «канал (царя) Менуа»; D_haldinili šištili «ворота бога Халди»; inili ebanili «эти страны»; ini DUB-te «эта надпись» и т. д. Но имеются случаи и обратного порядка, например, многократно засвидетельствованы: URU LUGĀL-nusi «город царский»; Ê-GAL... baduse «крепость величественная (?)»; LUGĀL tarae «царь могущественный»; LUGĀL al(a)suine «царь великий», LUGĀL KURšuraue «царь вселенной»; Lúueli šusine «одним отрядом», ŠADUḫabania kurune «в могучих горах» и т. д. В редких случаях определение следует за определяемым и тогда, когда определением выступают указательные местоимения, например: DUB-te ini (19₃₇), Ê ini (17_{1, 2}). Но поскольку в тех надписях, в которых встречается такой порядок расположения определения и определяемого, заметны и другие отступления от правил урартской грамматики, характеризующие, по всей вероятности, южный мусасирский говор урартского языка (см. об этом ниже), нам кажется что и это синтаксическое явление свойственно преимущественно мусасирскому говору, в то время как постановка определения преимущественно впереди определяемого является характерной чертой говора центральных областей Урарту.

Имена прилагательные, как правило, согласуются с определяемым словом в падеже и числе, так, например, согласование в единственном числе: D_haldine... DUB-te (неоформ. падеж) «надпись бога Халди» («халдовская надпись») (99, обор. стор. 2);

¹ А. Гётце, RHA, 22, стр. 185—188.

^Imenuaše ^Iišpuiniḥiniše (эргат. падеж) «Менуа, сын Ишпуини»; ^Ime-nu-a-i-ni-e-i (^Imenuaine) ^{SAL}si-la-a-i-e (^{SAL}silae) (родит. падеж) «дочери (царя) Менуа» (111₁); ^Iišpuine ^IDsardureḥine (дат. падеж) «Ишпуини, сыну Сардури» (18₂₉₋₃₀); ^Dḥaldinini ušmašini (творит. падеж) «мощью бога Халди» (18₁); во множественном числе: ^Dḥaldinili šeštīli (неоформленный падеж) «ворота бога Халди» («халдовские ворота») (74₃); ^IDsardurinili kurili (неоформ. падеж) «ноги (?) (царя) Сардури» («сардуровские ноги») (155, С₃₇₋₃₈); ^Dḥaldinaue KĀ (дат. падеж) «воротам бога Халди» (27₁₆); ^Dḥaldinani KĀ (творит. падеж) «от ворот бога Халди» (18₁₁ и др.); KUR·KUR ^{MEŠ}-di šuiaidi (направительный падеж) «на вражеские страны» (165₁₀); DINGIR ^{MEŠ}-ašte KUR^biainašte (направительный падеж) «к богам страны Биаинили» (155, E₅); ^Dḥaldina KĀ (местный падеж) «в воротах бога Халди» (65_{3a}) и т. д.

Но в виде исключения имеются случаи, когда определение и определяемое стоят в разных падежах и требуемое падежное окончание получает один из них, например: šusine (дат. падеж) uštiptini (твор. падеж) «одним походом» (266₃); ^{ŠADU}ḥabania (местн. падеж ед. числа) kurune (дат. падеж ед. числа) «в могучих горах» (266₁₂₋₁₃) и т. д.; или когда определение и определяемое не согласованы в числе, например: ^Dḥaldinaue (род. падеж мн. числа) KĀ-i-e-i (род. падеж ед. числа) (38₁), или: KUR^luluinani KUR-nini (278₂).

С вышеотмеченным правилом согласования определения в падеже с определяемым словом связано весьма распространенное в урартском языке явление двойкого выражения отношения принадлежности: 1) родительным падежом и 2) суффиксом принадлежности -ini. К этим² двум способам выражения отношения принадлежности урартский язык прибегает в зависимости от падежа определяемого слова. Если определяемое слово стоит в неоформленном падеже ед. числа, принадлежность выражается родительным падежом, в других же случаях — преимущественно суффиксом [-ini; например: ^Dḥaldi-i patari, но ^Dḥaldi-(i)ni-li, šeštīli; ^Imenua-i pili, но ^Imenua-ini-ei ^{SAL}silae. Согласно правилу согласования, у определения, стоящего в родительном падеже принадлежности, должно было появиться окончание, характеризующее падеж определяемого слова. Во избежание такого наслоения двух падежных окончаний на основе слова и происходит образование определения при помощи суффикса -ini и согласование его вслед за тем в падеже с определяемым словом. Если же определяемое слово стоит в неоформленном падеже ед. числа, характеризующемся отсутствием суффикса, то при согласовании с ним наслоения падежных окончаний не происходит и вследствие этого в определении отношение принадлежности выражается родительным падежом.

Очень распространено в урартском языке употребление бессоюзного сложного предложения, например: ^Imenuaše ^Iišpuiniḥiniše ini susi šidištuni ^Dḥaldinili KĀ-li šidištuali ini ^E·GAL šidištuni haduse «Менуа, сын Ишпуини, это susi построил, (а также) Халдовские ворота построил (и) величественную (?) крепость построил» (73₂₋₅, 7-10). Или: ^Itusaše ^IDsarduriḥiniše ali LUGĀL ^{KUR}uelikuḥi karubi ERUM aštubi KUR-nedini tamḥubi ^{LÚEN}·NAM edia terubi «Руса, сын Сардури, говорит: царя страны Уеликухи я победил (и) поработил, из (его) страны я (его) увел (и) там правителя области поставил» (265₁₋₄) и т. д.

Не менее часто встречается тип именного предложения, когда опускается форма глагола «быть», например: ^Imenuai pili tini «Канал Менуа» (есть) имя (его)» (43₃ и др.); ^{SAL}taririaḥinili tini «Тарирахинили (есть) имя (его)» (111_{3,6}); ANŠU·KUR·RA aršibini tini «Юнь, имя (которого) (есть) Арцибини» (110, лиц. стор. 6-7); ^Dḥaldini kuruni ^Dḥaldini ^{GIŠ}šuri kuruni «Бог Халди (есть) могучий, оружие (?) бога Халди (есть) могучее» (20, лиц. стор. 22-23).

В урартском языке мы имеем случаи, когда слова с содержанием множественного числа имеют форму единственного числа. Обыкновенно это относится к словам с собирательным значением, например: 'aše «мужчина», но также в собирательном

значении «мужчины»; SAL_1 lutu «женщина», но также «женщины», GUD raḫini «бык», но также «крупный рогатый скот».

Наряду с этим имеются случаи, когда, наоборот, слова с содержанием единственного числа имеют форму множественного числа (т. е. случаи так называемого *pluralia tantum*); с таким явлением мы имеем дело, например, в названиях стран, городов и т. п., носящих флексию множественного числа, например: KUR biainili, I menuaḫinili, I argištiḫinili, I rusaḫinili и т. д.

СЛЕДЫ МУСАСИРСКОГО ГОВОРА УРАРТСКОГО ЯЗЫКА

В эпиграфических памятниках урартских царей, по нашему мнению, обнаруживаются следы юго-восточного мусасирского говора урартского языка, отличного от говора центральных областей Урарту. Проникновение отдельных норм мусасирской речи в урартские письменные памятники, по всей вероятности, объясняется мусасирским происхождением составителей отдельных урартских надписей. Жречество Мусасира — этого главного центра культа верховного божества урартийцев Халди, вероятно, играло немаловажную роль в культово-религиозной жизни государства, с которой теснейшим образом было связано дело письма.

1. Следы мусасирского говора урартского языка обнаруживаются, по видимому, в факте разного оформления глагольных форм 3-го лица мн. числа прошедшего времени переходных глаголов¹.

В урартских текстах наблюдается два разных вида суффиксации переходных глаголов в 3-м лице мн. числа прошедшего времени. Особенно интересна в этом отношении надпись Мхер-капуси культового содержания царя Ишпуини и его сына Менуа (№ 27 нашего сборника). В этой надписи один и тот же текст повторяется дважды, и если в первой части надписи, в «основном тексте», формы 3-го лица мн. числа переходных глаголов в прошедшем времени получают суффиксы -ni (если объект стоит в единственном числе) и -ali (если объект во множественном числе), то при повторении появляются иные суффиксы -itu(ni) и itu(li). Употребление суффиксов строго разграничено: суффиксы -ni, -ali встречаются только в «основном тексте», суффиксы же -itu(ni, li) — лишь при повторении. Несомненно, что здесь перед нами не какое-нибудь случайное заблуждение писца, а реально существовавшие различные типы суффиксации².

Из нескольких десятков случаев, где засвидетельствованы формы 3-го лица мн. числа прошедшего времени переходных глаголов, почти всегда переходные глаголы принимают именно суффиксы -itu(ni, li, me). Другой же тип суффиксации встречается всего лишь в двух-трех надписях (притом совершенно явно в одной лишь надписи Мхер-капуси). Как соображения теоретического порядка (см. ВДИ, 1948, № 2, стр. 42), так и этот конкретный материал указывают на то, что суффиксы -itu характерны «для основного урартского языка», т. е. языка, представленного подавляющим большинством письменных памятников. Естественно допустить, что именно на этом языке говорили в центре Урартского царства, в районе столицы Тушпа и, следо-

¹ Это явление специально разбирается нами в работе «Мусасир и вопрос о древнейшем очаге урартских племен», опубликованной в ВДИ, 1948, № 2, стр. 41—48. Здесь излагаются основные положения, выдвинутые в указанной работе.

² Акад. И. И. Мещанинов высказал предположение, что здесь перед нами два языка Урарту. Первая часть надписи Мхер-капуси, по его мнению, написана на мертвом официально-культовом языке, и суффиксы -ni, -ali характерны для этого языка, в то время как вторая часть надписи, повторение, дается уже на живом, народном языке, которому принадлежат суффиксы -itu(ni, li) (И. И. Мещанинов, Два языка древнего Вана, «Сборник в честь акад. С. Ф. Ольденбурга», 1934, стр. 359—366; «Язык Ванской клинописи», II, 1935, стр. 106 сл.). Это объяснение акад. И. И. Мещанинова нам кажется неприемлемым (об этом см. нашу работу, ВДИ, 1948, № 2, стр. 41 сл.).

вательно, суффикс *-itu* принадлежит столичному говору, суффиксы же *-ni*, *-ali* характерны для какой-нибудь другой области распространения урартского языка.

Материал для решения вопроса, в какой именно области употребляли суффиксы *-ni* и *-ali*, мы находим в Келяшинской двуязычной надписи царей Ишпуини и Менуа (№ 19). И здесь, по нашему мнению, в одной части урартского текста мы встречаем суффиксацию *-ni*, *-ali* в формах 3-го лица мн. числа. Так, в начале надписи говорится, что в Мусасир пришли Ишпуини и Менуа и здесь «построили часовню богу Халди»: *ia-ga-[a]-ni ši-di-iš-tú-[ni] [D^{al}-di]-i-e* (урартск. текст, стк. 5—6) и «поставили надпись»: *te-ru-[ú]-ni [DUB-te]* (урартск. текст, стк. 6—7)¹.

В этих выражениях повествование ведется в 3-м лице, субъект во множественном числе (Ишпуини и Менуа), а объект один (*ia-gani*, *DUB-te*); в таком случае по всему тому, что мы знаем о суффиксации переходного глагола в прошедшем времени (см. выше), глаголы *šidištu* и *teru* должны были принять суффикс *-itu* или *-ituni*, т. е. должны были иметь формы *šidištitu* и *tertu*, но восстановление таких форм в данном случае невозможно, так как в сохраненной части этих слов читается *šidištu* и *teru*. Поэтому остается возможность после *šidištu* и *teru* восстанавливать окончание *-ni*, т. е. предположить, что мы и здесь имеем дело с суффиксацией *-ni*, *-ali* в формах 3-го лица мн. числа, засвидетельствованной в первой части надписи Мхер-капуси. Но в урартском тексте Келяшинской билингвы ясно выступает и другой тип суффиксации: в 28-й строке урартского текста сказано: *[at-qa-na]-di-tu D^{hal}-di-e ni-ri-be ti-ia-i-tú* «Принесли они (Ишпуини и Менуа) богу Халди в жертву скот (?) (и) сказали...». Итак, в 5—6-й строках урартского текста билингвы в формах 3-го лица мн. числа мы имеем суффиксацию *-ni*, *-ali*, а на 28-й строке выступает суффикс *-itu*.

Объяснение этого явления нужно искать в особенностях Келяшинской билингвы. По своему стилю этот текст стоит обособленно от урартского граффита: само письмо в нем не специфически урартское, а чисто ассирийское. Интересным кажется и то, что в билингве божества верховной триады урартского пантеона — Халди, Тейшеба и Шивини названы «богами города Мусасира» (стк. 40—41 урартского и ассирийского текстов), в то время как в других урартских надписях они всегда именуются «богами страны Бианвили». Во всем этом, может быть, чувствуется мусасирское происхождение писца; возможно, что здесь мы имеем дело с памятником, вышедшим из рук «Мусасирской школы».

В билингве обращает на себя внимание также употребление в своеобразной форме имени верховного бога Халди: в первой части урартского текста (стк. 1—22) оно всегда передано в форме *aldi*, начиная же с 23-й строки до конца урартского текста, так же как и во всем ассирийском тексте, всегда имеем форму *ḫaldi*. Такое строгое разграничение в употреблении форм *aldi* и *ḫaldi* указывает на то, что в слове *aldi* Келяшинской билингвы мы не имеем случайного ошибочного написания; можно думать, что здесь проявилось мусасирское произношение имени верховного божества урартийцев. Замена *aldi* обыкновенной урартской формой *ḫaldi* произошла, возможно, в результате соответствующего указания, так как надпись составлялась от имени царей Тушпа и, вероятно, существовало определенное наблюдение над ее составлением.

Суффиксация *-ni*, *-ali* встречается в той части урартского текста билингвы, где имя верховного бога употребляется также в необычайной для урартских памятников форме *aldi*. Можно допустить, что вследствие «урартской ревизии» произошла замена не только мусасирского *aldi* тушпийским *ḫaldi*, но также и суффиксов *-ni*, *-ali* суффиксом *-itu* столичного говора².

¹ О восстановлении поврежденных мест см. Г. А. Меликишвили, Мусасир и вопрос о древнейшем очаге урартских племен, ВДИ, 1948, № 2, стр. 44 сл.

² Нам кажется, в этом явлении можно найти причины неправильной передачи одной глагольной формы урартского текста (стк. 6 — *teruni*) в ассирийском тексте, см. ВДИ, 1948, № 2, стр. 46 сл.

На основании всего вышеизложенного нам кажется возможным предположить, что представленная в некоторых урартских текстах в виде исключения суффиксация *-ni*, *-ali* в 3-м лице мн. числа должна принадлежать мусасирскому говору урартского языка. Она встречается в первой части Келяшинской билингвы и в первой части надписи Мхер-капуси. Интересно отметить, что в обеих надписях с этими мусасирскими формами случилось одно и то же: во второй части их заменили характерным для столичного урартского говора суффиксом *-itu*¹.

Как было уже отмечено выше, проникновение этих мусасирских норм в тексты «правителей города Тушпа» объясняется, вероятно, мусасирским происхождением авторов некоторых культовых надписей. Возможно, что жрецы Мусасира считались специалистами в культовых делах и им часто поручалось составление важных культовых надписей. Это кажется наиболее вероятным в отношении надписи Мхер-капуси (№ 27), представляющей собой декрет культового характера, в котором перечисляются почти все божества урартского пантеона и жертвоприношения, установленные для каждого из них. При перечислении жертвоприношений, установленных для богов отдельных городов империи, первым упоминается бог города Ардини (Мусасира), вторым — бог города Кумену и лишь третьим — бог столицы Тушпа. Здесь, несомненно, подразумевается верховная триада урартских божеств: Халди, Тейшеба и Шивини. Упоминаются они по своим культовым центрам — именно поэтому первым упоминается город Ардини (Мусасир) — центр культа верховного божества Халди, на втором месте город Кумену — центр культа бога Тейшеба, занимавшего в иерархии второе место, и третьим столица Тушпа — центр культа бога солнца Шивини, который занимал третье место в пантеоне². Все же несмотря на то, что такой порядок перечисления соответствует иерархии, существовавшей внутри урартского пантеона, сомневаемся, чтобы правители и жрецы столицы сочли нужным подчеркнуть это положение и согласились упомянуть Мусасир на первом, а Тушпа на третьем месте. Здесь, нам думается, чувствуется рука мусасирских жрецов, вследствие чего в этой надписи проскользнули и мусасирские нормы глагольной суффиксации.

Итак, в мусасирском говоре урартского языка в 3-м лице прошедшего времени переходный глагол оформлялся лишь объективными частицами: несмотря на количество субъектов, основа принимала окончание *-ni* при одном и *-ali* при множестве объектов, в то время как в столичном говоре глагольные окончания дифференцируются и по субъекту: употребление суффиксов *-ni*, *-ali* ограничено единственным числом, а во множественном числе при множестве субъектов употребляется специальный суффикс — показатель субъекта 3-го лица мн. числа *-itu*.

Это различие не является маловажным. Личные окончания урартского переходного глагола в большинстве случаев являются показателями не субъекта, а объекта, они меняются в зависимости от объекта, например: «я построил его»: *šidištu-bi*, но «я построил их»: *šidištu-li*; «он построил его»: *šidištu-ni*, но «он построил их»: *šidištu-ali*. Таким образом, *-bi* является показателем объекта 3-го лица ед. числа, и *-li* — показателем объекта 3-го лица мн. числа при субъекте 1-го лица, а *-ni* является показателем объекта 3-го лица ед. числа и *-ali* — показателем

¹ Акад. И. И. Мещанинов считает, что и в надписи № 25 (культовая надпись Ишпуини и Менуа) в формах 3-го лица мн. числа также суффиксация *-ni*, *-ali*, см. его работу «Язык Ванской клинописи», II, стр. 114 и др., а также ВДИ, 1941, № 1, стр. 112. Но это, во всяком случае, не совсем ясно: при множестве субъектов и одном объекте форма 3-го лица *šidištuni* может быть понята и как форма, содержащая суффикс *-itu* (*šidištu-itu-ni* > *šidištiti-ni* > *šidištuni* > *šidištuni*); что касается засвидетельствованной в этой же надписи второй глагольной формы — *teruni*, то ее субъект скорее не Ишпуини и Менуа, а один лишь Ишпуини, который упоминается с титулатурой непосредственно перед этим глаголом.

² Г. А. Меликишвили, Центры культов верховных божеств урартийцев, «Сообщения Академии наук Грузинской ССР», т. VII, 1946, № 6.

объекта 3-го лица мн. числа при субъекте 3-го лица. Объективный характер данных окончаний подтверждается и тем, что суффикс 1-го лица переходных глаголов -bi (передающий объект 3-го лица ед. числа) является субъективной частицей 3-го лица ед. числа в непереходных глаголах (nuna-bi «он пришел»), или же окончание 3-го лица переходных глаголов -ali (показатель объекта 3-го лица мн. числа) выступает как субъективная частица 3-го лица мн. числа в непереходных глаголах (nunalı «они пришли» и т. д.).

Но в эпоху, засвидетельствованную урартскими памятниками, шел процесс превращения объективных по происхождению частиц в показатели субъекта. Так, например, суффикс -bi в 1-м лице ед. числа употребляется уже как при одном, так и при множестве объектов; такая же тенденция наблюдается и в 3-м лице: суффиксы -ni, -ali, в начале употребляющиеся для обозначения 3-го лица как единственного, так и множественного числа (т. е. как при одном, так и при множестве субъектов), специализировались для употребления лишь в единственном числе, в то время как во множественном числе 3-го лица появляется субъективная частица -itu. Все это наблюдается в тушпийском говоре урартского языка. Мусасирский говор, употребляя в оформлении переходного глагола в 3-м лице лишь объективные частицы — показатели объекта -ni, -ali — и не отражая субъекта, обнаруживает архаичные черты урартского языка в спряжении переходного глагола.

2. В мусасирском говоре, по всей вероятности, наблюдалось опущение согласного ħ перед гласным в начале слова. Это явление налицо, например, в имени верховного бога урартийцев Халди (ħaldi), которое в мусасирском говоре произносилось, очевидно, как Алди (aldi) (см. выше).

Кроме вышеуказанных явлений можно указать еще целый ряд расхождений, имеющих место между мусасирским говором урартского языка и говором центральной части Урарту.

3. Оказывается, что ряд урартских имен и названий в Мусасире употреблялся в несколько видоизмененной форме. Возьмем, например, название столицы Урартского государства — города Тушпа (tušpa). В урартских надписях почти всегда это название имеет форму tušpa, в ассирийских же источниках оно встречается в форме «Турушпа» (turušpa). В той же надписи Мхер-капуси (№ 27), где мы встретились с фактом проникновения норм мусасирского говора, мы имеем другую форму этого названия — tušpani («Тушпани»). Так, в 14-й строке этой надписи сказано: URUardinauaue DINGIR GUD II UDU MEŠ URUqumenunaue DINGIR GUD II UDU MEŠ URUtušpaninaue DINGIR GUD II UDU MEŠ т. е. «Богу города Ардини (должны принести в жертву) быка и двух овец, богу города Кумену — быка и двух овец, богу города Тушпани (I) — быка и двух овец». Фридрих полагает, что в URUardinauaue, URUqumenunaue и URUtušpaninaue мы имеем образования из названий Ардини, Кумену, Тушпа посредством суффикса принадлежности -ini¹. Но, если при образовании форм родит. падежа мн. числа на -aue исходными являлись эти формы на -ini (т. е., по Фридриху, URUardinini, URUqumenuni и URUtušpani), мы должны были бы иметь в родительном падеже мн. числа: URUardinauaue (<URUardini-ini-aue), URUqumenunaue (<URUqumenu-ini-aue) и URUtušpanaue (<URUtušpa-ini-aue); однако в отношении города Тушпа мы в тексте имеем не URUtušpanaue, а URUtušpaninaue. Это обстоятельство делает невозможным признать вслед за Фридрихом исходным пунктом образования вышеуказанных форм род. падежа мн. числа формы с суффиксом -ini-.

Выше мы уже отметили, что падежные окончания множественного числа имеют тенденцию присоединяться не прямо к чистой основе (т. е. к слову, стоящему в неоформленном падеже), а к ni-форме основы, т. е. к форме именительного падежа. С таким же явлением мы имеем дело в вышеприведенном месте надписи

¹ J. Friedrich, Einführung, стр. 3.

Мхер-капуси: URUardininaue (род. падеж мн. числа)¹ — подразумевается в качестве исходной формы именит. падеж ед. числа — URUardinini (отсюда неоформленный падеж — URUardini), URUqumenuaue (род. падеж мн. числа) — подразумевается как исходная форма имен. падеж ед. числа URUqumenui (отсюда неоформленный падеж URUqumenu) и, наконец, URUtušpaninaue (род. падеж множ. числа) — подразумевается как исходная форма имен. падеж ед. числа URUtušpanini, отсюда неоформленный падеж, т. е. чистая основа URUtušpani. Таким образом, оказывается, что в этом месте надписи подразумевается существование формы неоформленного падежа (т. е. чистой основы) названия Тушпа в виде tušpani. При повторении надписи появляется обыкновенная урартская форма tušpa (употреблен род. падеж мн. числа: tušpanaue, стк. 56). Это явление с полной очевидностью указывает, что здесь мы также имеем дело с проникновением в первой части надписи еще одной, характерной для мусасирского говора формы. То, что tušpani реально существующая форма и принадлежит именно мусасирскому говору, находит свое подтверждение в материале из Келяшинской билингвы. И в этой надписи обнаруживается «мусасирская», как мы полагаем, форма названия столицы Урартского государства: в то время как в урартском тексте билингвы стоит обыкновенная урартская форма URUtušpa (стк. 4, 19), в ассирийском тексте ей соответствует ^atušpan (стк. 3, [16]). В самих надписях ассирийских царей мы нигде не встречаем это название с окончанием n(i), поэтому tušpan не может быть ассирийской формой, так же как оно не является урартской формой; несомненно, перед нами мусасирская форма данного названия.

Наличие в мусасирском говоре в виде неоформленного падежа ед. числа формы tušpan(i) вместо урартского tušpa ставит вопрос: не имелась ли вообще в мусасирском говоре тенденция снабдить окончанием n(i) все слова в неоформленном падеже, не оканчивалась ли здесь основа слова обязательно на -n? Ниже мы укажем еще на один факт, как будто говорящий в пользу этого предположения².

4. В урартском языке, как было уже отмечено выше, обычно определяемсе следует за определенным. С особой последовательностью это правило проводится тогда, когда определением выступает указательное местоимение, например: ini DUB-te «эта надпись», ini ebanī «эта страна» и т. д. Но в Келяшинской билингве мы встречаем и обратный порядок: DUB-te ini «надпись эта» (19₃₇)³. Очевидно, наряду с другими своеобразиями, обнаруживающимися в Келяшинской билингве, и это явление было преобладающим в мусасирском говоре урартского языка, в отличие от говора центральных областей Урарту.

¹ Названия Ардини, Кумену, Тушпа в данном случае имеют флексию множественного числа (подобно KUR^abiainili, KUR^ašurili, ¹argištiḫinili и т. д.).

² Наличие в Келяшинской билингве формы tušpan вместо ожидаемого tušpani можно сравнить, например, с чередованием в урартских текстах написаний edini и edin. Может быть, здесь мы имеем дело с явлением, которое предполагал уже Фридрих, а именно, что некоторые синлабические знаки в урартском языке употреблялись в значении одного согласного и содержащиеся в них гласные не произносились. Существование вариантов edini и edin, возможно, указывает на то, что в произношении в обоих случаях звучало edin. Так же обстоит дело, повидимому, и в случае tušpan — tušpani (в произношении было tušpan?). Это ставит вопрос и об истинном произношении морфологической частицы -ni (форматив именительного и творительного падежей и т. д.), возможно, в произношении мы имели, хотя бы в некоторых случаях (в некоторых говорах?), не ni, а лишь n.

³ См. там же: LUGĀL DAN·NU, LUGĀL KUR^ašuraue, LUGĀL KUR^abiainaue, alusi URU^atušpa URU, SULU zainuadi, urišḫi gazuli, niribi gazuli, [] MEŠ^aURUDU, šani URUDU, niribe tarae, DINGIR MEŠ^a-še URUardinini и др. Но здесь же, хотя и в меньшем количестве, встречается и господствующее в урартских текстах правило постановки определения впереди определяемого, например: inani burgapani (стк. 20), D^aḫaldinani KĀ (стк. 29) и др.

5. Эта же характерная для мусасирского говора постановка определения встречается еще в надписи № 17, где мы имеем \bar{E} iní «дом этот». В связи с этим приобретают значение и другие, своеобразные по сравнению с основной массой урартских надписей, явления, наблюдаемые в данной надписи. Так, например, в одном случае здесь форма эргативного падежа¹ одного имени оканчивается не на -še (как это бывает обыкновенно в урартских текстах в тех случаях, когда это окончание не получает еще² какой-нибудь другой суффикс), а лишь на -š: $I\bar{s}puiniš$ I^D sardurhīniše burganani šidišituni «Ишпуини, сын Сардури, крепость (?) построил». С таким же явлением мы встречаемся и в Келяшинской билингве; здесь сказано: mei D hal-diš D IM-še D UTU-še DINGIR MEŠ-še URUardinini zilbi qiraedi' kullituni «Пусть боги Халди, Тейшеба, Шивини, (все) боги города Ардини не оставят на земле (его) семья» (19₄₀₋₄₁). Из приведенных цитат можно заключить, что в мусасирском говоре урартского языка наблюдалось следующее явление: если рядом друг с другом стояло несколько слов (имен) в форме эргативного падежа, то первое из них свое падежное окончание -še сокращает на -š.

6. Урартская отрицательная частица ui в этой же надписи № 17 представлена в форме sui. Очевидно, это является мусасирской формой данной частицы.

7. Некоторые своеобразные явления наблюдаются в Келяшинской билингве при образовании запретительных форм повелительного наклонения. Выше мы отметили, что 3-е лицо ед. числа данной глагольной формы характеризуется окончанием -diani, при присоединении которого происходит выпадение оканчивающего основу признака переходных глаголов «u». В Келяшинской билингве мы имеем случай, когда при образовании данной глагольной формы признак переходных глаголов «u» сохраняется. Например, в 36-й строке урартского текста билингвы мы, по всей вероятности, имеем: kuludiani (kulu-diani). И здесь, возможно, явление, характерное для мусасирского говора урартского языка.

Таким образом, в некоторых урартских надписях (№№ 17, 19, 27 нашего сборника) обнаруживаются следы мусасирского говора урартского языка. Это, конечно, не значит, что в этих случаях перед нами памятники, составленные полностью на мусасирском говоре; можно говорить лишь о проникновении отдельных норм мусасирского говора в тексты, составляемые на говоре центральных областей Урарту.

8. Наконец, можно указать еще на один факт, свидетельствующий о существовании различий между мусасирским говором урартского языка и говором центральных областей Урарту. Мы имеем в виду имя правителя Мусасира Урзана (urzana) — современника урартского царя Руса I. Имя «Руса» (rusa) было широко распространено среди урартских царей; например, нам известны три царя с этим именем: Руса I, сын Сардури, Руса II, сын Аргшти, Руса III, сын Эримена. В ассирийских надписях это урартское имя «rusa» передается обыкновенно в форме «urrsa». Это обстоятельство прокладывает мост между именами rusa и urzana: в форме «urrsa» ассирийцы имя [«rusa» получили, по всей вероятности, из мусасирского говора, где оно, возможно, так и звучало (urrsa || urza). Что касается окончания -na в имени urzana, то здесь перед нами, возможно, характерное для мусасирского говора явление, на которое мы уже указывали: в мусасирском говоре, очевидно, было обязательным окончание имени на -n (иногда без всякой огласовки, в других же случаях с разной огласовкой — ср. URUtušpan, URUqumenu, URUardini и т. д.). Повидимому, на таком же основании можно объяснить появление в мусасирской форме имени rusa — urrsa окончания -na. Соответствие урартского имени rusa мусасирскому urzana указывает, что различие между мусасирским говором и говором центральной части Урарту было, очевидно, довольно чувствительным.

О РОДСТВЕ УРАРТСКОГО ЯЗЫКА С ХУРРИТСКИМ

Уже давно были отмечены некоторые факты близости между урартским и хурритским языками. Но лишь в последнее время, благодаря значительному прогрессу

в деле изучения обоих этих языков, вопрос о несомненном родстве урартского языка с хурритским стал на твердую основу. Чем больше продвигаются вперед наши знания этих языков, тем ярче выступает существующее между ними родство.

Урартский и хурритский языки близко стоят друг к другу в первую очередь по самой своей структуре. Эргативная конструкция, играющая такую важную роль в урартском языке (см. выше), характерна и для хурритского языка. Но интереснее всего здесь то, что идентичен не только принцип эргативной конструкции, но также почти полностью идентичны суффиксы, употребляемые при оформлении субъекта и объекта переходных глаголов при эргативной конструкции. Так, в урартском языке субъект переходного глагола ставится в эргативном падеже и принимает окончание *-še* (редко *-š*; во множественном числе *-aše*), а объект переходного глагола представлен или в форме неоформленного падежа (т. е. в виде чистой основы; во множественном числе к этому присоединяется знак мн. числа *-li*), или же стоит в именительном падеже (образуется присоединением к основе частицы *-ni*; во множественном числе к этому присоединяется еще показатель мн. числа *-li*). Такое же положение мы имеем и в хурритском языке: субъект переходного глагола; принимает в единственном числе окончание *-š*, во множественном *-šiš*, а объект ставится в виде чистой основы, т. е. в «неоформленном падеже» (во множественном числе к нему присоединяется показатель мн. числа *-pa*), или же принимает (хотя и редко, особенно в собственных именах) окончание *-n* (ср. урартский суффикс именительного падежа *-ni*, также оформляющий объект переходного глагола)¹.

Вообще в области склонения имен, в отношении падежных окончаний между этими двумя языками очень много общего². Например, аналогичны окончания родительного падежа в хурритском языке *-we*, в урартском *-ue*, окончание дательного падежа ед. числа в хурритск. *-wa*, урартск. *-a* (при основах оканчивающихся на *-a*). К окончаниям направительного падежа в хурритском *'-da* (в единственном числе) и *-šta* (во множественном числе) весьма близко стоят окончания этого же падежа в урартском: *e/idi* (в ед. числе) и *(a)šte* (во мн. числе). Наконец, окончания местного падежа в хурритском языке в ед. числе «*-(y)a*», во мнж. числе *-za* находят аналогию в окончании местного падежа в урартском «*-a*» (как в единственном, так и во множественном числе).

Весьма интересно также существование в обоих языках суффикса *-še*, образующего абстрактные имена³. Общим является также для урартского и хурритского суффикс принадлежности *-hi*⁴.

Аналогии обнаруживаются и в местоимениях. Так, например: хурритское *išaš* «я» — урартское *ieše*; хурритск. *ulī* «другой» — урартск. *ulī*; хурритск. *-ma/-me* «его» — урартск. *manī* «он»⁵; хурритск. *awenne/a* «кто-нибудь»⁶ — урартск. *aini(ei)* «кто-нибудь»⁷. Можно отметить также близость между хурритск. *aweš-* «когда» (?) и урартск. *aše* «когда», *aiše* «когда-нибудь»⁸.

Повидимому, находясь в связи друг с другом урартское *-li* (показатель множественного числа, принимающий участие в образовании как глагольных, так и именных

¹ J. Friedrich, *Kleine Beiträge zur Churritischen Grammatik*, 1939, стр. 44—45 и др.

² О склонении в хурритском см.: E. A. Speiser, *Introduction to Hurrian*, 1941, стр. 105—114.

³ E. A. Speiser, *ук. соч.*, стр. 117.

⁴ J. Friedrich, *Kleine Beiträge...*, стр. 61.

⁵ Там же.

⁶ E. A. Speiser, *ук. соч.*, стр. 81.

⁷ См. E. A. Speiser, *JAOS*, 59 (1939), № 3, стр. 324.

⁸ О значении этих урартских слов см. Г. А. Меликишвили, *ВДИ*, 1951, № 4, стр. 29, прим. 9; см. E. A. Speiser, *JAOS*, 59 (1939), № 3, стр. 324.

форм) и хурритское -ла- «их», употребляющееся и самостоятельно¹. Возможно, хурритское *šue(ne)* «весь», «все»² находится в связи с урартским *šūini*, имеющим, повидимому, такое же значение.

Даже в фонетике наблюдаются некоторые общие явления для обоих языков; так, например: колебание между гласными «i» и «e», замена гласного исхода основы i гласным u перед суффиксом принадлежности -hi (в хурритском наблюдается в письмах Тушратты, в текстах Богазкеоя и Нузи); ср. в урартском: от *taṛai* — *taṛaihi* (в произношении: *taṛaihi?*) или *KUR^uurmeiuhī* (в произношении *KUR^uurme-uhī?*) и т. д.³.

Следует отметить также близость урартской отрицательной частицы *ui* с хурритской отрицательной частицей *uṣa*⁴ и урартского послелога *-edini* «для», «ради», «из-за» с хурритским предлогом *edi* (*eti, ede*), имеющим приблизительно такое же значение⁵. Полагают также, что урартское окончание будущего времени *-le* можно связать с хурритским суффиксом *-lewə*⁶, а также засвидетельствованную в урартском спряжении частицу *-ul-* с хурритским суффиксом *-ul-*⁷ и т. д.

Особенно многочисленны аналогии между этими языками в лексике. Характерно, например, что в верховной триаде урартских божеств два бога являются общими по имени у урартийцев и хурритов. Урартский пантеон возглавлял бог Халди — местное урартское божество, но второе место в пантеоне, след за Халди, занимал бог Тейшеба, являющийся общехурритским верховным божеством (у хурритов имя этого бога имеет форму *tešub'a*); богиня Хуба, занимавшая среди урартских богинь второе место, (см. № 27, прим. 22), соответствует хурритской богине Хеба (супруге Тешуба). Имя урартского бога солнца Шивини, занимающего в урартском пантеоне третье место, также находит аналогию в имени хурритского солнечного божества Шимиги.

Наличие общих имен богов у урартийцев и хурритов свидетельствует не только о языковой близости этих двух этнических групп, но и о близости между ними в отношении культуры и, в конечном счете, в отношении их культурно-этнического облика.

Наряду с именами богов можно указать и другие лексические параллели между урартским и хурритским языками; так, например: урартск. *eugi* «господин», «владыка» — хурритск. *ibri* «царь»; урартск. и хурритск. *ar(u)* «давать»; урартск. *ḥuradi* «воин» — хурритск. *ḥurati*; урартск. *riṣuše* «радость» — ср. хурритск. *ris* «радоваться»; урартск. *pili* «канал» — хурритск. *pala*; урартск. *šali* «год» — хурритск. *šauəla*; урартск. и хурритск. *ḥari* «дорога»; урартск. *baba* «гора» — хурритск. *papa*; урартск. *taṣuani* «человек» — хурритск. *taṣu(u)anni*; урартск. *tini* «имя» и *tiau* «говорить» — ср. хурритск. *tiḥi* «слово»; урартск. *ugri* «жертвовать», «приносить жертву» — ср. хурритское выражение *ugrimma DÜ* «резать» и *ugriṇṇu* «мясник»; урартск. *ebani* «страна» — хурритск. *umini*; урартск. *sila* «дочь»⁸ — хурритск. *šala*⁹; урартск. *ḥašu* «слушать», «услышать» — хурритск. *ḥaš* «слышать», «слушать»¹⁰; хурритск. *man(n)* «быть», «существовать» находит аналогию в урартском *manu* «быть», «существовать»¹¹; хурритск. *tan* «делать» можно сравнить с урартским *tanu*, имеющим, повидимому,

¹ J. Friedrich, *Kleine Beiträge...*, стр. 44, 61.

² E. A. Speiser, указ. соч., стр. 78.

³ См. J. Friedrich, указ. соч., стр. 51.

⁴ E. A. Speiser, указ. соч., стр. 94.

⁵ Гр. Капанцян, *Общие элементы между урартским и хеттским языками*, 1936, стр. 41.

⁶ E. A. Speiser, *JAOS*, 59 (1939), № 3, стр. 324.

⁷ A. Goetze, *«Language»*, 16 (1940), № 2, стр. 134, прим. 38.

⁸ О таком значении этого урартского слова см. ВДИ, 1951, № 4, стр. 35, прим. 2.

⁹ J. Friedrich, указ. соч., стр. 59—62.

¹⁰ A. Goetze, *RHA*, 24 (1936), стр. 281.

¹¹ E. A. Speiser, *JAOS*, 59 (1939), № 3, стр. 324.

такое же значение¹. Хурритское *allay*, *allai* «госпожа», «владычица»², возможно, находится в связи с урартским *alauī/e* (276, обор. стор. 20) «господин» (ср. *alauīni* «господский» в форме творительного падежа *alauīnini* в 155, E_{6,46}). Хурритское *argi* «подарок» (образованный от глагольной основы *ag* «давать» посредством суффикса *-i/d*, образующего из глагольных основ именную основу³) можно сопоставить с урартским *ardu* «давать», «преподносить» (распространенная также посредством *-d* основа *ag(u)* «давать» — см. в форме *ardilani* и т. д.). Упоминаемое в надписи № 142 (стк. 7) *taše*, по всей вероятности, то же самое, что и хурритское *taše* «дар», «подарок»⁴. Хурритское *ak* «вести», «проводить» находится в связи с урартским *ag(u)* «уводить (пленных)», «проводить (канал)». Хурритское *diruri* «волнения», «беспорядки» и т. д.⁵, по всей вероятности, то же самое слово, что и урартское *dirba* «восставать (?)» (отсюда форма причастия (?) *dirbaie* «восставший?»); и т. д.⁶

Можно надеяться, что дальнейшее изучение хурритского и урартского языков откроет еще много общего между этими двумя языками как в отношении грамматического строя, так и лексики. Все же различия между этими языками, многочисленные и важные, приводят к выводу, что перед нами скорее не диалекты одного языка, а лишь близко родственные между собой языки.

Г. А. Меликишвили

¹ И. М. Дьяконов, ЭВ, IV, стр. 113, прим. 8.

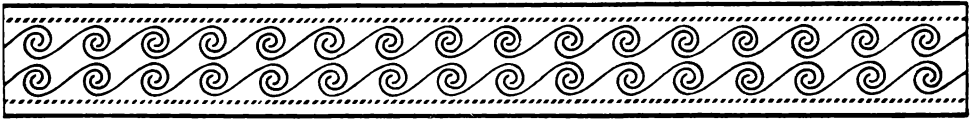
² E. A. Speiser, ук. соч., стр. 56, 98 и др.

³ Там же, стр. 129—130.

⁴ F. Volk, *Die Mitani-brief und seine Sprache*, 1939, стр. 104. Ср. названия городов *taše* и ^D*querai taše* в хурритской области, центром которой был город *Meli-ta(ni)*, надпись № 158, стк. 30, 31.

⁵ E. A. Speiser, JAOS, 59 (1939), № 3, стр. 324.

⁶ Многие хурри-урартские лексические и другие параллели отмечены уже в книге Гр. Капанцяна «Общие элементы между урартским и хеттским языками», 1936. С урартским материалом связывались им, например, хурритские *eti*, *ipri*, *šala*, *umini* и др. См. также И. М. Дьяконов, ЭВ, VI, стр. 110, прим. 4.

УРАРТСКИЕ КЛИНООБРАЗНЫЕ НАДПИСИ

НАДПИСИ САРДУРИ, СЫНА ЛУТИПРИ

(1—3).

Вав.Ассирийские надписи на стровельных камнях, находящихся в кладке степы урартского сооружения у подножия Ванской скалы.

1.

Sayce, 1 (Т, П); Jensen, ZA, VIII (1893), стр. 375—381; Sandalgian, 1—1* (Т, П); C. F. Lehmann-Haupt, Materialien, стр. 62, рис. 38 (Ф); CICH, 1 (Ф, Т, П).

1 tuppu šá¹ Dsar₅-dûri apil Ilu-ti-ip-ri šarri rabê^e šarru dan-nu šar kiššati šar ma^tna-i-ri šarru šá-nin-šú lâ išû^ú amelu^rê'û tab-ra-te

la-di-ru tú-qu-un-te šarru mu-šak-niš lâ kan-su-te-šú

IDsar₅-dûri apil Ilu-ti-ip-ri šar šarrâni MEŠⁿⁱšá kâli-šú-nu šarrâni MEŠⁿⁱ

5 ma-da-tú am-hur¹ Dsar₅-dûri apil Ilu-ti-ip-ri izakar^{ár}¹

ma-a ana-ku pu-la-ni an-nu-te ištu lib-bi al¹al-ni-ú-nu

na-ša-ku ana-ku dûru an-ni-ú ar-ti-ši-ip.

Надпись Сардури, сына Лутипри, царя великого, царя могущественного, царя вселенной, царя страны Наири, царя, равного которому нет, удивительного пастыря, не боящегося² сражения, царя, подчиняющего непокорных. (Я), Сардури, сын Лутипри, царь царей, который от всех царей получил дань. Так говорит Сардури, сын Лутипри: Я эти камни³ принес из города Алниуну (и) воздвиг эту стену.

¹ Идеограмма: KA·KA^{ár}; ее возможно также прочесть как amâta izakar^{ár}, т. е. «слово изрекает».

² «Не боящийся»: la-di-ru (< la adiru).

³ pûlu «каменная глыба»; а также название определенных пород камня (гранита, мрамора и пр.), употребляемых при строительстве.

2.

Schulz, 1 (A); Sayce, 2 (Т, П); Jensen, ZA, VIII (1893), стр. 375—381; Sandalgian, 1—1*; C. F. Lehmann-Haupt, Materialien, стр. 62, рис. 39 (Ф); И. И. Мещанинов, Халдоведение, 15 (Ф, П); CICH, 2, рис. 3, стб. 19—20, табл. 40 (Ф, Т, П).

1 tuppu šá¹ Dsar₅-dûri apil Ilu-ti-ip-ri šarri rabê^e

šarru dan-nu šar kiššati šar ma^tna-i-ri šarru šá-nin-šú

la išû^ú amelu^rê'û tab-ra-te la-di-ru

tú-qu-un-te šarru mu-šak-(ni)¹-iš la kan-su-te-šú

5 IDsar₅-dûri apil Ilu-ti-ip-ri šar šarrâni MEŠⁿⁱšá kâli-šú-nu

šarrâni MEŠⁿⁱma-da-tú am-hur¹ Dsar₅-dûri apil Ilu-ti-ip-ri

izakar^{ár}² ma-a [ana]-ku pu-la-ni an-nu-te ištu lib-bi

al¹al-ni-ú-nu na-ša-ku ana-ku dûru an-ni-ú ar-ti-ši-ip

Текст этой надписи идентичен тексту надписи № 1.

¹ В оригинале по ошибке пропущено.

² См. прим. 1 к надписи № 1.

3.

C. F. Lehmann-Haupt, *Materialen*, стр. 62, рис. 40 (Ф); *CICh*, 3, табл. 41 (Ф, Т, П).

1 ʾtuppu¹ ʾšá¹ I^Dsar₅-dûri apil ʾlu-ti-ip-ri šarri rabê^e

[.....] šá-nin-šú lâ išû¹amêlu¹ [.....]
[.....]

Надпись Сардури, сына Лутипри, царя великого, (царя), равного которому нет...

НАДПИСИ ИШПУИНИ, СЫНА САРДУРИ

4—10.

Цвастан (селение, расположенное в семи километрах юго-восточнее Вана, недалеко от восточного берега Ванского озера). Надписи на базах колонн. Каждая из них состоит из трех строк, с повторением одного и того же текста во всех трех строках. Мы даем здесь общую для всех экземпляров транскрипцию, и поэтому, естественно, степень сохранности той или иной надписи (поврежденность знаков) у нас осталась неотраженной. Эти надписи, во всяком случае некоторые из них, опубликованы не раз: одну такую надпись опубликовал уже D. H. Müller, «*Oesterreichische Monatsschrift für den Orient*» (1886), № 8, стр. 158 (Т, П); см. также: Saucе, 4 (Т, П); Sandalgian, 55 (Т, П); И. И. Мещанинов, *Халдоведение*, № 12, стр. 198 (А, П); там же, № 19, стр. 209 (Ф, П); см. Г. В. Церетели, *УПМГ*, стр. 34, прим. 1; И. И. Мещанинов, *ДАН*, В (1931), стр. 29—36 (Т, П); *CICh*, 4a-f, табл. 42 (Ф, Т) — ср. *CICh*, *Textband*, вып. 2, стб. 130; J. Friedrich, *Einführung*, 1 (Т, П); Г. В. Церетели, *УПМГ*, № 1, 2, 3 (Ф, А, Т, П).

1 ʾiš-pu-ú-i-ni-i-še I^Dsar₅-du-ú-ri-e-ḥi-ni-e-še i-ni É-e za-a-du-ú-ni

2 ʾiš-pu-ú-i-ni-i-še I^Dsar₅-du-ú-ri-e-ḥi-ni-e-še i-ni É-e za-a-du-ú-ni

3 ʾiš-pu-ú-i-ni-i-še I^Dsar₅-du-ú-ri-e-ḥi-ni-e-še i-ni É-e za-a-du-ú-ni

Ишпуини, сын Сардури, этот дом построил.

(Повторяется трижды)

11.

Цвастан. Четыре фрагмента одной и той же надписи на камне. Фотоснимок или автография этих обломков нигде не опубликованы. Впервые по эстампажу Рассама эти фрагменты издал Saucе под № 6 (Т, П); по Сэйсу дает эту надпись Sandalgian (№ 54, Т, П); C. F. Lehmann-Haupt текст сверил с оригиналом и на основании этого издал в *CICh* (№ 5, Т).

A.

1 D] ḥal-di-ni-ni aī-s[u-i-ši-ni
2] li-e mu-ú¹ [
3] gi-ni te [
4 D] qu-e-ra [
2

B

1] É a-še [
2]-si (?)³ [1]⁴-gu-bi⁵ [
3

C

1 ʾiš-pu-(ú)-i]⁶-ni-ka-i [
2]⁷ na a ta ra [
3]⁸ ni ḥu⁹ [
4

D

1]i-e la [
2] li-e [
3]¹⁰ nu ni [
4

Поскольку можно судить по отдельным местам этих фрагментов (например, Ё «дом» в B_1 или упоминание бога Куера в A_4), можно думать, что в надписи речь между прочим шла о возведении культового сооружения, повидимому, богу Куера.

¹ Согласно Леманн-Гаупту, после этого знака можно различить еще один знак (рис. 23 табл. IV) (CICH, Textband, вып. 1, Liste undeutbarer... Zeichen, № 3); по его мнению, здесь, возможно, стоял знак «а» (CICH, 5, прим. 1).

² Сэйс и Леманн-Гаупт в этой строке восстанавливают: uš]-gi-ni te-[ru-bi; из-за фрагментарности текста, трудно судить, насколько основательны эти восстановления.

³ Леманн-Гаупт не уверен в правильности этого чтения.

⁴ Сэйс здесь читал ku; Леманн-Гаупт не уверен в правильности этого чтения; он допускает возможность присутствия здесь вместо ku знака «а» (рис. 24).

⁵ В этой строке Сэйс и Леманн-Гаупт читают: NA^apu-lu-]si ku-gu-bi; и в этом случае трудно судить, насколько основательны эти восстановления. Вслед за bi, согласно Леманн-Гаупту, можно различить еще следы знака e или iṣ? (рис. 25) (CICH, № 5, прим. 3).

⁶ Так восстанавливается у Сэйса и вслед за ним также у Леманн-Гаупта.

⁷ Впереди na на оригинале заметны следы еще одного знака (рис. 26) (CICH, № 5, прим. 4).

⁸ Впереди ni на оригинале заметны следы еще одного знака (рис. 27) (CICH, № 5, прим. 5).

⁹ Вслед за hi Сэйс читает bi(?); Леманн-Гаупт также с вопросительным знаком ставит знак «e»; по его мнению, на оригинале остались следы этого знака (рис. 28) (CICH, № 5, прим. 6).

¹⁰ Сэйс впереди ni читал еще знак «а» (и объединял их в слове a-nu-ni); согласно Леманн-Гаупту, здесь стоял один из следующих знаков: ul, bal, ga (CICH, № 5, прим. 7). См. рис. 29.

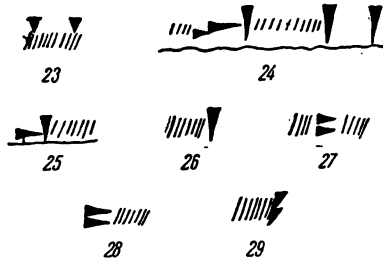

Таблица IV. Рис. 23—29

12.

Цвастан. Фрагмент надписи на камне. Согласно Леманн-Гаупту, порода камня и характер письма здесь такой же, как и на фрагментах надписи № 11; по его мнению, возможно, и этот фрагмент является обломком той же надписи, хотя он найден в другом месте. Фрагмент опубликован в CICH (№ 6, T).

1 I]iṣ-pu-[(ú)-i-ni
2]bi me[

13.

Оскебак, близ Вана (см. N. A d o n t z, Histoire d'Arménie, 1946). Надпись находится в Британском музее. Она высечена на базе колонны такой же формы, как и базы колонн надписей № 4—10. Надпись опубликована в CICH под № 6A, табл. 1 (Ф, T).

1 I]iṣ-pu-ú-i-ni-i-še I^Dsar₅-du-ú-ri-e-ḥi-ni-e-še i-ni É-e za-a-du-ú-ni

2 I]iṣ-pu-ú-i-ni-i-še I^Dsar₅-du-ú-ri-e-ḥi-ni-e-še i-ni É-e za-a-du-ú-ni

3 I]iṣ-pu-ú-i-ni-i-še I^Dsar₅-du-ú-ri-e-ḥi-ni-e-še i-ni É-e za-a-du-ú-ni

Ишпуини, сын Сардури, этот дом построил.

(Повторяется трижды).

14.

Сел. Патноц (северо-восточнее Малазгирта, на северном склоне Сипан-дага). Надпись на обломке колонны. Фотоснимок или автография надписи нигде не опубликованы. Sa y s e, 69 (Т, II); Sandalgian, 56 (Т, II); CICH, 7 (Т).

1	]ši-di-iš-tú-[ni (?)
2	^{I D}]sar ₅ -[du]-ú-ri-(h _i) ¹ Iiš-[pu-i-ni
3	Iiš]-pu-i-ni-[1] ^{I D}]sar ₅ -du-ri-h _i -ni

. . . построил . . . [Ишпуини], сын Сардури. Ишпуини . . . Ишпуини, сын Сардури . . .².

¹-(h_i)«сын» — наше добавление, у издателей этой надписи оно отсутствует; повидимому, этот знак пропустил по ошибке R. P. Dulman, копия которого легла в основу издания Сэйса, последующие издания воспроизводят издание Сэйса. Без этого добавления надпись не может считаться принадлежащей Ишпуини; тогда мы должны признать, что или надпись составлена совместно от имени царя Сардури I (сына Лутипри) и его сына Ишпуини, что мало вероятно (во время Сардури I надписи составлялись, повидимому, лишь на ассирийском языке), или же, наоборот, от имени Ишпуини и его сына Сардури. Этот последний из урартских источников не известен, но упоминается в ассирийских надписях, в частности в «Луврской табличке» ассирийского царя Саргона II, стк. 400, 401 (Fr. Thureau-Dangin, Une relation de la huitième campagne de Sargon, 1912). В последнем случае мы должны прочесть во 2—3-й строках данной надписи:

$$\begin{array}{l} \sup I D]sar_5-[du]-ú-ri \quad Iiš-[pu-i-ni-h_i \\ Iiš]-pu-i-ni-[h_i] \quad \sup I D]sar_5-du-ri \end{array}$$

² В надписи, несомненно, речь шла о постройке царем Ишпуини какого-то сооружения (см. стк. 1: šidištuni «(он) построил»).

15.

Патноц. Надпись на базе колонны. Sa y s e, 70 (Т, II); W. Belck, VBAg (1895), стр. 614; Sandalgian, 57 (Т, II); CICH, 8 (Т).

Iiš-pu-u-i-ni-e
Ишпуини¹

¹ Повидимому, стоит в родительном падеже.

16.

Патноц. Надпись на базе колонны. CICH, 9 (Т); ср. С. F. Lehmann-Haupt, Bericht, № 13. Фотоснимок или автография надписи нигде не опубликованы; в Государственном музее Грузии им. С. Н. Джанашиа (в Тбилиси) хранится эстампаж, на котором отражена часть надписи:

1 di-ni-ni u[š-ma-ši-ni] Iiš-p[u]-ú-i-ni-še
2 da-ú-ri Iiš-pu-ú-i-ni-še

На основании этого мы полагаем, что транскрипция этой надписи, данная в CICH, неточна:

- 1 h_{al}-di-ni-ni u[š-ma-ši-ni] Iiš-p[u]-ú-i-ni-še ^{I D}sar₅-d[u]-ri-[h_i-ni-še . . .]
iš[. . .]
2 Iiš-pu-ú-i-ni-še ^{I D}sar₅-du-[ri-h_i-ni-še . . .]ši-di-iš-tú-ni ši-da-ú-ri

Текст этой надписи, по всей вероятности, аналогичен тексту надписи № 17. Привлекая данные этой последней, на основании эстампажа Музея Грузии и транскрипции, приведенной в СICh, нам кажется, можно восстановить текст надписи следующим образом:

- 1 ^Dhal-di-ni-ni u[š-ma-ši-ni] ^Iiš-p[u]-ú-i-ni-še ^IDsar₅-d [u]-ri-[hi-ni-še . . .
ši-di]-iš-[tú-ni i-nu-ki ba-du-si-ni ú-i gi-e-i]
- 2 [ši]-da-ú-ri ^Iiš-pu-ú-i-ni-še ^IDsar₅-du-[ri-hi-ni-še . . . ši-di-iš-tú-ni i-nu-ki
ba-du-si-ni ú-i gi-e-i ši-da-ú-ri]

Могуществом бога Халди Ишпуини, сын Сардури, . . .¹ построил; такого величественного (?) ничего не было (здесь) воздвигнуто².

Ишпуини, сын Сардури, . . .¹ построил; такого величественного (?) ничего не было (здесь) воздвигнуто².

¹ Здесь, несомненно, упоминалось то, что было построено царем Ишпуини. Судя по фразе «такого величественного ничего не было (здесь) воздвигнуто», речь, возможно, шла о постройке дворца (ср. надпись № 17).

² Общий смысл фразы *inuki badusini ui gi-e-i šidauri* приблизительно так же трактуется Гётце, RHA, 22—23 (1936), стр. 183.

17.

Сел. Леск, близ Вана. Надпись на камне круглой формы (очевидно, часть колонны). Schulz, 36 (A); Saucе, 3 (Т, П); Sandalgian, 53—53* (Т, П); СICh, 10, табл. 42 (Ф, Т).

- 1 ^Iiš-pu-ú-i-ni-iš ^IDsar₅-dur₆-hi-ni-še bur-ga-na-ni ši-di-ši-tú-ni ^Dhal-di-ni-ni
uš-gi-ni ^Iiš-pu-ú-i-ni-iš ^IDsar₅-dur₆-hi-ni-še É i-ni ši-di-ši-tú-ni
i-nu-k[i ba-d]u-si-ni [su¹-ú]-i gi-e-i ši-da-gu-ri
- 2 ^Iiš-pu-ú-i-ni-iš ^IDsar₅-dur₆-hi-ni-še bur-ga-na-ni ši-di-ši-tú-ni ^Dhal-di-ni-ni
uš-gi-ni ^Iiš-pu-ú-i-ni-iš ^IDsar₅-dur₆-hi-ni-še É i-ni ši-di-ši-tú-ni
i-nu-ki ba-du-si-ni s[u]¹-ú-i gi-e-i ši-da-g[u]-ri

Ишпуини, сын Сардури, крепость (?) построил. Силой (?) бога Халди Ишпуини, сын Сардури, этот дом² построил; такого (?) величественного (?) ничего не было (здесь) воздвигнуто³.

(Повторяется дважды)

¹ М. Церетели опускает этот знак (РА, XXXIII (1936), стр. 99, 136); Гётце же считает, что здесь стоит какой-то трудно разбираемый знак, который он присоединяет к предыдущему слову *badusini* (*ba-du-si-ni-x*) (RHA, 22—23 (1936), стр. 183; RHA, 24 (1936), стр. 268); но по фотоснимку (СICh, табл. 42), так же как и по автографии Шульца (№ 36), трудно сомневаться в том, что здесь стоял именно знак *su*. Возможно, *su* является диалектной формой урартской отрицательной частицы *ui*; эта надпись и в других случаях выявляет особенности по сравнению с другими урартскими памятниками (см. выше, в очерке урартской грамматики).

² Возможно, имеется в виду «дворец».

³ См. прим. 2 к надписи № 16.

18.

Ван. Надпись на Ванской скале, у восточных ворот Ванской цитадели (Табриза-капуси). СICh, 11, табл. 2 (Ф, Т).

- 1 ^Dhal-di-ni-ni uš-ma-a-ši-ni
^Iiš-pu-ú-i-ni-še a-li-e

- ^I D[sar₅-du-ri-[e]-hi-[ni-še (?)]¹ i-e-še]
^Ime-nu-ú-a-še ^Iiš-pu-[ú-i-ni-e-hi-ni-še]
 5 ^Ii-nu-uš-pu-a-še ^Ime-n[u-ú-a-hi-ni-še]
^Dhal-di-e-i su-si-[i (?)-e ši-i-di-iš-tú-še]
^Dhal-di-ni-li [KÁ-li. . . .² te (?)] ba(?) -du-si-e]
 ka-[a-ni] ^{URU}tu-uš-[pa e]
 ši-d[i-iš]-tú-ú-[-še TAG(?) -še (?)]³ ^{GUD}pa-ha-ni ^{UDU}šú-ú-še]
 10 ^D[hal-d]i-i-[ni bi-i-e-di-i-ni]⁴
^Dhal-[d]i-i-[na-a-ni KÁ bi-e-di-ni]⁵
 ma-a-[n]i-[ni ul-gu-ú-še]
 al-su-[i-še-e] ^Iiš-pu-ú-i-ni-i-e]
^I D[sar₅-du-ú-ri-e-hi-i-ni-i-e]
 15 ^I[me-nu-ú-a] ^Iiš-pu-ú-i-ni-hi-ni-e]
^Ii-nu-u[š-pu-ú-a] ^Ime-nu-ú-a-hi-ni-e]
^Dhal-[di-ni-ni uš-ma-a-ši-ni]
^Iiš-pu-ú-[i-ni-še a-li-e]
^I D[sar₅-du-ri-e-hi-ni-še (?)]¹ i-e-še]
 20 ^Ime-n[u-ú-[a-še] ^Iiš-pu-ú-i-ni-e-hi-ni-še]
^Ii-nu-[uš-pu-a-še] ^Ime-nu-ú-a-hi-ni-še]
 [^Dhal-di-e]-i [su-si-i (?)-e] [ši-i-di-iš-tú-še]
 [^Dhal-di-ni]-li [KÁ-li. . .]² te (?) [ba (?) -du-si-e]
 [ka-a-ni ^{URU}tu-u]š-pa[. e]
 25 [ši-di-iš-tú-ú-še TAG (?) -še (?)]³ ^{GUD}pa-h[a-ni ^{UDU}šú-ú-še]
 [^Dhal-di-i]-ni [bi-i]-e-[di-i]-ni⁴
^D[hal-di-i-na]-a-[ni] KÁ [bi-e-di-ni]⁵
 ma-[a-ni-ni ul-gu-ú-še] al-[su]-i-[-še]-e
^I[iš-pu-ú-i]-ni-[i]-e
 30 ^I[^Dsar₅-du-ú-ri-e-hi-i-ni-i]-e
^I[me-nu-ú-a] ^Iiš-pu-ú-[i-ni-hi-ni]-e
^I[i-nu-uš-pu-ú-a] ^Ime-[nu-ú-a-hi]-ni-e
 [^Dhal-di-ni-ni uš-ma-a-ši]-ni
^I[i]iš-pu-ú-[i]-ni-še a-li-e
 35 ^I D[sar₅]-du-ri-[e-hi]-n[i-še (?)]¹ i-e]-še
^Ime-n[u-ú-a-še] ^I[iš-pu-ú-i-ni]-e-hi-ni-še
^Ii-nu-uš-[pu-a-še] ^Ime-nu-ú-a-hi-ni-še
^Dhal-di-e-[i su-si-i (?)-e ši-i-d]i-iš-tú-še
^Dhal-di-ni-[li KÁ-li. . .]² te (?) ba(?) -du-si-e
 40 ka-a-ni ^{URU}tu-uš-[pa e]
 [ši]-di-iš-tú-ú-[-še] [TAG (?) -še (?)]³ ^{GUD}]pa-ha-[ni ^{UDU}]šú-ú-še
^Dhal-d[i]-i-[ni] bi-[i]-e-di-i-[ni]⁴
 [^Dhal-di-i-na-a-ni] KÁ b[i]-e-di-ni⁵
 [ma]-a-n[i-ni ul-gu-ú-še al-su]-i-še-e
 45 ^Iiš-[pu-ú-i-ni-i-e]
^I D[sar₅-du-ú-ri-e-hi-i]-ni-[i]-e
^Ime-n[u-ú-a] ^Iiš-pu-ú-i-ni-hi-ni-e
^Ii-[nu-uš-pu-ú-a] ^Ime-nu-ú-a-hi-ni-e

Могуществом бога Халди Ишпуини говорит: Я, сын Сардури, Менуа, сын Ишпуини, (и) Инушпуа, сын Менуа, susi бога Халди построили (мы); ворота бога Халди... ⁶ величественный (?) перед городом Тушпа... мы построили. Принесли мы в жертву (?) крупный (и) мелкий рогатый скот.

Да будет со стороны бога Халди, со стороны ворот бога Халди жизнь (и) величие Ишпуини, сыну Сардури, Менуа, сыну Ишпуини, (и) Инушпуа, сыну Менуа.

(Повторяется трижды)

¹ В CICH не восстанавливается; если не восстановить этот знак, то, конечно, никакого основания нет для выделения здесь слова iēše «я»; это последнее тогда нужно рассматривать как окончание эргативного падежа, в котором стоит ¹ Dsardugeḫini.

² Перед te Лемани-Гаупт предполагает знак áš и объединяет их в одно слово áš-te; трудно найти основание для такого восстановления. Возможно, нужно восстановить: DUB (ср. в надписи 99, обор. стор., стк. 2: baduse DUB-te).

³ Восстанавливается нами по контексту и на основании следов клинописных знаков (ср. CICH, 11, прим. 2).

⁴ В CICH: bi-li e-di-i-ni.

⁵ В CICH: ^Dhaldini aruni KÁ-li edini; поврежденные места этой, а также предыдущей строки восстанавливаются нами на основании известной по другим надписям формулы: ^Dhaldini bedini ^Dhaldinani KÁ bedini, присутствие которой мы предполагаем и здесь.

⁶ Может быть, здесь стояло: «надпись» (см. прим. 2).

НАДПИСИ ИШПУИНИ И МЕНУА

19.

Келяшин (так называется эта надпись у местных жителей). Ассиро-угартская двуязычная надпись, высеченная на большой стеле, на одной стороне которой находится ассирийский, на другой же — угартский текст. Стела установлена в районе внешнего города Ревандуз, на перевале к юго-западу от оз. Урмия. Этот перевал называется Келяшинским по названию самой стелы.

J. de Morgan et V. Fr. Scheil, Rec. trav., XIV (1893), стр. 153—166 (А,Т,П) — ср. J. de Morgan, Mission Scientifique en Perse, IV, 1re partie, 1896, гл. 7, стр. 261—283 (Ф, А, Т, П); Sayce, JRAS (1894), стр. 691 сл. (Т, П); Sandalgian, 2—2*, 45 (Т, П); W. Belck u. L. Messerschmidt, «Anatole», 1, (1904) (Ф, А, Т, П); Sayce, JRAS (1906), стр. 611 сл. (Т, П); C. F. Lehmann-Haupt, Materialien, стр. 64, рис. 42 (Ф); A. Götze, ZA, N.F. V (XXXIX), H. 1/3, стр. 99—128 (Т, П); Ebeling, AfO, VI (1931), H. 4/5, стр. 225—228 (ассир. текст — Т, П); C. F. Lehmann-Haupt, «Klio», XXIV (1930), H. 1, стр. 148—163; CICH, 12, табл. 3 (Ф, Т) — ср. CICH, II, стб. 132—160; J. Friedrich, Kleinasiatische Sprachdenkmäler, 1932, стр. 42—46 (Т); M. Tseretheli, RA, XXX (Т, П).

Надпись дошла до нас в очень плохом состоянии, многие места на стеле не поддаются чтению. В деле восстановления этих поврежденных мест особенно много дали последние работы, посвященные изданию или обработке текста надписи. Это — работы Гётце (ZA, N. F., V), Эбелинга (AfO, VI), Фридриха («Kleinasiatische Sprachdenkmäler») и Лемани-Гаупта (CICH, II, стб. 132 сл.). Именно эти работы имеются в виду, когда в примечаниях упоминаются Гётце, Эбелинг, Фридрих и CICH.

Угартский текст

- 1 [i-ú ^Dal-di]-ka-a-i [^{UR}Uar-di-ni-di]
 [nu-na-li ^Iiš]-pu-ú-i-ni-ni ^IDsar₅-[du-ri-e-ḫé]
 [LUGÁL DAN-NU LUGÁL]^{KUR}šú-ra-a-ú-e LUGÁL ^{KUR}bi-a-i-[na-ú-e]
 [a-lu]-si ^{UR}Utu-uš-pa-a-URU ^Ime-[nu-ú-a]
 5 [^Iiš-p]u-ú-i-ni-ḫé ia-ra-[a]-ni ši-di-iš-tú-[ni]¹
 [^Dal-di]-i-e SULU za-i-nu-ú-a-di² te-ru-[ú-ni]³

- [DUB-te ia-ra-ni-k]a-a-i⁴ Iš-pu-ú-i-ni-[iš?]^{4a}
 [I^{Dsar₅}]-dur₆-h_i-ni-še na-hu-ni ú-ri-iš-[h_i-i]⁵
 [ga-zu-l]i ni-ri-bi [ga-z]u-li na-hu-ni
- 10 []⁶ MEŠ URUDU n[a]-h[u]-n[i] šá-ni URUDU na-hu-ni [2—4]⁷
 [na-hu]-ni ni-[ri]-be tar-a-a-e a-da-[2]⁸
 [te-ru]-ni ^Dal-di-na KÁ a-ru-ni ^Dal-d[i-e]
 [e-ú]-ri-i-e ul-gu-ši-i-a-ni-e-[di-ni]
 [na-hu-n]i I LIM I ME XII GUD^{MEŠ} IX LIM (I ME)⁹ XX UDU.
 MÁŠ-li[]¹⁰
- 15 [UDU.N]ITÁ^{MEŠ} e-gu-ru-hé X LIM II LIM IV ME LXX[X]
 [UDU.MÁŠ^{ME}]Š GAL^{MEŠ} at-qa-na-ni i-ú ^Dal-di-ka-[a-i]
 [URU_a]r-di-ni-di nu-na-be Iš-pu-ú-i-ni-[ni]
 [I^{Dsar₅}]-du-ri-e-hé LUCÁL DAN.NU LUGÁL KUR^šu-ra-a-ú-[e]
 [LUGAL^{KUR}]bi-a-i-na-ú-e a-lu-si URU^tu-uš-pa-a-[URU]
 20 [^Dal]-di-ni-ni uš-g[i]-ni i-na-ni bur-ga-na-[ni]
 []-ni-i¹¹ [2]-a-ni¹² ba-ú-ši-ni-l[i]
 [ha-r]i-e-di ^Dal-di-na KÁ te-ra-a-i-ni-[li]
 [2-3]-i¹³ URU^ar-di-ni ^Dhal-di-na-ni [KÁ]
 [ni-ri]-bi [e]-gu-ru-hu ha-i-ni ha-ú-[ni]¹⁴
- 25 []-li i-ú¹⁵ i-ú ^Dhal-di-ka-[a-i]
 [URU^a]r-di-ni-di nu-na-a-li Iš-pu-ú-i-[ni-ni]
 [I^{Dsar₅}]-dur₆-e-hé I^me-nu-a Iš-pu-ú-i-ni-[hé]
 [at-qa-na]-di-tu ^Dhal-di-e ni-ri-be ti-ia-i-tú a-[lu-še]
 [ni-ri]-be ^Dhal-di-na-ni KÁ ha-ú-li-i-e [1-2]¹⁶
- 30 [2]-li-ni¹⁷ a-lu-še a-i-ni-e-i ú-li-[i-e-i]¹⁸
 [ha-a-i-d]i iš(?)-e-ia-me du-li-i-e [2-3]¹⁹
 [2]-li-i-ni a-lu-si-i-na-a-ni [2-3]²⁰
 [4]-ni²¹ URU^ar-di-ni-URU ha-šu-li-[i-e]
 [ni-ri-bi] ^Dhal-di-(na)-ni KÁ a-i-še-e-i ha-i-[di]²²
- 35 [a-i-ni]²³ du-li-i-e me ku-ú-i²⁴ ^Dhal-[di-še]
 [zi-il]-be²⁵ qi-ú-ra-a-e-di ku-lu-di-i-[a-ni]²⁶
 [a-lu]-še DUB-te i-ni su-ú-i-du-li-i-e [i-nu-ka-ni]
 [e-si-ni]-ni²⁷ a-lu-še ip-hu-li-i-e a-lu-še a-i-[ni-e-i]
 [i-ni]-li du-li-i-e ti-i-ú-li-i-e ú-[li-i]
- 40 [tú-ri] me-i²⁸ ^Dhal-di-iš ^DIM-še ^DUTU-še DINGIR^{MEŠ}-[še]
 [URU^a]r-di]-ni-ni²⁹ zi-il-bi³⁰ qi-ra-e-di ku-li-tú-ni³¹

Ассирийский текст

- 1 [ki-i ina pa-an]^Dhal-di-e ana ^amu-ša-šir [il-lik-ú-ni-ni]
 [Iš-pu-ú]-i-ni apil I^{Dsar₅}-dur₆ šarru³² rabû³² šarru³² [dan-nu šar kiššati]
 [šar^{mátn}]a-i-ri šakin ^at^u-uš-pa-an-áli³³
 [I^me]-nu-a mâr Iš-pu-ú-i-ni mas-s[ak-ku]³⁴
- 5 [ir]-ši-ip-pu³⁵ ana ^Dhal-di-e ina muh_{hi} [harrâni]
 [e-li]-i-nu^{35a} ištakan^{an}³⁶ t^u-pu ina pâⁿ mas-s[ak-ki]³⁷
 [Iš]-pu-ú-i-ni apil I^{Dsar₅}-[dur₆]
 [na-ši] be-li damqûti^{MEŠ} bi-bu damqu na-ši
 []^{MEŠ} []³⁸ šá eri na-ši tiqar eri na-ši [1-2]³⁹
- 10 [na-ši] bi-bu ma-'du-tú tu-ru ištakan^{an} ina mi-[h_{ir}]⁴⁰
 [bâbâni]^{MEŠ} šá ^Dhal-di-e i-ti⁴¹-din ana ^Dhal-di-[e]⁴²
 [bêli ana] pu-ut balâti-šú⁴³ na-ši I LIM I ME XII alpê^{MEŠ}

- [IX LIM] I ME XX urišê^{MES} immerê^{MES} pa-âš-ru X LIM II LIM IV
ME LXXX
- 15 [uri]šê rabûti^{MES} e-qu-te ki-i ina pa-an D_hal-di-[e]
[ana] ¹mu-ša-šir illik-an-ni ¹iš-pu-ú-i-ni apil ¹Dsar₅-[dur₆]
[šarru rabû]⁴ šarru dan-nu šar kiššati šar ma^{at}na-i-ri šakin a¹tu-uš-
p[a-an-âli⁴⁴]
[i-na da(?)]-ni-e-ni ⁴⁵D_hal-di-e an-ni-ú [2-3]⁴⁶
[2]⁴⁷ an-na-te-ma amâte^{MES} ina muh_hi ħar[râni¹]
[ina pa]-an bâbâni^{MES} šá D_hal-di-e [2-3]⁴⁸
- 20 [šak]-na-te ina ¹mu-ša-šir ištu lib-bi bâbâni^[MES]
[šá] D_hal-di-e bi-bu ki-i pa-âš-ri našû^[4]⁴⁹
[na]⁵⁰-ši i-du-nu amâte^{MES} ki-i ina pa-an D_hal-di-[e]
[ana ¹mu-ša-šir il-lik-ú-ni-[ni]
[¹iš-pu-ú-i-ni apil ¹Dsar₅-[dur₆]
25 [¹me-nu-a mâr ¹iš-pu-ú-[i-ni]
[a-n]a e-qu-te ú-sa-li-ku bi-bu šá D_h[al-di-e]
[iq-t]i-bi-ú⁵¹ ma-a šá bi-bu ištu lib-bi bâ[bâni^{MES}]
[šá] D_hal-di-e iniššû^ú-[ni]
[ú-qi-li-li⁵² ši-'u-šú⁵³ šúm-mu me-ni-me-[ni]
30 [e-t]a-mar⁵⁴ ki-i iniššû^[ú-ni]
[1-2]⁵⁵ ú-pa-za-ar ina ták-li-ma-[te šá šakini]⁵⁶
[3-4]-nu⁵⁷ šá ina lib-bi âli ¹mu-ša-š[ir]
[šúm-m]u i-si-me⁵⁸ ki-i bi-[bu]
[ištu]⁵⁹ lib-bi bâbâni^{MES} šá D_hal-di-[e]
35 []⁶⁰ [i]-ni-iš-šú-ni šúm-mu e-ta-mar []⁶¹
[D_hal]-di-e zêr-šú⁶² ina muh_hi qaqqâri lu-ħal-liq-šú⁶³
[šá DUB-T]E an-ni-tu i-da-'ip-ú-[ni]
[ištu] lib-bi maš-ka-[a-ni]⁶⁴ an-ni-[i]
[šá i-ħa]p-pu-ú-ni šá a-na me-ni-me-ni i-qa-b[i-ú-ni]⁶⁵
40 [ma-a] a-lik ħi-pi⁶⁶ D_hal-di-e D[adad]
[Dšamaš] ilâni^{MES} ni šá ¹mu-ša-š[ir]
[zêr-šú]⁶⁷ ina muh_hi qaqqâri¹ lu-ħal-liq-ú-[šú]⁶⁸

Когда перед богом (X)алди⁶⁹ в город Ардини (Мусасир) явились Ишпуини, сын Сардури, царь великий⁷⁰, царь могущественный, царь вселенной, царь страны Бианили (асс.— царь страны Наири), правитель Тушпа-города, (и) Менуа, сын Ишпуини, построили они часовню⁷¹ богу (X)алди. На высокой дороге поставили они⁷² стелу.

Перед часовней Ишпуини, сын Сардури, преподнес прекрасное оружие, отличный скот (?)⁷³, преподнес... из меди, преподнес медные сосуды⁷⁴, преподнес..., преподнес снова много скота (?), поставил (все это) у ворот бога (X)алди и дал (X)алди, владыке, ради своей жизни. Он привел 1112 быков⁷⁵, 9120⁷⁶ коз (и) ягнят, свободных (в отношении использования ?), (а также) 12 480 больших коз (для) жертвоприношения.

Когда перед богом (X)алди в город Ардини (Мусасир) явился Ишпуини, сын Сардури, царь великий⁷⁰, царь могущественный, царь вселенной, царь страны Бианили (асс.— царь страны Наири), правитель Тушпа-города, силой (?) бога Халди эту крепость (?) ... эти вещи на дороге перед воротами бога Халди... были установлены.

От ворот бога Халди города Ардини (Мусасир)⁷⁷ свободный (?)⁷⁸ скот (?) пусть уведут, когда дадут (будут покупать) (взамен) вещи⁷⁹.

Когда перед богом Халди в город Ардини (Мусасир) явились Ишпуини, сын Сардури, (и) Менуа, сын Ишпуини, пожертвовали богу Халди скот (?)⁸⁰

(и) так ⁸¹ сказали: кто скот (?) от ворот бога Халди уведет ⁸² — тот пренебрегает своим уничтожением ⁸³; кто заставит кого-нибудь другого увести (их) ⁸⁴... скроет по указанию (приказу) (своего) господина (правителя) ⁸⁵ (похищенное)... Если кто-нибудь, находящийся в городе Ардини (Мусасир) (в урартском: (житель?) города Ардини) услышит, что кто-то заставил кого-нибудь ⁸⁶ увести когда-нибудь ⁸⁷ от ворот бога Халди скот (?) (и утаит это?), пусть бог Халди уничтожит его семья на земле ⁸⁸.

Кто эту стелу выбросит с этого места, кто (ее) разобьет, кто кого-нибудь заставит совершить эти (дела), скажет: «иди (и) уничтожь (ее)», пусть Халди, Тейшеба, Шивини, (все) боги города Ардини (Мусасир) истребят (его) семья на земле ⁸⁹.

¹ ia-ra-[a]-ni ši-di-iš-tú-[ni] — так читает М. Церетели; Гётце: ia-ra-ni-ni ši-di-iš-[u-ú-ni]; Фридрих, CICH: ia-[ra]-ni-ni ši-di-iš-[tú-ú-ni]; ср. Г. А. Меликишвили, ВДИ, 1948, № 2, стр. 44 сл.

² Ср. 264₅ урарт. (см. М. Церетели — RA, XLV (1951), № 1).

³ Так Фридрих, М. Церетели, CICH; Гётце: te-ru-[ú-še]. См. Г. А. Меликишвили, ВДИ, 1948, № 2, стр. 44 сл.

⁴ Так Гётце, Фридрих, CICH; М. Церетели: [ia-ra-k]a TUPPU.

^{4a} Восстановлено нами (см. в грамматическом очерке об окончаниях эргативного падежа в мусасирском говоре урартского языка).

⁵ Восстановлено нами (см. надписи 150, 177—190, 262, 263 и др.); М. Церетели: ú-ri iš-[ti-ni].

⁶ Гётце: [URI-GAL-Ú]; Фридрих, CICH: [URI-GAL-Ú]; М. Церетели: [DUG-PA].

⁷ Гётце: du-[x-x]; Фридрих: d[u-x-x]; CICH: d[u-2-3]; М. Церетели: [KASPU].

⁸ Гётце, Фридрих, CICH: a-da-[a-ni]; также М. Церетели (RA, XLV (1951), стр. 206).

⁹ Пропущено, добавляется по соответствующему месту ассирийского текста (стк. 13).

¹⁰ В «Anatole» и в CICH восстанавливается: [-ni^{MEŠ}]; М. Церетели: [MEŠ].

¹¹ Гётце: [te?-ru?]-ni-i; Фридрих: [te-ru]-ni-i; М. Церетели: [i-na]-ni-i; CICH: [2]-ni-i; М. Церетели (RA, XLV (1951), стр. 206): [i]-na-ni (следующее за этим «i» он считает началом другого слова — см. примечание 12).

¹² Гётце, Фридрих: uš?-la-a-ni; CICH: uš-la-a-ni; М. Церетели: ir-ši-a-ni; он же, RA, XLV (1951), стр. 206: i-ra-di-ia-ni.

¹³ Гётце, Фридрих: [te-ru-ni]-i; М. Церетели: [i]-[ni-ni]-i; он же (RA, XLV (1951), стр. 206): [a]-me-e-i, переводит: «здесь».

¹⁴ Гётце: bi.

¹⁵ Гётце: [ti-2]-li i-ú; Фридрих: t[i-x-x-2]i [[i-ú]]; CICH: [2]-li i-ú; М. Церетели: [ti]-[ú]-li-i-ni.

¹⁶ Вслед за ha-ú-li-i-e М. Церетели читает: mu-[a]; см. следующее примечание.

¹⁷ М. Церетели восстанавливает: [áš-du]-li-ni; он же в RA, XLV (1951), стр. 206, вместо своего старого чтения 29—30 строк mu-[a] [áš-du]-li-ni, читает: ma-[si-e) DINGIR] áš-ḥu-li-e.

¹⁸ М. Церетели; ú-li-[e-i].

¹⁹ Ср. у А. Гётце, RHA, 22, стр. 179, прим. 2, 3. М. Церетели в этой строке читает: [ḥu]-[šu]-li-e še-ri(-)du-li-i-e (-ku-[ú-i]).

²⁰ М. Церетели: [a]-[lu-še].

²¹ Гётце: [?]-[ta?]-ni; Фридрих: [...]-? ta?-ni; CICH: [3]-ta(?)-ni; М. Церетели: [ni-ri-bi]-ia-ni.

²² Так читает эту строку Гётце (RHA, 24, стр. 180) с той разницей, что в начале строки вместо [ni-ri-bi] он восстанавливает [a-lu-še]; Фридрих: [ni-ri-bi] Dḥal-di-ni KÁ a-i-še-e-i ḥa-[a-i-di] (так же и в CICH, лишь последнее слово в виде: ḥa-i-[di]). М. Церетели в этой строке читает: [a-lu-še] Dḥal-di-ni KÁ a-i-še-e-i ḥa-[ú-li-e].

²³ Так Гётце (RHA, 24, стр. 180); Фридрих, CICH, М. Церетели: [a-lu-še].

²⁴ Гётце: [a-i-ni-e] (RHA, 22, стр. 190); Фридрих, CICH: du-li-i-e me-ku-ú-i; М. Церетели: du-li-i-e-me (-) ku-ú-i.

²⁵ М. Церетели: [zi]-[li]-be.

²⁶ Так восстанавливается у Гётце (RHA, 22, стр. 190); Фридрих: [i-e]; М. Церетели, CICH: [e]; М. Церетели (RA, XLV (1951), стр. 207): ku-lu-ú-d[i-i-e].

²⁷ В «Anatole» указывается в конце 37-й строки, вслед за словом *suidule*, место еще для трех знаков, и в начале следующей, 38-й строки перед *ni* также для

трех знаков. Гётце восстанавливает: [ia-га-ni] [i-na-a]-ni; Фридрих: [...] [...]-ni; в СICh лишь в начале 38-й строки указывается место для трех знаков: [3]-ni; М. Церетели: [e-si-ni] [iš-ti-ni]-ni. [i-nu-ka-ni] [e-si-ni]-ni восстанавливается нами в соответствии с ассирийским maš-ka-[a-ni] an-ni-[i], принимая во внимание не раз встречающиеся в урартских текстах аналогичные выражения. См., например: inu-kanî esinîni (110, лиц. стор., стк. 5—6; 277, стк. 4—5); в формуле проклятия урартских надписей мы встречаем: aluše esine suidule (89, стк. 15—16), aluše ini pulusi esini suidule (110, обор. стор., стк. 2-5); Звартноцская надпись (№ 281), стк. 34: aluše esini suiduli.

²⁸ Так Гётце (RHA, 22, стр. 180, 191); Фридрих: [tú-ú-ri]-i; СICh: [tú-ú-r]-i; М. Церетели: [tú-ú]-ri-i.

²⁹ Фридрих: [URU^{ar}-di]-ni-ni; М. Церетели: [URU^{ar}-di]-ni-ni-i-še; СICh: [URU^{ar}-d]-ni-ni-na; Гётце (RHA, 22, стр. 191): [URU^{ar}-d]-ni-ni; М. Церетели в RA, XLV (1951), стр. 208: [URU^a]-r-di-ni.

³⁰ Так Гётце (RHA, 22, стр. 191); Фридрих: [zi-il]-bi; СICh: ŠUMU zi-il-bi; М. Церетели: [ZÉRU], он же (RA, XLV, стр. 208): ZÉ[RU] ŠU[MU].

³¹ Так Гётце (RHA, 22, стр. 191) — ср. конец Звартноцской надписи и др.; СICh: ku-lu-d[i-e]; М. Церетели: ku-lu-di-[e].

³² ¶? (ср. в «Anatole», Taf. 3).

³³ Гётце, Эбелинг, М. Церетели считают возможным вслед за этим словом в этой же строке восстановить союз «и» («u»); в «Anatole» указывается, что здесь возможно присутствие одного знака.

³⁴ Так у М. Церетели; Гётце: maš/z-k[a?-pu]; Фридрих: bar(maš)-x-[...]; Эбелинг: pa(r)-r[ak-ku] (так же в СICh).

³⁵ Так у М. Церетели; Гётце, Фридрих: [iz-z]-u-ku-pu; Эбелинг, СICh: [ir-te]-ši-ip-pu.

^{35a} ina muḫḫi [ḫarrāni] [e-li]-i-nu: так М. Церетели (RA, XLV, № 1, стр. 7, № 4, стр. 206) — ср. 264₅ асир.

³⁶ Гётце, Эбелинг, Фридрих, СICh: ina muḫḫi (eli)-[šū] [an-ni]-i-nu ništakan^{an} — ср. Г. А. Меликишвили, ВДИ, 1948, № 2, стр. 44—47.

³⁷ М. Церетели: mas-sak-[ki]; Гётце: maš/z-k[i-pi]; Фридрих: bar(maš)-x-[...]; Эбелинг: rar-[rak-ki]; СICh: rar-rak-[ki?] — ср. стк. 4.

³⁸ Гётце: [uri-gal-ú]^{PL}; Фридрих: [uri-gal]-ú^{MES}-ni; Эбелинг: [uri]-gal(l)^{mes}-e(l); СICh: uri-gal^{mes}-e; М. Церетели: [DUG·P]A^{PL}-ni.

³⁹ М. Церетели восстанавливает: [kaspu].

⁴⁰ Так Гётце, Фридрих, Эбелинг, СICh; М. Церетели: pa-[an].

⁴¹ Так Эбелинг, Фридрих, СICh; М. Церетели: ta.

⁴² Вслед за этим Эбелинг в этой же строке восстанавливает bêli (так же и в СICh); Гётце, Фридрих, М. Церетели восстанавливают bêli в начале следующей строки.

⁴³ [ana] ru-ut balâti-šú — так Гётце, Эбелинг, Фридрих, СICh; М. Церетели: [ana] arak ūmi balâti-šū.

⁴⁴ Восстанавливается у Фридриха и М. Церетели. У Гётце, Эбелинга, СICh — отсутствует.

⁴⁵ Так Гётце (JAOS, 55 (1935), № 3, стр. 298); М. Церетели: [i-na] ni-bit; Гётце (ZA): [ina te]-ni-e-ni; Фридрих: [ina te?]-ni-e?-ni; Эбелинг и СICh: [ina un]-ni ki-ni.

⁴⁶ Гётце, Фридрих, СICh оставляют без восстановления; Эбелинг: [parakku]; М. Церетели: êkal[lu].

⁴⁷ М. Церетели: [šubâte]^{MES}, он же в RA, XLV (1951), стр. 206: [ú]-na-te.

⁴⁸ Гётце: k[i-i] GAR-ú; Фридрих: k[i-i] šaknu^ú; М. Церетели: k[a-na].

⁴⁹ М. Церетели: ILA-ú (munnašú(ú)) (RA, XXX, стр. 34).

⁵⁰ Так Гётце, Эбелинг, Фридрих, СICh; М. Церетели: [iš].

⁵¹ М. Церетели: [iq]-bi-ú.

⁵² Гётце (ZA): ú-qi-li-li; Фридрих: [ú-qi]-l[i]-li; Эбелинг: [šum-mu ú]-qi-li-li; М. Церетели: [iš]-[ta]-li-li-i-šū: СICh: [u]-qi-li-li; Гётце (RHA, 24 (1936), стр. 269): [li]-qi-li-li; М. Церетели (RA, XLV (1951), стр. 206): [ú]-ul-li-li-i-šū.

⁵³ М. Церетели: ana gamāni-šū; он же в RA, XLV, стр. 206: ana ili-šū.

⁵⁴ См. у Гётце, RHA, 22—23 (1936), стр. 179, прим. 4.

⁵⁵ Эбелинг, СICh: [ù]; М. Церетели: [ù lu].

⁵⁶ М. Церетели: ina tak-li-ma-[te] [šakīnu] ³²[i-na-d]-i-nu; Гётце, Фридрих, СICh: lāk-li-te; Эбелинг: ik(l)-li-te[...]; М. Церетели (RA, XLV, стр. 207): ina tak-li-ma-te [bēlu-šū].

Фото 1. Надпись № 16. Эстампаж музея Грузии

Фото 2. Надпись № 20. Лицевая сторона. Эстампаж Музея Грузии

⁵⁷ Фридрих: [x-x]-di-nu; М. Церетели: [i-na-d]i-nu (см. предыдущее примечание); Эбелинг, CICH: [ša i]-šar-ra-nu.

⁵⁸ Так Эбелинг; CICH: [šum]-mu i-si-me; Фридрих: ú?-še-i-si-me; М. Церетели: [ú]-še-i-si-me. Ср. Гётце, RHA, 24, стр. 281.

⁵⁹ М. Церетели: [ša ištu].

⁶⁰ М. Церетели: [bûšâ].

⁶¹ М. Церетели: iš-ta-par mim[ma].

⁶² Так М. Церетели, Гётце (RHA, 22, стр. 190); Эбелинг, Фридрих, CICH: šum-šu.

⁶³ lu-ḫal-liq-šú—так Эбелинг, Фридрих, CICH, Гётце (RHA, 22, стр. 190); М. Церетели (RA, XLV, стр. 208): lu-ḫal-liq.

⁶⁴ Так М. Церетели (RA, XXX, стр. 44); Гётце: maš/z-ka-pi; Эбелинг, CICH: maš-ka-bi; Фридрих: maš-ka-[pí?].

⁶⁵ CICH: i-qa-a[b-bi-ú-ni].

⁶⁶ Эбелинг между ḫipi и Dḫaldie ставит еще: ṭurra.

⁶⁷ Гётце (RHA, 22, стр. 191); Эбелинг, Фридрих: [šum-šu]; CICH: [šum-šu zer-šu].

⁶⁸ Так Гётце (RHA, 22, стр. 191). Эбелинг, CICH: li-ḫal-liq-ú-[šu]; Фридрих: li-ḫal-liq-[ú-šú]; М. Церетели (RA, XLV, стр. 208); lu-ḫal-liq-ú.

⁶⁹ В первой части урартского текста билингвы (стк. 1—22) имя верховного бога урартийцев Халди употребляется в форме «Алди», начиная же с 23-й строки до конца урартского текста, так же как и во всем ассирийском тексте, стоит обыкновенная форма «Халди» — см. Г. А. Мелликишивили, ВДИ, 1948, № 2, стр. 45 сл.

⁷⁰ «Царь великий» — имеется лишь в ассирийском тексте.

⁷¹ Букв. «жилище» (ассир. massaku).

⁷² В ассирийском тексте стоит форма 3-го лица ед. числа, повидимому вследствие неправильного понимания переводчиком одной урартской глагольной формы — см. Г. А. Мелликишивили, ВДИ, 1948, № 2, стр. 46 сл. Вообще, считается, что урартский текст билингвы — оригинал, ассирийский же перевод, что составление урартского текста предшествовало составлению ассирийского текста (см. Гётце, ZA, N.F., V (1929), Н. 1-3, стр. 99 сл.; М. Церетели, RA, XXX (1933), № 1, стр. 1 сл., и др.).

⁷³ Такое значение лучше всего подходит к урартскому *nigibi* = ассир. *bi-bu* (*bibbu*?) во всех случаях, где это слово встречается в текстах. Ср. также у Гётце, ZA, N.F., V, стр. 106-108.

⁷⁴ В тексте ед. число.

⁷⁵ Возможно: «(столько-то голов) крупного рогатого скота».

⁷⁶ В урартском тексте, по всей вероятности, ошибочно: 9020.

⁷⁷ В ассирийском тексте: «В городе Мусасире от ворот бога Халди».

⁷⁸ Урартск. *eguruḫi*; ассир. *ki rašri* — «имеющийся» в виде свободного», «как свободный».

⁷⁹ Приблизительно в таком смысле понимает это место Эбелинг (AfO, Bd. VI (1931), Н. 4/5, стр. 226—227). В начале 25-й строки урартского текста, очевидно, стоит какая-то глагольная форма, оканчивающаяся на -li (окончание будущего времени), означающая вместе со следующим за ней *i* («когда»): «Когда будут покупать что-нибудь», «Если приобретут что-нибудь».

⁸⁰ В ассирийском тексте: «Для жертвоприношения привели скот(?) бога Халди» — *a na equite usaliku bibu ša Dḫaldie*.

⁸¹ Имеется лишь в ассирийском тексте: *ma-a* (стк. 27).

⁸² Т. е.: «похитит у храма».

⁸³ Дословно в ассирийском тексте: «тот небрежно относится к своему уничтожению».

⁸⁴ Ср. Гётце, RHA, 22-23, стр. 179 сл.; RHA, 24, стр. 269 сл.

⁸⁵ Так по восстановленному М. Церетели ассирийскому тексту; в соответствующем месте урартского текста стоит слово *alusinani* — форма творительного падежа мп. числа от *alusini* «господский»; возможно, речь идет о том, что названное действие исполняется «по велению господина», как это думает М. Церетели (RA, XXX, стр. 10).

⁸⁶ Так в урартском тексте (согласно восстановлению Гётце, в начале стк. 35 [aini]).

⁸⁷ Так в урартском тексте (*aišei*).

⁸⁸ Так в ассирийском тексте; в урартском: «Пусть бог Халди не оставит (не допустит) (его) семья на земле» (Гётце, RHA, 22, стр. 185—192).

⁸⁹ Так в ассирийском тексте, в урартском: «пусть . . . (боги) не оставят (не допустят) (его) семья на земле».

S a y c e, 31 (Т, П); S a n d a l g i a n, 3 (Т, П); СICh, 13, табл. 4,5 (Ф, Т). Для лицевой стороны стелы мы пользовались также эстампажем, хранящимся в Гос. Музее Грузии.

Лицевая сторона

- 1 [D^hal-di-i-e]
[e-ú-ri-i-e] ^Iiš-pu-ú-i-ni-[š]e
[^I]Dsar₅-du-ri-e-^hi-ni-[š]e
[^I]me-i-nu-ú-[a-še]
- 5 [^I]iš-pu-ú-i-ni-e-^hi-ni-[š]e
[su-ú-i-du-t]ú ^Ilu-ú-šá-[a]
^Ika-a-tar-za-a
[. . .]ma(?)¹ i[.]: ¹² ¹³[. . .]
[ku]-tè-^ri¹-[tú] pa-a-ri
- 10 [URU]a-na-ši-i-[e] ⁴
[pa]-ri ^U[^{RU}k]u(?) ⁵-[qu]-ru tar-[a-e] ⁶
[. . .] ⁷nu-bi ^Iú-^ri¹-tè-ru-[^hi] ⁸
[^I]u-ú-šá-a [^I]ka-tar-za-[a]
[bur-ga-la-l]i [LU]GAL[^{MEŠ}]
- 15 [^{KUR}]e-ti-ú-^hi-[ni]-e-l[i]
[ar-nu-ia-li] uš-ta-a-[bi] ⁹
[^D]hal-di-ni ma-s]i-ni ^{GIŠ}šú-ri-e
[^Iú-i-tè-ru-^hi-ni]-e-d[i]
[^I]lu-šá-i-[ni-e-di]
- 20 [^I]ka-tar-z[a]-ni-[e-di]
[^{KUR}]e-ti-ú-^h[i-na]-di [LU]GAL[^{MEŠ}-di]
[^D]hal-di-n[i] ku-ru-ni
[^D]hal-di-ni ^{GIŠ}šú-[r]i-i ku-ru-ni
[u]š-ta-li ^Iiš-[pu]-ú-i-ni-ni
- 25 [^I]Dsar₅-du-ri-e-^hi
[^I]me-i-[nu]-ú-a-n[i]
[^I]iš-pu-ú-i-ni-e-^hi
[s]u-ú-i-d[u]-tú ^Iú-t[è]-ru-[^hi]
[^I]lu-ú-šá-[a] ^Ika-t[ar]-za-[a]
- 30 [bur]-ga-[l]a-li LUGAL-[l]i-l[i]
[^{KUR}]e-[ti-ú-^hi]-ni-l[i]
[za]-ši-l[i] ú-[i me-ri i]p¹⁰-^ha-r[i]
[še]-ir-li DUB-te [^{UR}]Ua-na-ši-i-[e]
[nu]-na-be i[š]-ti-n[i]-n[i]
- 35 [. . .] LIM VII ME [XX] KU [1]u¹¹ [^{MEŠ}]
[. . .] LIM VI ME LXX L[^ú]ú-e-di-a-[ni]
[. . .] [M]E XXVI ANŠU.KUR.RA[^{MEŠ}]
[X LIM] III LIM V ME XL ^{GUD}pa-^hi-[ni]
[XX] LIM VII ME LXXX[V] UDU^M[^{EŠ}]
- 40 [. . .] am-ni L[^ú] ú-e-di-a-ni
[. . .] a-ši-ni-e-[i]
[^{URU}]tu-u[š-p]a-a-i(?) [?] ¹² ma-a-[nu]
[i]-ni-ni gu-ur-da-ri ¹³.

Оборотная сторона

- 1 [.]
 1 [URU]a-na-ši-i-[e]
 [. . .]nu-bi Iú-tè-ru-ú-hi I[lu]-tú-[šá-a Ika-tar-za-a]
 [bur-g]a-la-li LUGAL^{MEŠ} KUR^c-ti-ú-hi-ni-c-[i]
 [a]r-nu-ia-li uš-ta-a-[bi]⁹
- 5 [D^hal]-di-ni ma-si-ni GIŠšú-ri-c Iú-tè-ru-hi-ni-c-[di]
 I^{lu}-šá-i-ni-c-di Ika-tar-za-ni-[e-di]
 [KUR^c]e-ti-ú-hi-na-e-di LUGAL^{MEŠ}-di D^hal-di-ni ku-ru-[ni]
 [D^hal]-di-ni GIŠšú-ri-i ku-ru-ni uš-ta-[li]
 [Iš]-pu-ú-i-ni-ni I^Dsar₅-du-ri-hi Im₃-nu-[a-ni]
- 10 [Iš]-pu-ú-i-ni-hi su-ú-i-du-tú Iú-tè-[ru-hi]
 [I]u-ú-šá-a Ika-tar-za-a bur-ga-la-li LUGAL [MEŠ]
 [KUR^c]e-ti-ú-hi-ni-li za-ši-li [ú-i]
 [me¹⁰-r]i ip-ha-a-ri šc-ir-li DUB-[te]
 [URU]a-na-ši-i-e nu-na-be iš-ti-ni-[ni. . . LIM]
- 15 [VII] ME XX KU [1]^u MEŠ. . . LIM VI ME LXX ni¹⁴ú-e-di-[a-ni]
 [. . .ME] XXVI ANŠU.KUR.RA^{MEŠ} X LIM III LIM V ME XL
 [GUD pa]-hi-ni XX LIM VII ME LXXXV UD[U^{MEŠ}]
 [. . .am]-ni LÚú-e-d[i-a-ni]
 [. . . .a-š]i-ni-c-i URU[tu-uš-pa-n[i] [?]¹²
- 20]m]a-a-nu i-ni-ni gu-ur-da-a-ri¹³

(Следует свободное пространство, достаточное приблизительно для четырех строк).

- 21 [a]-lu-[še i]-ni [D]UB-te pi-i-tu-li-c
 [a]-lu-še hu-li-e
 [a-lu-še] qí-ú-ra-[a me-pu-li-c]
 [a-lu-še] A^{MEŠ} hu-šú-li-i-[e]
- 25 [a-lu-še] e-si-ni-c-i i-ri-du-l[i-c]
 [a-l]u-še D^{UTU}ka-i-ni šc-ir-du-l[i-c]
 [a]-lu-še a-i-ni-c-i i-ni-li du-li-[e]
 [ti]-i-ú-li-e tú-úr[i-e]
 [a]-lu-še ú-li-e-še ti-i-ú-li-[e]
- 30 ¹⁵ [i-e-š]e za-a-du-ú-bi me-i-ni D^hal-[di-šc]
 [D]M^DUTU ku-ú-li-tú-ni
 [me-i ti-i]-ni me-i zi-li-b[i-i]
 [qi-ú-ra]-i-c-di[.]
 [.]

Лицевая сторона. Богу Халди, владыке¹⁶: Ишпуини, сын Сардури, (и) Менуа, сын Ишпуини, отбросили¹⁷ (племя) Луша, (племя) Катарза. . . дошли (?) они до городов Анаше (и) Большое Кукуру. . . Уитерухи, Луша, Катарза; подкрепления (?) царей страны Этиухи пришли (им)¹⁸ на помощь.

Бог Халди выступил (в поход) со своим оружием (?)¹⁹ против Уитерухи, против Луша, против Катарза, против царей страны Этиухи. Халди могуч, оружие (?) бога Халди — могучес.

Выступили (в поход) Ишпуини, сын Сардури, (и) Менуа, сын Ишпуини; отбросили (они) племя Уитерухи, племя Луша, племя Катарза, (а также)

подкрепления (?) многочисленных царей страны Этиухи...²⁰; список (?)²¹ пришел оттуда в город Анаше:... тысяч 720 мужчин (?)²²,... тысяч 670 женщин,... сот 26 коней, 13540 голов крупного рогатого скота, 20785 голов мелкого рогатого скота...²³.

Оборотная сторона. ... Город Анаше ... Утеруки, Луша, Катарза; подкрепления (?) царей страны Этиухи пришли (им)¹⁸ на помощь.

Бог Халди выступил (в поход) со своим оружием (?)¹⁹ против Утеруки, против Луша, против Катарза, против царей страны Этиухи. Халди могуч, оружие (?) бога Халди — могучее.

Выступили (в поход) Ишпуини, сын Сардури, (и) Менуа, сын Ишпуини; отбросили (они) племя Утеруки, племя Луша, племя Катарза, (а также) подкрепления (?) многочисленных царей страны Этиухи...²⁰; список (?)²¹ пришел оттуда в город Анаше:... тысяч 720 мужчин (?)²²,... тысяч 670 женщин,... сот 26 коней, 13540 голов крупного рогатого скота, 20785 голов мелкого рогатого скота...²³.

Кто эту надпись разобьет, кто (ее) (отсюда) похитит, кто в землю зарост, кто в воду бросит, кто (ее) место переменил, кто (ее) от солнца скроет²⁴, кто кого-нибудь заставит совершить эти (дела), скажет (ему) «уничтожь (надпись)!», кто другой скажет: «я совершил (эти деяния)», пусть его Халди, Тейшеба, Шивини не оставят на земле, (а также) ни (его) имя, ни (его) семя.

¹ Возможно, не та, а окончание какого-нибудь другого знака, например: ad/t, ki, ku, la, tu, tu.

² Сохранился оканчивающий знак вертикальный клин.

³ Сохранился начинающий знак комплекс (рис. 31 табл. V); возможно: li, tu или la, не исключено и še.

⁴ В стк. 9—10 поврежденные места восстанавливаются в соответствии с параллельным местом в надписи № 23, стк. 4, где, повидимому, речь идет об этом же походе царя Ишпуини и Менуа (ср. также № 21, стк. 19).

⁵ Может быть, не ku, а ki или tu.

⁶ На эстампаже (см. СICh, табл. 4) в этой строке различаются несколько знаков (рис. 32); в СICh даются следующие чтения этой строки: [1] ri x ma []ru tar; М. Церетели здесь читает: [a]r-ni na-[a]-ru tar-[a-e] (РА, XXXII, стр. 72); нам кажется чтение М. Церетели неприемлемым: в этой строке, вероятно, говорилось о том же, о чем в 20-й строке надписи № 21, повествующей об этом же походе Ишпуини и Менуа, где в конце строки различаются знаки: ku (?) (рис. 33) qu ru [2—3 знака]. По контексту скорее всего можно усмотреть наименование какого-нибудь пункта («города»); на этом основании и даются наши восстановления в этой надписи, а также в 20-й строке надписи № 21.

⁷ Перед ni повреждены два знака; последний из них оканчивался вертикальным клином.

⁸ В СICh: [ú-ú], по длю восстановления двух знаков здесь вряд ли найдется место.

⁹ В СICh ошибочно восстановлено: [li].

¹⁰ Восстанавливает М. Церетели (РА, XXXII (1936), стр. 100).

¹¹ М. Церетели восстанавливает: ku-[lu] и усматривает в этом слове понятие «человек» (РА, XXXII, стр. 67). В отношении общего значения можно согласиться с этим мнением — здесь, повидимому, упоминается определенная категория людей, — но с восстановленным знаком lu никак нельзя согласиться: в стк. 15 оборотной стороны отчетливо видны следы этого недостающего второго знака (рис. 34), что, конечно, никак не может быть lu; не исключена возможность усмотреть здесь идеограмму (рис. 35), которая, между прочим, засвидетельствована в значении ассирийского слова zikaru «мужской», «мужчина» (R. E. В r ü n n o w, A classified list of all simple and compound cuneiform ideographs . . . , № 10609 стр. 432).

¹² Возможно, здесь стоял еще один знак.

¹³ М. Церетели в стк. 40—43 читает: [a-li ka]-ani-ni LÚú-e-di-a-ni [LÚa-lu-e-ra]-a-ši-ni-e-i URUtu-uš-ра-a ERUM(?) ma-a-nu i-ni-ni gu-ur-da-[a]-ri-[e]) (РА, XXXII, стр. 68).

¹⁴ Очевидно, высечено по ошибке вместо знака LÚ.

¹⁵ Начиная с этой строки, на фотоснимке эстампажа надписи, опубликованном в СICh, ничего нельзя разобрать; транскрипция этих последних строк надписи

дается здесь на основании транскрипции, данной в *СICh* по копии, снятой с оригинала экспедицией Леманн-Гаупта и Белька.

¹⁶ Подразумевается, что деяние, о котором идет речь пиже, царь Ишпуви и его сын Мену совершили для бога Халди.

¹⁷ *suiduṭu*; речь идет, повидимому, о походе против напавших на урартские границы северных племен У(и)терухи, Луша и Катарза, к которым присоединились вожди («цари») многих других, более мелких, политических образований Этиухи (т. е. Южного Закавказья).

¹⁸ Т. е. племенам У(и)терухи, Луша, Катарза.

¹⁹ «Со своим оружием» — букв. «в своем оружии» (форма дательного падежа в значении местного падежа — см. выше, в грамматическом очерке).

²⁰ Смысл пропущенного нами в переводе места *u meṛi ipḫari šeirli*, возможно, состоит в указании на то, что имелись еще пленные и добыча, захваченные верх тех пленными и добычи, список которых был доставлен («пришел») в город Анаше, повидимому, являвшийся главной базой урартского войска во время этой военной экспедиции. Фразу *u meṛi ipḫari šeirli* М. Церетели переводит следующим образом: «Добыча была разделена» (*РА*, XXXIII, стр. 100).

²¹ Букв.: «надпись», «документ» (*DUB-te*) (ср. М. Церетели, *РА*, XXXIII (1936), стр. 100).

²² См. прим. 11.

²³ Смысл пропущенного здесь нами в переводе места (стр. 40—43 лицевой стороны и стр. 18—20 оборотной стороны) трудно установить. Этот комплекс встречается и в других надписях (№№ 24, 35, 38) и в нем, по всей вероятности, речь идет о судьбе (определенной части?) захваченной на войне добычи и пленных.

²⁴ «От солнца скроет» — букв.: «Отделит перед солнцем».

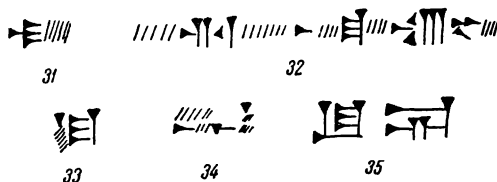

Таблица V. Рис. 31—35

21.

Надпись на камне (стеле?). Найдена в церкви Сурб Ованес сел. Гюсненц, севернее Вана. *СICh*, 14, рис. 4 (стр. 35) (Ф, Т); И. П. Мещанинов, *ДАН*, В (1930), № 2: стр. 32—37 (А, Т₂ II); J. Friedrich, *Einführung*, № 10 (Т, II).

- 1 [D]hal-di-i-e e-ú-ri-i-c^Iš-pu-ú-i-ni-[šc]
 [I]^Dsar₃-du-ri-c-ḫi-ni-šc^Ime-nu-ú-a-[šc]
 [I]š-pu-ú-i-ni-ḫi-ni-šc i-ni pu-lu-si-^re'¹
 [k]u-ú-i-tú-ú [D]hal-di-ni uš-ta-a-b[i]
- 5 [m]a-si-ni-e^{GIŠ}šú-ri-^re' ka-ru-ni^Iú-i-tè-ru-ḫ[i]
 [k]a-ru-ni^Ilu-ú-šá-a ka-ru-ni^Ika-a-tar-za-[a]
^rD^Ihal-di-ni ku-ru-ni^Dhal-di-ni^{GIŠ}šú-ri-[i]
 [k]u-ru-ni^Dhal-di-ni-ni uš-ma-a-ši-[ni]
 [u]š-ta-a-li^Ilu-šá-i-ni-e-[di]
- 10 [I]š-pu-ú-i-ni-ni^I^Dsar₃-du-ri-e-[ḫi]
 [I]me-nu-ú-a-ni^Iš-pu-ú-i-ni-[ḫi]
 [ma]-a-nu^Iš-pu-ú-i-ni ku-ru-ni^Ime-nu-ú-[a]
 [ku]-ru-ni ḫu-ra-di-na-a^ILX¹VI^{GIŠ}GIGIR [MEŠ]
 [...L]IM IV ME^ILX¹PIT.HAL.LU^{MEŠ}X LIM V LIM VII ME LX
 LÚ ZAB [MEŠ]

- 15 ^rú^l-lu-uš-ta-a-i-bi ^Dhal-di-[ni]
^[I]iš-pu-ú-i-ni-e ^{I D}sar₅-du-ri-e-^hi-ni-[e]
^[I]me-nu-ú-a ^Iiš-pu-ú-i-ni-e-^hi-ni-[e]
^[I]ú-i-tè-ru-^hi ^[I]lu-ú-šá-a ^Ika-a-tar-za-[a]
[^{su}-ú-i-du-tú-l]i ku-tè-tú pa-a-ri
20 [^{URU}a-na-ši-e pa-ri ^{URU}ku(?)²-qu-ru [tar-a-e]³

Богу Халди, владыке, Ишпуини, сын Сардури, (и) Менуа, сын Ишпуини, эту надпись воздвигли (?).

Бог Халди выступил (в поход) со своим оружием (?), победил он племя Уитерухи, победил племя Луша, победил племя Катарза. Халди могуч, оружие (?) бога Халди — могучее.

Могуществом бога Халди отправились (в поход) против Луша Ишпуини, сын Сардури, (и) Менуа, сын Ишпуини; был Ишпуини могуч, Менуа — могуч; в войске (их насчитывалось): 66 боевых колесниц, ... тысяч 460 всадников (и) 15.760 (пеших) воинов. Предшествовал (?) бог Халди Ишпуини, сыну Сардури, (и) Менуа, сыну Ишпуини. Отбросили (они) Уитерухи, Луша, Катарза; дошли (?) (они) до городов Анаше и Большое Кукуру...

¹ Так у Мещанинова и Фридриха; ССCh: ХХХ.

² Может быть, не ku, а ki или tu.

³ О наших восстановлениях в этой строке см. прим. 6 к надписи № 20.

22.

Надпись на верхней части стелы, найдена в церкви Сурб Погос в Ване. Надпись является дубликатом предыдущей надписи (№ 21).

Издана И. И. Мещаниновым, ДАН, В (1930), № 8, стр. 143—146 (А, Т, П).

- 1 [^Dhal-di-i-e [e-ú-ri-i-e ^Iiš-pu-ú-i-n[i-še]
^[I]^Dsar₅-du-ri-e-^hi-n[i-še] ^Ime-i-nu-ú-a-[še]
^[I]iš-pu-ú-i-ni-[^hi-ni]-še i-ni pu-lu-si-^re¹
[ku]-ú-i-tú-ú-[ni ^Dhal]-di-ni uš-ta-a-b[i]
5 [ma]-si-ni-e ^{GIŠ}šú-ri-^re¹ [ka]-ru-ni ^Iú-i-tè-r [u]
[ka]-ru-ni ^Ilu-ú-šá-[a] [ka]-ru-ni ^Ika-a-tar-za-^ra¹
^[D]hal-di-ni ku-ru-ni ^Dhal]-di-ni ^{GIŠ}šú-ri-i
[ku]-ru-ni ^Dhal]-di-ni-ni uš-ma-a-ši-ni
[u]š-ta-a-l[i] [^Ilu-šá-i-ni-e-d [i]
10 [^Iiš-pu-ú-i-ni-ni
^[I D]sar₅-du-ri-e-[^hi]
^[I]me-nu-ú-a-ni ^Iiš-pu-ú-i-ni-[^hi]
[ma]-a-nú ^Iiš-pu-ú-i-[ni]
[ku]-ru-ni ^Ime-nu-a ku-ru-[ni]
15 [hu]-ra-di-na-a ^rLX¹ ^rV¹^{GIŠ}GIGIR^[MEŠ]
[... LIM] IV ME ^rLX¹ PIT. HAL.LU^[MEŠ]
[X LIM] V LIM VII ME LX^L[^úZAB^[MEŠ]
[ú-lu]-u[š]-t[a]-[a-i-bi]

Богу Халди, владыке, Ишпуини, сын Сардури, (и) Менуа, сын Ишпуини, эту надпись воздвигли (?).

Бог Халди выступил (в поход) со своим оружием (?), победил он племя Уитеру, победил племя Луша, победил племя Катарза. Халди могуч, оружие (?) бога Халди — могучее.

Могуществом бога Халди выступили (в поход) против Луша Ишпуини, сын Сардури, (и) Менуа, сын Ишпуини; был Ишпуини могуч, Менуа могуч; в войске (их насчитывалось): 66 боевых колесниц, ... тысяч 460 всадников, 15.760 (пеших) воинов. Предшествовал (?) (бог Халди)...

23.

Фрагмент надписи, высеченной на строительном камне. Камень был заложен в кладку стены армянской школы в селении Топрах-кале, близ Алашкерта; в свое время он, несомненно, находился в кладке стены урартского сооружения. Текст, высеченный на нем, образовал лишь верхний левый угол надписи, которая, вероятно, продолжалась на соседних камнях, находившихся в кладке стены налево, а также ниже этого камня.

Н. Я. Марр, «Известия РАИМК», т. I (1921), стр. 51—60 (А, Т, П); СICh, 28 (Ф, Т). В СICh она издана как надпись, принадлежащая царю Менуа. Но, несомненно, это — надпись дарей Ишпуини и Менуа и повествует о том же походе против стран Луша, Катарза и Уитерухи, о котором речь идет в надписях № 20, 21, 22 (об этом говорит 4-я строка надписи, аналогичная стк. 9—10 лиц. стор. надписи № 20; ср. 20, оборотн. стор., стк. 1; 21, стк. 19—20). С привлечением текста этих последних мы и восстанавливаем продолжение строк данной надписи.

- 1 ^rD^hal-di-ni uš-[t]a-be ma-[si-ni-e GIŠšú-ri-e ka-ru-ni ^llu-ú-šá-a ka-ru-ni
^lka-tar-za-a ka-ru-ni ^lú-i-tè-ru-hi]
- 2 ^rD^hal-di-ni ku-[r]u-ni ^Dhal-[di-ni GIŠšú-ri-i ku-ru-ni ^Dhal-di-ni-ni uš-ma-
ši-ni uš-ta-li ^liš-pu-ú-i-ni ^lDsar₅-du-ri-hi]
- 3 [^lme-nu-a-ni ^liš-pu-u-i-[ni-hi su-ú-i-du-tú ^llu-ú-šá-a ^lka-a-tar-za-a.....]
- 4 ku-^{ti}1-tú pa-ri ^{URU}Ua-na-ši-e-i [.....]

Бог Халди выступил (в поход) со своим оружием (?), победил он племя Луша, победил племя Катарза, победил племя Уитерухи. Халди могуч, оружие (?) бога Халди — могучее.

Могуществом бога Халди выступили (в поход) Ишпуини, сын Сардури, (и) Менуа, сын Ишпуини; отбросили (они) племена Луша, Катарза... дошли (?) (они) до города Анаше...

¹ В издании Н. Я. Марра, а также в СICh, этот знак ошибочно транскрибируется как hi.

24.

Харагонис (турецк. Карагюндюз) у Ерчек-гёла, восточнее Вана. Надпись на обеих сторонах большой стелы, нижняя часть которой отломана.

СICh, 15, табл. 43, 44 (Ф, Т). В нашем распоряжении находился также эстампаж обеих сторон стелы, хранящийся в Гос. Музее Грузии.

Лицевая сторона

- 1 ^Dhal-di-i-e e-ú-ri-i-e
^liš-pu-ú-i-ni-še ^lD sar₅-du-ri-hi-ni-še
^lme-i-nu-ú-a-še ^liš-pu-ú-i-ni-hi-ni-še
i-ni pu-lu-si-e ku-ú-i-tu-ú-ni
- 5 [^Dhal-di-ni uš-ta-bi ma-s[i-ni-e GIŠšú-ri-e
[k]a-ru-ni ^{URU}me-iš-ta-n[i] ka-r[u]-ni ^{KUR}bar-šú-a-i
[^{KUR}]e-ba-a-ni-i ^Dhal-d[i]-ni ku-ru-ni
^Dhal-di-ni GIŠšú-ri-i ku-ru-ni
^Dhal-di-ni-ni uš-ma-a-ši-i-ni

- 10 uš-ta-a-li URUme-e-iš-ta-a-e-d[i]
 [I]iš-pu-ú-i-ni-ni ^{1D}[sar₅-du]-ri-e-hé
 [I]me-i-nu-ú-a-ni ¹iš-pu-ú-i-ni-e-hé
 [ma]-a-nu ¹iš-[pu]-ú-i-ni ku-ru-ni ¹me-nu-ú-a ku-ru-[ni]
 [L^U]h_u-ra-di-na-a I ME VI G^{IŠ}GIGIR IX [LIM] I (?)¹ ME LXXIV PIT. HAL.
 L[^UMEŠ]
- 15 II LIM VII ME IVLÚZAB^{MEŠ} GÌR^{II2} MEŠ ú-[lu]-uš-[ta-a-bi ^Dhal-di-ni]
 [I]iš-pu-ú-i-ni-e ^{1D}[sar₅-du-ri]-hi-ni-^re¹³
 [I]me-i-n[u]-ú-a ¹iš-pu-ú-i-n[i]-e-hi-ni-^re¹³
 [h_a]⁴-a-i-tú URUme-i[š]-ta-a-ni URUqu-ú-a-n[i]
 [^{UR}]Ušá-a-ri-tú-ni URUⁿⁱ-i-gi-bi-i-n[i]
 20 [KUR]bar-šú-a-i KUR-ni nu-n[a]-[li] i[š]-t[i]-n[i]-n[i]⁵
 [.....LIM] IV ME LXXXIII⁶ [.....] [LI] M[.....] ME [...]
 [.....] LIM VI LIM VI ME⁷ [.....] MEŠ[.....]⁸MEŠ^I LIM I ME XX ANŠU. KUR.
 RA [MEŠ]
 [X LIM] II LIM G^{UD}pa-a-hi-ni [...] ⁹[L]IM LXV ANŠU. A. AB. BA[MEŠ]
 [...]a-ti-bi V LIM UDUMES^D hal-di-ni-ni uš-ma-ši-ni
 25 [i-n]a-ni pa-ar-tú-ú ¹iš-pu-ú-i-ni-[še]
 [I]rDsar₅-du-ri-e-hi-ni-še ¹[me-nu-a]-še ¹iš-pu-ú-[i-ni-hi-ni-še]
 [me]¹⁰-i a-li¹¹ KUR. KUR¹² MEŠ(?) -a še-i-ri-du-tú
 [i]-ú É. GAL^{MEŠ} áš-ú-[la-a-ni]¹³ ... -am-ni] L^Uú-e-di-a-[ni]
 [...]a-ši-ni-[e-i] URU^{tu}u-š-pa-i¹⁴ [...]
 30 [ma-a]-nu-ú i-ni-[ni gu-ur-da]-ri-^re¹⁴
 [^D]hal-di-i-e e-ú-ri-i-[e]
 [I]iš-pu-ú-i-ni-[še] ^{ID}sar₅-du-ri-hi-ni-[še]
 [^Ime]-i-nu-ú-a-še ¹iš-pu-ú-i-ni-hi-ni-[še]
 [i]-ni pu-lu-si-[e k]u-ú-i-tu-ú-[ni]
 35 [^D]hal-di-ni uš-ta-[bi ma]-si-ni-e G^{IŠ}šú-ri-[e]
 [ka]-ru-ni URUme-iš-[ta-ni k]a-ru-ni KURbar-šú-a-[i]
 [KUR]e-ba-a-ni-i ^Dhal-di-ni ku-ru-[ni]
 [^D]hal-di-ni G^{IŠ}šú-ri-i ku-ru-[ni]
 [^D]hal-di-ni-ni uš-ma-a-ši-i-ni
 40 [u]š-ta-a-li URUme-[e]-iš-[ta-a]-e-[di]
 [I]iš-pu-ú-i-[ni-i-ni] ^{ID}sar₅-du-ri-e-hé
 [^Ime]-i-nu-ú-a-[ni] ¹iš-pu-ú]-i-ni-e-hé
 [ma-a]-nu ¹iš-pu-ú-i-ni [ku-ru-ni ¹me-nu-ú-a] ku-ru-[ni]
 [L^Uh]u-ra-di-na-a IME [VI^GIŠGIGIR IX LIM I (?)¹ ME LXXIV PIT.
 HAL. LUMES[]]

Оборотная сторона

- 1 [^Dh]al-di-i-e e-ú-ri-i-e
 [I]iš-pu-ú-i-ni-še ^{1D}sar₅-du-ri-hi-ni-[še]
¹me-i-nu-ú-a-še ¹iš-pu-ú-i-ni-hi-ni-še
 [i-ni] pu-lu-si-e ku-ú-i-tu-ú-[ni]
 5 [^Dhal]-di-ni uš-ta-bi ma-si-ni-e G^{IŠ}šú-ri-e
 [ka-r]u-ni URUme-[i]š-ta-n[i]
 [ka-r]u-ni KURbar-šú-a-i KURe-ba-a-ni-i
 [^Dhal]-di-ni ku-ru-ni ^Dhal-di-[ni]
 [G^{IŠ}]šú-ri-i ku-ru-ni

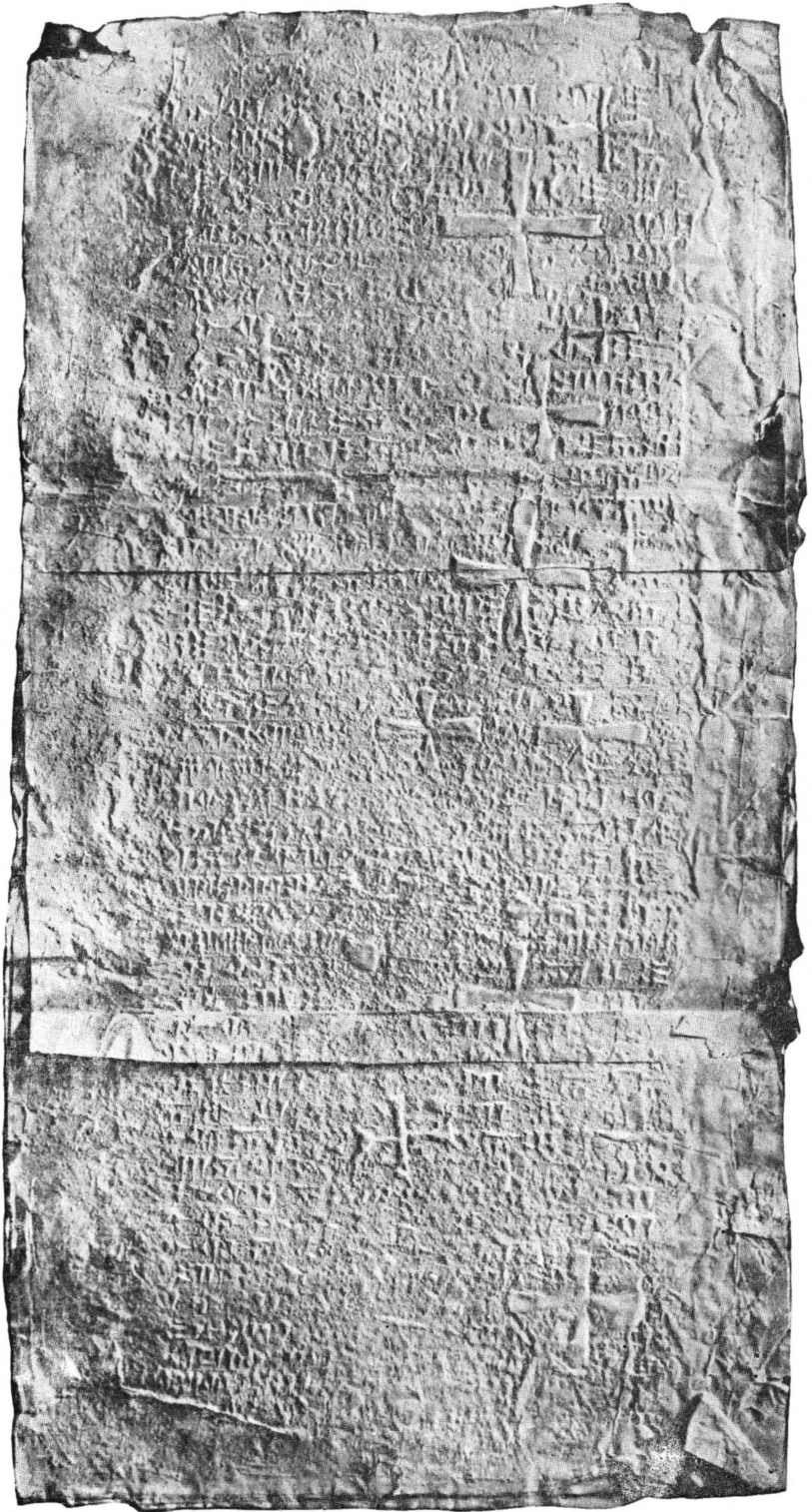

Фото № 3. Надпись № 24 лицевая сторона. Эстампаж музея Грузии
Вестник древней истории, № 1

Фото 4. Надпись № 24 обратная сторона. Эстампаж музея Грузии

- 10 [Dhal]-di-ni-ni uš-ma-a-ši-i-ni
 [uš]-ta-a-li URUME-iš-ta-a-e-di
 [I]š-pu-ú-i-ni-ni I^Dsar₅-du-ri-e-hé
 [me]-i-nu-ú-a-ni Iš-pu-ú-i-ni-e-[hé]
 [ma-a]-nu Iš-pu-ú-i-ni ku-ru-n[i]
- 15 [I]me-i-nu-ú-a-ni ku-ru-n[i]
 [L^U]hu-ra-di-na-[a] I ME VI GIŠGI[GIR]
 [IX LIM I (?)¹ MELXXIV] PIT. HAL. [LUMES³]
 II LIM VII ME IVL[^UZAB]MES³GIRII² [MES³]
 [ú]-lu-[uš]-ta-bi Dhal-di-ni
- 20 [I]š-pu-ú-i-ni-e I^Dsar₅-du-ri-hi-ni-[e]³
 [I]me-i-nu-ú-a Iš-pu-ú-i-ni-e-[hi-ni-e]³
 [ha⁴-a-i-t]ú URUME-iš-ta-a-ni URUqu-ú-a-[ni]
 [URU]šá-a-ri-tú-ni URU^Uni-i-gi-bi-i-[ni]
 [KUR]bar-šú]-a-i KUR^e-ba-a-[ni-i]
- 25 [nu-na]-a-li [iš]-ti-i-ni-[ni]⁵
 [...L]M IV ME L(?) III¹⁵ [...]
 [...L]IM VII [IM] VI ME [.....] MES³ [...]
 [I LJM] I ME XX ANŠU. KUR. RA^{MES³}X LIM II LIM GUDpa-hi-n[i]
 [...] LIM LXV ANŠU. A. AB. BA^{MES³}
- 30 [...]¹⁶ a-ti-bi V [LI]M UDUM^[EŠ³]
 [Dh]al-di-ni-ni uš-ma-ši-ni i-na-ni pa-ar-tú-[ú]
 [I]š-pu-ú-i-ni-še I^Dsar₅-du-ri-e-hi-ni-še
 [I]me-nu-a-še Iš-pu-ú-i-ni-hi-ni-[še]
 [me]¹⁰-i a-li KUR.KUR^{MES³}(?)-a še-i-ri-du-tú [...]
- 35 [i]-ú É.GAL^{MES³} áš-ú-la-a-n[i]¹³
 [...] am-ni L^Uú-e-di-a-ni
 [...] a-ši-ni-e-i URUtu-uš-pa-i [...]
 [ma]-a-nu-ú i-ni-ni gu-ur-da-ri-^e¹⁷
 [.....]

Лицевая сторона

Богу Халди, владыке, Ишпуини, сын Сардури, (и) Менуа, сын Ишпуини, эту надпись воздвигли (?).

Бог Халди выступил (в поход) со своим оружием (?), победил он город Меишта, победил страну Баршуа. Халди могуч, оружие (?) бога Халди — могучее.

Могуществом бога Халди выступили (в поход) на город Меишта Ишпуини, сын Сардури, (и) Менуа, сын Ишпуини; был Ишпуини могуч, Менуа — могуч; в войске (их насчитывалось): 106 боевых колесниц, 9.174 всадника, 2.704 пеших воина. Предшествовал (?) бог Халди Ишпуини, сыну Сардури, (и) Менуа, сыну Ишпуини. Завоевали они города Меишта, Куа, Шариту, Нигиби, (города) страны Баршуа. Досталось (букв. пришли) оттуда: ... тысяч 483 ... тысяч ... сот ... тысяч 6.600 ... 1.120 коней, 12000 голов крупного рогатого скота ... тысяч 65 верблюдов ... десять тысяч + 5000 голов мелкого рогатого скота. Могуществом бога Халди это увели Ишпуини, сын Сардури, (и) Менуа, сын Ишпуини; но что они выделили странам, когда они оставляли (завоеванные) крепости ¹⁸ ... ¹⁹

Богу Халди, владыке, Ишпуини, сын Сардури, (и) Менуа, сын Ишпуини, эту надпись воздвигли (?).

Бог Халди выступил (в поход) со своим оружием (?), победил он город Меишта, победил страну Баршуа. Халди могуч, оружие (?) бога Халди — могучее.

Могуществом бога Халди отправились (в поход) на город Меишта Ишпуини, сын Сардури, (и) Менуа, сын Ишпуини; был Ишпуини могуч, Менуа могуч; в войске (их насчитывалось): 106 боевых колесниц, 9.174 всадника ...

Оборотная сторона

Богу Халди, владыке, Ишпуини, сын Сардури, (и) Менуа, сын Ишпуини, эту надпись воздвигли (?).

Бог Халди выступил (в поход) со своим оружием (?), победил он город Меишта, победил страну Баршуа. Халди могуч, оружие (?) бога Халди — могучее.

Могуществом бога Халди отправились (в поход) на город Меишта Ишпуини, сын Сардури, (и) Менуа, сын Ишпуини; был Ишпуини могуч, Менуа могуч; в войске (их насчитывалось): 106 боевых колесниц, 9.174 всадника, 2704 пеших воина. Предшествовал (?) бог Халди Ишпуини, сыну Сардури, (и) Менуа, сыну Ишпуини. Завоевали они города Меишта, Куа, Шариту, Нигиби, (города) страны Баршуа. Досталось (букв. пришли) оттуда ... тысяч 453 ... тысяч 6600 ... 1.120 коней, 12.000 голов крупного рогатого скота ... тысяч 65 верблюдов ... десять тысяч + 5.000 голов мелкого рогатого скота. Могуществом бога Халди это увели Ишпуини, сын Сардури, (и) Менуа, сын Ишпуини, но что они выделили странам, когда они оставляли (завоеванные) крепости¹⁸ ...¹⁹.

¹ В СICh справедливо указывается на возможность присутствия здесь еще одного или двух вертикальных клиньев; тогда мы будем иметь не «I», а «II» или «III».

² В СICh этот знак ошибочно читается как идеограмма qaštu — «лук» (AMĒLUŠĀBÊ^{pl} QASĀTI^{pl} — «лучники»), в то время как здесь, несомненно, стоит идеограмма «нога» — GĪR^{II} (т. е. LÚZABMEŠ GĪR^{II}MEŠ — «пешие войны»).

³ В СICh не восстанавливается; лишь в примечании указывается на возможность присутствия здесь знака e или ni (рис. 36, табл. VI); так как здесь контекст требует постановки соответствующих имен в дательном падеже, то с полным основанием можно восстановить форматив дательного падежа «e».

⁴ В СICh не восстановлено.

⁵ nunalī ištīnīni — наше восстановление. В СICh: ni xxxx ni -x; после ni довольно отчетливо видны следы знака na; при повторении, на оборотной стороне стелы в этом месте можно разобрать: ...a li... ti i ni... Все это, а также аналогичное место в надписи № 20, лиц. стор., стк. 35, подтверждает правильность нашего восстановления.

⁶ Вслед за этим в СICh отмечается присутствие какого-то неразбираемого знака и идеограммы GUD — «бык», «крупный рогатый скот». Оставшиеся следы знаков не дают никакого основания для восстановления здесь этой идеограммы; это противоречит и контексту, так как среди добычи крупный рогатый скот упоминается несколько ниже (стк. 23). В этой и следующей (22-й) строках скорее всего указывается число пленных.

⁷ Вслед за этим в СICh стоит идеограмма «женщины» (SAL), но на фотоснимке (СICh, табл. 43, 44), так же как и на эстампаже Музея Грузии, этот знак нельзя разобрать.

⁸ Перед этим знаком в СICh транскрибируется: [] LÚ, но и этот знак на фотоснимке невозможно разобрать.

⁹ В СICh указано, что перед LIM можно предполагать присутствие знака для «III» или «IV».

¹⁰ Восстановил М. Церетели (РА, XXXIII (1936), стр. 136).

¹¹ В СICh ошибочно: tu.

¹² В СICh ошибочно: ANŠU. KUR. RA — «конь».

¹³ Так можно восстановить эту строку на основании широко распространенной в победных надписях формулы: iu ebani ašulabi, и на этом же основании знак 37-й тбл. VI прочесть не как te, а как la (и в других случаях la иногда имеет такую

же форму) (ср. RA, XXXIII (1936), стр. 120, 132). В CICH здесь транскрибируется: [1—2] ú É. GAL áš ú te a ni.

¹⁴ Вслед за ги, как указывается в CICH, можно различить следы еще одного знака (рис. 38).

¹⁵ В параллельном месте на лицевой стороне стелы (стк. 21) стоит цифра: LXXXIII; возможно, одна из них — ошибка писца. В данной строке на фотоснимке ясно различаются следы какого-то знака (рис. 39) (L?, или может быть, LX?). Следующие за этим знаки в этой строке трудно разобрать. В CICH указывается: x x še [----].

¹⁶ В CICH перед этим указывается еще: [] 10, но на фотоснимке (CICH, табл. 44) ничего нельзя разобрать.

¹⁷ На эстампаже Музея Грузии различается знак 40 табл. VI.

¹⁸ Возможно, здесь речь идет о выделении царем части добычи и пленных тем «странам» (областям), воины которых участвовали в данном походе (см. Г. А. Меликишвили, ВДИ, 1951, № 4, стр. 37).

¹⁹ В конце надписи и здесь (так же как в надписи № 20) стоит формула, точный смысл которой трудно установить. В ней, по всей вероятности, речь идет о судьбе (определенной части?) захваченной во время похода добычи и пленных (ср. № 20, прим 23).

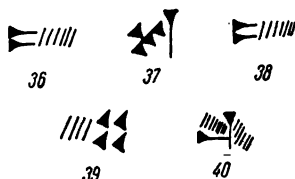

Таблица VI. Рис. 36—40

25.

Ашотакерт (Ашрут-дарга), около сел. Паган, у истока р. Котур (юго-восточнее Вана). Надпись на верхней части ниши, высеченной в скале.

D. H. Müller, Die Keil-Inschrift von Aschut-Darga, Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Classe, т. 36, Wien, 1888, Zweite Abteilung, стр. 1—26 (Ф, А, Т, II); Sayce в журн. «Muséon», V (1886), стр. 374—378 (А, Т, II); Sayce, 58 (JRAS, XX, 1888) (Т, II); Sandalgian, 43 (Т, II); CICH, 16, табл. 6 (Ф, Т).

- I 1 ^Dhal-di-i-e e-ú-ri-i-e ^Iiš-pu-ú-i-ni-še ^IDsar₅-du-ri-e-hi-ni-še ^Ime-nu-a-še
^Iiš-pu-ú-i-ni-hi-ni-še
- 2 ^Dhal-di-e-i su-si ši-di-iš-tú-ni ^Dhal-di-ni-ni uš-ma-ši-ni ^Iiš-pu-ú-i-ni-ni
^IDsar₅-du-ri-e-hé
- 3 LUGÁL DAN. NU LUGÁL al-su-i-ni LUGÁL ^{KUR}bi-i-a-i-na-ú-e
a-lu-si ^{URU}tu-uš-pa-a-URU te-ru-ú-ni ar-di-še
- 4 qu-du-la-a-ni šú-hi na-a-ši-e UDU. MÁŠ. TUR ^Dhal-di-e ni-ip-si-du-li-ni
GUD ^Dhal-di-e
- 5 ur-pu-ú-li-ni ^{GUD}ÁB ^Dú-a-ru-ba-ni-e UDU ^Dhal-di-na-ú-e KÁ UDU
^Dhal-di-na-ú-e BE. LI^{MEŠ}
- II 6 ^Dhal-di-i-e e-ú-ri-i-e ^Iiš-pu-ú-i-ni-še ^IDsar₅-du-ri-e-hi-ni-še ^Ime-nu-a-še
^Iiš-pu-ú-i-ni-hi-ni-še
- 7 ^Dhal-di-e-i su-si ši-di-iš-tú-ni ^Dhal-di-ni-ni uš-ma-ši-ni ^Iiš-pu-ú-i-ni-ni
^IDsar₅-du-ri-e-hé
- 8 LUGÁL DAN. NU LUGÁL al-su-i-ni LUGÁL ^{KUR}bi-i-a-i-na-ú-e
a-lu-si ^{URU}tu-uš-pa-a-URU te-ru-ú-ni ar-di-še
- 9 qu-du-la-a-ni šú-hi na-a-ši-e UDU. MÁŠ. TUR ^Dhal-di-e ni-ip-si-du-li-ni
GUD ^Dhal-di-e

10 ur-pu-ú-li-ni ^{GUD}ÁB ^Dú-a-ru-ba-ni-e UDU ^Dhal-di-na-ú-e KÁ UDU
^Dhal-di-na-ú-e BE. LIMES

Богу Халди, владыке, Ишпуини, сын Сардури, (и) Менуа, сын Ишпуини, построили susi бога Халди. Могуществом бога Халди Ишпуини, сын Сардури, царь могущественный, царь великий, царь страны Бианили, правитель Тушпа-города, установил (он) приказ:...¹ для бога Халди пусть будет зарезан (?) козленок, (а также) бык пусть будет принесен в жертву богу Халди, корова — богине² Уарубани, овца — воротам бога Халди (и) овца — оружию бога Халди.

(Повторяется дважды)

¹ Оставлены нами без перевода слова qudulani šuḫi naše (может быть: šuḫināše?). Гётте переводит: «in order that it should be followed (?) over the...» (RHA, 24 (1936), стр. 279 сл.).

² См. надпись № 27, прим. 22.

26.

Мохраберд, у южного побережья Ванского озера; надпись на строительном камне кубической формы (см. Velck, VBAĞ, 1901, стр. 290).

Н. Я. Марр, ЗВО, XXIV (1917), стр. 112 сл., табл. 2₁₋₂ (Ф, А, Т, П); CICH, 17, рис. 5 (стб. 39) (Ф, Т).

I 1 [^Dhal-d]i-e e-ú-ri-[e]
 [^Iiš]-pu-ú-i-ni-še
 [^Isa₅]-du-ri-e-ḫi-ni-še
 [^Ime-nu-a]-še ^Iiš-pu-ú-i-ni-ḫi-ni-še
 5 [.....] i-ni-li KÁ ši-diš (?)¹-tú-li
 [.....] ar-pa-a-ú-[e?]²

II [^Dhal-d]i-e e-ú-ri-e
 [^Iiš]-pu-ú-i-ni-še
 [^Isa₅]-du-ri-e-ḫi-ni-še
 10 [^Ime-nu-a-še ^Ii]š-pu-ú-i-ni-ḫi-ni-še
 [..... i-ni-l]i KÁ ši-diš (?)¹-tú-li
 [..... ar-p]a-a-ú-[e?]²

Богу Халди, владыке, Ишпуини, сын Сардури, (и) Менуа, сын Ишпуини, ... эти ворота построили...

(Повторяется дважды)

¹ Так у И. М. Дьяконова (ЭВ, IV, стр. 104, прим. 4); Н. Я. Марр: áš; Леманн-Гаупт: di-iš.

² Восстанавливается нами по надписи № 89, стк. 8.

27.

Мхер-капуси («Дверь Мхера»). Надпись на стене ниши, высеченной в скале на юго-западной стороне Зымзымдага, около Вана.

Schulz, 17(A); Saucе, 5 (Т, II); Sandalgian, 42—42* (Т, П); CICH, 18, табл. 7, 8, 9, 10 (Ф, Т).

I 1 [^Dhal-di-e e-ú-ri-i-e ^Iiš-pu-ú-i-ni-še ^Isa₅-du-ri-e-ḫi-ni-še ^Ime-nu-ú-a-še

- ⁱ[š]-pu-ú-i-ni-hi-ni-še i-ni-li KÁ za-a-du-ú-a-li te-ru-ni ar-di-še ^DUTU
 ITU a-šu-še ma-nu-še
^Dhal-di-e-i ^DIM ^DUTU DINGIR^{MEŠ} UKKIN^{MEŠ} VI UDU. MÁŠ. TUR
^Dhal-di-e ni-ip-si-di-'a-a-li
 XVII GUD^{MEŠ} XXXIV UDU^{MEŠ} ^Dhal-di-e ur-pu-ú-e ^DIM VI GUD XII
 UDU^{MEŠ} ^DUTU IV GUD VIII UDU^{MEŠ}
- 5 ^Dhu-tu-i-ni-e II GUD IV UDU^{MEŠ} ^Dtu-ra-ni-i-e GUD II UDU^{MEŠ}
^Dú-a II GUD IV UDU^{MEŠ} ^Dna-la-i-ni-e II GUD IV UDU ^Dše-bi-tú-ú-e
 II GUD IV UDU ^Dar-si-me-la II GUD IV UDU
^Da-na-ap-šá-a GUD II UDU ^Ddi-du-a-i-ni GUD II UDU ^DSIN GUD
 II UDU ^Dhal-di-na-ú-e BE.LI^{MEŠ} GUD II UDU^{MEŠ}
^Dat-bi-ni-i-e GUD II UDU ^Dqu-ú-e-ra-a GUD II UDU ^De-li-ip-ri-e
 GUD II UDU ^Dtar-ra-i-ni-e GUD II UDU^{MEŠ}
^Da-da-ru-ta-a GUD II UDU ^Dir-mu-ši-ni-e GUD II UDU DINGIR
 a-lu-še ú-ru-li-li ú-e-ši-ú-a-li GUD II UDU^{MEŠ}
- 10 ^Dal-ap-tú-ši-ni-e GUD II UDU ^De-ri-na-a GUD II UDU ^Dši-ni-ri-i-e
 GUD II UDU ^Dú-ni-na-a GUD II UDU^{MEŠ}
^Da-i-ra-i-ni-e GUD II UDU ^Dzu-zu-ma-ru-e GUD II UDU ^Dha-a-ra-a
 GUD II UDU ^Da-ra-za-a GUD II UDU ^Dzi-ú-qu-ni-e GUD II UDU
^Dú-ra-a GUD II UDU ^Dar-ši-be-di-ni-e GUD II UDU ^Dar-ni-i-e GUD
 II UDU ^Dhal-di-ni i-ni-ri-a-ši-e GUD II UDU^{MEŠ} ^Dhal-di-ni
 al-su-i-ši-e GUD II UDU^{MEŠ}
^Dhal-di-ni di-ru-ši-i-e GUD II UDU^{MEŠ} ^Dhal-di-na-ú-e LÚ.A.SI^{MEŠ} II
 GUD IV UDU^DIM LÚ.A.SI^{MEŠ} II GUD^{MEŠ} IV UDU^{MEŠ}
^Dar-tu-'a-ra-sa-ú-e II GUD^{MEŠ} XXXIV UDU^{MEŠ} URU ar-di-ni-na-ú-e
 DINGIR GUD II UDU^{MEŠ} URU qu-me-nu-na-ú-e DINGIR GUD II
 UDU^{MEŠ} URU tu-uš-pa-ni-na-ú-e DINGIR GUD II UDU^{MEŠ}
- 15 DINGIR^{MEŠ} ^Dhal-di-ni-ni URU-ni GUD II UDU^{MEŠ} DINGIR^{MEŠ}
 URU ar-šu-ni-ú-i-ni-ni GUD II UDU^{MEŠ} ^Dhal-di-ni da-ši-i-e GUD
 II UDU^{MEŠ} ^Dšú-ba-a GUD II UDU
^Dhal-di-na-ú-e KÁ GUD II UDU ^DIM KÁ URU e-ri-di-a-ni GUD II
 UDU^{MEŠ} ^DUTU KÁ URU ú-i-ši-ni-ni GUD II UDU^{MEŠ} ^De-li-a-'a-a
 GUD II UDU
^Dhal-di-ni ar-ni-i-e GUD II UDU^{MEŠ} ^Dhal-di-ni uš-ma-ši-i-e GUD II
 UDU DINGIR^{MEŠ} ^D(hal)-di-ni-ni su-si-ni GUD II UDU
^Dta-la-ap-ú-ra-a GUD II UDU ^Dqi-li-ba-ni GUD II UDU ^{KUR}e-ba-ni-
 n[a-ú-e] DINGIR GUD II UDU ^{ŠADU}al-ga-ni-na-ú-e DINGIR
 GUD II UDU
^Dšu-i-ni-na-ú-e DINGIR GUD II UDU^{MEŠ} [DINGIR]^{MEŠ} at-qa-na-na-ú-e
 II GUD^{MEŠ} XIV UDU ^D[..... r]a-ú-e II GUD XIV UDU
 DINGIR^{MEŠ} UKKIN^{MEŠ} IV GUD XVIII UDU^{MEŠ}

- 20 ^Dhal-di-ni ni-ri-bi-e IV UDU^{MEŠ} ^Dú-a-i-na-ú-e KÁ^{URU} ni-ši[...] ni II
 UDU^{MEŠ} šADU^{ba}-ba-na-ú-e X UDU
^D'a-a-ru-ba-i-ni-e ^{GUD}ÁB UDU ^Dhu¹-ba-a ^{GUD}ÁB UDU ^Dtu-uš-pu-e-a
^{GUD}ÁB UDU ^Da-ú-i-e ^{GUD}ÁB ^Da-i-a ^{GUD}ÁB
^Dsar-di-i-e ^{GUD}ÁB ^Dši-nu-ia-ar-di-e II UDU ^Dip-ħa-ri 'II' UDU ^Dbar-
 ši-i-a UDU ^Dsi-li-i-a UDU ^Dar-'a-a UDU
^Da-di-i-a UDU ^Dú-i-a UDU ^Da-a-i-na-ú-e IV UDU ^Dar-di-i-e II UDU
^Di-nu-a-na-ú-e XVII UDU
^Dhal-di-ni be-di-ni DINGIR^{MEŠ} UKKIN be-di-ni ma-ni-ni ul-gu-še
^Iiš-pu-ú-i-ni ^I^Dsar₅-du-ri-ħi-ni ^Ime-nu-a ^Iiš-pu-ú-i-ni-e-ħi-ni
- 25 ^Iiš-pu-ú-i-ni-še ^I^Dsar₅-du-ri-ħi-ni-še a-li ^Ime-nu-a-še ^Iiš-pu-ú-i-ni-ħi-
 ni-še [...] ^Dhal-di-ni be-di šá-ni qa-ab-qa-ri-li²-ni e-'a
 DINGIR^{MEŠ} UKKIN^{MEŠ}
 III GUD XXX UDU ú-i [...] šú la³-ku-ni a-lu-ké ar-di-ni hu-ru-la-i
 [ši-li] gu-li ti-šú-ul-du-li-ni
^Iiš-pu-ú-i-ni-še ^I^Dsar₅-du-ri-ħi-ni-še ^Ime-nu-ú-a-še ^Iiš-pu-ú-i-ni-[ħi-ni-
 še] ^{GIŠ}ul-di-e šú-ħé te-ru-ni ^Dhal-di-e ku⁴-ú-e
^{GIŠ}za-a-ri šú-ħé te-ru-ni ú-i gi-e-i iš-ti-n [i ši-i-d]a⁶-ú-ri ^Iiš-pu-ú-i-
 ni-še ^I^Dsar₅-du-ri-ħi-ni-še
^Ime-nu-ú-a-še ^Iiš-pu-ú-i-ni-ħi-ni-še bur-ga-na-ni šú-ħé te-ru-ni te-ru-ni
 ar-di-še a-še ^{GIŠ}^{MEŠ} ú-i al-di-ni-i-e gu-du-ú-li
- 30 ^Dhal-di-e III UDU^{MEŠ} TAG III UDU^{MEŠ} DINGIR^{MEŠ} UKKIN a-še
^{GIŠ}ul-di ta-nu-li ^Dhal-di-e III UDU TAG III UDU DINGIR^{MEŠ}
 UKKIN^{MEŠ} a-še ^{GIŠ}ul-di me-šú-li
^Dhal-di-e III UDU TAG III UDU DINGIR^{MEŠ} UKKIN^{MEŠ} GEŠTIN
 me-ši-i-ú-li-ni me-i e-ši-me-ši el-mu-š[e ma⁶]-a-nu-ú-ni
- II 32 ^Dhal-di-e e-ú-ri-i-e ^Iiš-pu-ú-i-ni-še ^I^Dsar₅-du-ri-e-ħi-ni-še
^Ime-nu-ú-a-še ^Iiš-pu-ú-i-ni-e-ħi-ni-še i-ni-li KÁ^{MEŠ} za-a-tú-ú-li
 te-ir-tú ar-di-še ^DUTU-ni-ni ITU a-šu-ú-še ma-a-nu-še ^Dhal-di-e
- 35 ^DIM ^DUTU DINGIR^{MEŠ} UKKIN^{MEŠ} VI UDU.MÁŠ.TUR ^Dhal-di-e ni-
 ip-si-di-'a-[a-l]i
 XVII GUD XXXIV UDU ^Dhal-di-e ur-pu-ú-e VI GUD XII UDU
^DIM IV GUD VIII UDU ^DUTU
 II GUD IV UDU ^Dhu-ħu-i-ni-e GUD II UDU ^Dtu-[ra-ni-i]-e
 II GUD IV UDU ^Dú-a II [GUD] IV UDU ^Dna-la-[i-ni]-e
 II GUD IV [UDU] ^Dše-bi-tú-ú-e II GUD IV UDU ^Da[r-si-me-la]-a
- 40 GUD II UDU ^D'a-a-na-ap-šá-a GUD II UDU ^Ddi-e-du-[a-i-ni]-e
 GUD II UDU ^Dši-e-la-ar-di-e GUD II UDU ^Dhal-di-[na-ú-e] B[E].LI^{MEŠ}
 GUD II UDU ^Dat-bi-ni-i-e GUD II UDU [^D]qu-ú-e-ra-a
 GUD II UDU ^De-li-ip-ri-i-e GUD II UDU [^D]tar-ra-i-ni-e
 GUD II UDU ^Da-da-ru-ta-a GUD II UDU [^D]ir-mu]-ši-ni-e
- 45 GUD II UDU DINGIR a-lu-še ú-ru-li-[liú-e]-ši-(ú)⁷-a-li
 GUD II UDU ^Dal-ap-tú-ši-ni-e [GUD II] UDU ^De-ri-na-a

- GUD II UDU ^Dši-i-ni-ri-e GUD II [UDU ^Dú-ni-na-a
 GUD II UDU ^Da-i-ra-i-ni-e GUD II [UDU ^Dzu]-zu-ma-a-ru-e
 GUD II UDU ^Dha-a-ra-a GUD II UDU ^Da-ra-za-a
 50 GUD II UDU ^Dz[i-q]u-ú-ni-i-e GUD II UDU ^Dú-ra-a
 GUD II UDU ^Dar-ši-be-di-ni-e GUD II UDU ^Dar-ni-i-e
 GUD II UDU ^Dhal-di-n[i] i-ni-ri-a-ši-e GUD II [UDU] ^Dhal-di-ni al-
 su-ú-ši-e
 GUD II UDU ^Dhal-di-n[i] di-ru-ši-i-e II GUD [IV UDU ^Dhal-d]i-na-
 ú-e LÚ A.SI^{MEŠ}
 II GUD [IV UDU] ^DIM-na-^rú^l-e LÚ A.SI^{MEŠ} II GUD XXXIV UDU
^Dar-tu-'a-ar-sa-ú-e
 55 [II GUD IV UDU] ^{URU}ar-di-n[i-na]-ú-e DINGIR GUD II UDU^{URU}qu-
 me-nu-na-ú-e DINGIR
 GUD [II UDU^{URU}] tu-uš-pa-na-ú-e DINGIR GUD II UDU DIN-
 GIR ^{MEŠ} ^Dhal-di-ni URU
 GUD [II UDU DIN]GIR^{MEŠ} ^{URU}ar-šu-ú-ni-[ni] GUD II UDU ^Dhal-
 di-ni da-ši-i-e
 [GUD II UDU] ^Dšú-ú-ba-a GUD [II] UDU ^Dhal-di-na-ú-e KÁ
 [GUD II UDU ^DIM] KÁ ^{URU}ir-di-ia GUD II UDU ^DUTU KÁ ^{URU}ú-
 i-ši-ni
 60 [GUD II UDU ^De]-li-a-'a-a GUD II UDU ^Dhal-di-[ni] ar-[ni]-i-e
 [GUD II UDU ^Dhal-di]-ni uš-ma-š[i]-i-e GUD II UDU DINGIR^{MEŠ}
^Dhal-di-ni-ni su-ú-si-ni
 [GUD II UDU ^Dta-la]-ap-ú-[ra]-a GUD II UDU ^Dqi-li-ba-[ni]-e
 [GUD II UDU^{KUR}e-b]a-ni-[na-ú]-e DINGIR GUD II UDU ^{ŠADU}al-[ga]-
 ni-[na-ú]-e [DINGIR]
 GUD [II UDU ^Dšu-i-ni-na-ú-e DINGIR] II GUD XIV UDU DINGIR^{MEŠ}
 at-qa-na-[na]-ú-e
 65 [II GUD XIV UDU^D ...]ra-ú-e IV GUD XVIII UDU [DINGIR^{MEŠ}
 UKKIN]^{MEŠ}
 [IV UDU^D hal-di-ni ni]-ri-bi-i G[UD] II UDU ^Dú-[a-i-na-ú-e]
 [KÁ^{URU}ni-ši]ni X UDU ^{ŠADU}ba-ba-[na-ú-e]
 [GUD^{AB} UDU ^D,a-a-ru]-ba-a-ni-e GUD^{AB} UDU [^Dhu-ba-a]
 [GUD^{AB} UDU ^Dtu-uš-pu-e-a GUD^{AB} ^Da-ú]-i-e GUD^{AB} ^D[a-i-a]
 70 [.]GUD^{AB} ^D[.]
 [.]ar-di-i-e[.]
 [. . .]a[.]^D[. . .]
 [. . .] UDU [. . .]^Da-di-[i-a . . .]
 [. . .] ú [.]e[.]
 75 [.]ú[.]
 [DINGIR]^{MEŠ} [UKKIN]^{MEŠ} be-di-ni [ma-ni-ni ul-gu-še]
 [^Iiš-pu-ú]-i-ni ^{ID}sar₅-[du-ri-hi-ni]
 [^Ime-nu-ú]-a ^Iiš-pu-[ú-i-ni-e-hi-ni]
 [^Iiš-pu-ú-i]-ni-še ^{ID}sar₅-[du-ri-hi-ni-še]
 80 [a-li ^Ime-nu]-ú-a-še ^Iiš-pu-[ú-i-ni-hi-ni-še]

- [^Dhal]-di-ni be-di [šâ-ni]
 [qa-ab-qa-ri-li]-ni e-'a DINGIR [^{MES} UKKIN^{MES}]
 [.] i-e ti ip na [.]
 [.] hu-ru-la-a-i ši-li gu-ú-li [ti-šú-ul-du-li-ni]
 85 [^Iiš-pu-ú-i-ni-še^{I D}] sar₅-du-ri-[hi-ni-še^I me-nu-ú-a-še]
 [^Iiš-pu-ú-i-ni]-hi-ni-še^{GIS} ul-[di-e šú-hé te-ir]-tú
 [^Dhal-di-e ku⁴-ú-e^{GIS}] za-ri-e [šú-hé te]-ir-tú
 [ú-i gi-e-i iš-ti-ni ši-i-da]-ú-ri [^Iiš-[pu-ú-i-ni-še^{I D} sar₅-du-ri-hi]-ni-še
 [^Ime-nu-ú-a]-še [^Iiš-pu-ú-[i]-ni-e-hi-ni-še
 90 [. ar-di]-še a-še GIS^{MES} ú-i al-[di]-ni-i
 [. ur-pu]-ú-a-li III UDU DINGIR^{MES} UKKIN^{MES}
 [.] e ur-pu-[ú]-a-li
 [.] li III UDU^{MES} ^D[. . .] ur-[pu-a]-li
 [. . . me]-i e-ši-m[e-ši el]-mu-š[e] m[a⁶-a-nu-ú]-ni

Богу Халди, владыке, Ишпуини, сын Сардури, (и) Менуа, сын Ишпуини, эти ворота построили ⁸ (и) установили ⁹ приказ: . . . ¹⁰ богов Халди, Тейшеба, Шивини, всех богов. 6 козлят богу Халди чтобы были зарезаны (?), 17 быков (и) 34 овцы богу Халди (в качестве) жертвы; богу Тейшеба — 6 быков (и) 12 овец, богу Шивини — 4 быка (и) 8 овец, богу Хутуини — 2 быка (и) 4 овцы, богу Турани — быка (и) 2 овцы, богу Уа — 2 быка (и) 4 овцы, богу Налаини — 2 быка (и) 4 овцы, богу Шеллиту — 2 быка (и) 4 овцы, богу Арсимела — 2 быка (и) 4 овцы, богу Анапша — быка (и) 2 овцы, богу Дидуаини ¹¹ — быка (и) 2 овцы, богу Шелларди (богу луны) — быка и 2 овцы, оружие бога Халди — быка (и) 2 овцы, богу Атбини — быка (и) 2 овцы, богу Куера — быка (и) 2 овцы, богу Элипри — быка (и) 2 овцы, богу Тарайни — быка (и) 2 овцы, богу Адарута — быка (и) 2 овцы, богу Ирмушини — быка (и) 2 овцы, богу, который . . . — быка (и) 2 овцы, богу Алаптушини — быка (и) 2 овцы, богу Эрина — быка (и) 2 овцы, богу Шинири — быка (и) 2 овцы, богу Уни-на — быка (и) 2 овцы, богу Аираини — быка (и) 2 овцы, богу Зузумару — быка (и) 2 овцы, богу Хара — быка (и) 2 овцы, богу Араза — быка (и) 2 овцы, богу Зикуни ¹² — быка (и) 2 овцы, богу Ура — быка (и) 2 овцы, богу Арцибедини — быка (и) 2 овцы, богу Арни ¹³ — быка (и) 2 овцы, iniriaše бога Халди ¹⁴ — быка (и) 2 овцы, величию бога Халди — быка (и) 2 овцы, diruše бога Халди — быка (и) 2 овцы, воинству бога Халди — 2 быка (и) 4 овцы, воинству бога Тейшеба — 2 быка (и) 4 овцы, богу artu'ar(a)sauē ¹⁵ — 2 быка (и) 34 овцы, богу города Ардини — быка (и) 2 овцы, богу города Кумену — быка (и) 2 овцы, богу города Тушпа(ни) — быка (и) 2 овцы, богам города бога Халди — быка (и) 2 овцы, богам города Арцуниуини ¹⁶ — быка (и) 2 овцы, daše бога Халди — быка (и) 2 овцы, богу Шуба — быка (и) 2 овцы, воротам бога Халди — быка (и) 2 овцы, воротам бога Тейшеба города Эридиа ¹⁷ — быка (и) 2 овцы, воротам бога Шивини города Уишини — быка (и) 2 овцы, богу Элиа — быка (и) 2 овцы, милости бога Халди — быка (и) 2 овцы, могуществу бога Халди — быка (и) 2 овцы, богам susi ¹⁸ бога Халди — быка (и) 2 овцы, богу Талапура — быка (и) 2 овцы, богу Килибани — быка (и) 2 овцы, богу стран — быка (и) 2 овцы, богу гор (?) ¹⁹ — быка (и) 2 овцы, богу озер — быка (и) 2 овцы, богам жертвоприношений — 2 быка (и) 14 овец, богу . . . — 2 быка (и) 14 овец, всем богам — 4 быка и 18 овец, скоту (?) бога Халди — 4 овцы, воротам бога

Уа²⁰. города Ниши [] ни — 2 овцы, горам²¹ — 10 овец, богине²² Арубаини²³ — корову (и) овцу, богине Хуба²⁴ — корову (и) овцу, богине Тушпуеа — корову (и) овцу, богине Ауи — корову, богине Аиа — корову, богине Сарди — корову, богине Цинуиарди — 2 овцы, богине Ипхари — 2 овцы, богине Барциа — овцу, богине Сириа — овцу, богине Ара — овцу, богине Адиа — овцу, богине Уиа — овцу, богине апае²⁵ — 4 овцы, богине Арди — 2 овцы, богине ипапае²⁶ — 17 овец.

Со стороны бога Халди, со стороны всех богов да будет жизнь Ишпуини, сыну Сардури, (и) Менуа, сыну Ишпуини.

Ишпуини, сын Сардури, говорит: Менуа, сын Ишпуини . . . а также все боги 3 быка (и) 30 овец . . . Ишпуини, сын Сардури, (и) Менуа, (сын Ишпуини, повелели⁹ устройство (?) виноградника/ Богу Халди также²⁷ устройство (?) сада повелели⁹ они.) Ничего там (раньше) не было построено. Ишпуини, сын Сардури, (и) Менуа, сын Ишпуини, повелели постройку (?) крепости (?) (и) установили приказ: когда деревья . . . пусть будут преподнесены в жертву богу Халди — 3 овцы (и) 3 овцы — всем (другим) богам; когда виноградник . . . пусть будут преподнесены в жертву богу Халди — 3 овцы (и) 3 овцы — всем (другим) богам; когда виноградник . . . богу Халди пусть будут преподнесены в жертву 3 овцы (и) 3 овцы (всем) другим богам. Вино . . .

(Текст повторяется дважды).

¹ Так мы читаем на основании фотоснимка эстампажа, опубликованного в СICh. В транскрипции в СICh, а также в других изданиях надписи ошибочно: ba.

² В СICh ошибочно: da (ср. RA, XXXIII (1936), стр. 134).

³ В СICh: te и указывается, что la ошибочное чтение Сэйса. Но, во-первых, здесь стоит la в своей обыкновенной, наиболее распространенной форме (>E|) и, во-вторых, из урартских текстов неизвестен корень teku, в то время как глагольная основа laku- засвидетельствована в надписях (например, № 169, стк. 7,18: lakuiani, lakudule).

⁴ По эстампажу (СICh, табл. 8) скорее так, чем lu. В СICh транскрибируется: lu-ú-e-še; последнего знака (še) также нельзя разобрать на эстампаже (см. там же; ср. М. Церетели, RA, XXX (1933), стр. 40). В соответствии с этим даются восстановления в стк. 87.

⁵ Восстанавливается по оставшимся следам этого знака (E|/|/|/|/|); поэтому и впереди него нетрудно восстановить ši (или ši-i). В СICh: iš-ti-ni[] 2|x-ú-ri.

⁶ Восстанавливается нами на основании параллельного места в надписи № 169, стк. 13.

⁷ Добавляется нами по стк. 9.

⁸ В «основном» тексте: zaduali (3-е лицо ед. ч.), при повторении же — zatuli (форма 3-го лица мн. ч.). Как нам кажется, в «основном» тексте в глагольной суффиксации нашли свое выражение нормы мусасирского говора урартского языка (См. Г. А. Меликишивили, ВДИ, 1948, № 2, стр. 41 сл., а также выше — в очерке урартской грамматики).

⁹ В основном тексте: teruni; и здесь, повидимому, следы мусасирского говора (см. там же).

¹⁰ Мы оставляем без перевода фразу: ^DUTU-(nini) ITU ašuse manuše — возможно, ее смысл состоит в том, что указывается на ежемесячный характер установленных урартским царем жертвоприношений разным урартским богам (в построенном здесь храме — «воротах») — ср. Г. А. Меликишивили, Некоторые вопросы социально-экономической истории Наири-Урарту, ВДИ, 1951, № 4, стр. 34. К переводу данного комплекса см. А. Гётце, RHA, 24, стр. 28; М. Церетели, RA, XXXIII, стр. 124; он же, RA, XLV (1951), № 4, стр. 196.

¹¹ При повторении: ^Ddi-e-du-[a-i-ni]-e, т. е. «богу Дедуаини».

¹² При повторении: «Зикуни».

¹³ Ср. agni «милость».

¹⁴ Согласно М. Церетели, урартское iniriaše означает: «божество»; здесь он переводит: «божеству Халди» (см. RA, XXX, стр. 17, прим. 1 и др.).

¹⁵ arṭu'ar(a)saue скорее какое-нибудь нарицательное имя (основа arṭu'ar(a)si?) в родительном падеже мн. числа, а не название конкретного божества arṭu'ar(a)sau.

¹⁶ При повторении: «Арцуни»; по всей вероятности, здесь перед нами не собственное, а какое-нибудь нарицательное имя.

¹⁷ При повторении: «воротам бога Тейшеба в город Ирдиа».

¹⁸ Название определенного вида культовых сооружений.

¹⁹ *algani*.

²⁰ *Duainaue*: от *Dua* (см. стк.6)— *Dua-ini-li* К.А.

²¹ *babanaue* — дательный падеж мн. числа от *baBa* «гора».

²² Начиная с этого места, как нам кажется, в надписи начинается перечисление богинь, которым, в отличие от божеств мужского пола (им урартийцы предназначали в жертву козлят, быков и овец, второстепенным — лишь овец), посвящались в жертву коровы и овцы (второстепенным лишь коровы или овцы). Перечисление богинь начинается с *'agubaini* (вар. *agubani*, см. в надписи № 25), являющейся, по всей вероятности, верховной богиней Урарту, супругой бога Халди (см. их совместное упоминание в надписях №№ 25, 65, ср. также № 143, стк. 3). На втором месте упоминается богиня Хуба (см. выше, прим. 1), супруга бога Тейшеба, занимавшего в урартском пантеоне второе место («Хепа» хурритского пантеона — верховная богиня хурритов, супруга верховного бога хурритов Тешуба). На третьем месте среди богинь упоминается Тушпуеа, по всей вероятности, супруга бога солнца Шивини, занимавшего в пантеоне третье место (ср. название столицы Урартского царства Тушпа — древнейшего центра культа бога солнца — см. Г. А. Меликишвили, «Сообщения АН Груз ССР», VII, № 6, стр. 405 — 411; ВДИ, 1947, № 4, стр. 23 — 26).

²³ При повторении: «Арубани».

²⁴ См. примеч. 1 и 22-е.

²⁵ Повидимому, это имя божества является каким-то нарицательным именем (стоит в родительном падеже мн. числа; основа *aini*?).

²⁶ Повидимому, и это имя божества является каким-нибудь нарицательным именем (основа — *inuan*?)

²⁷ *kue*.

